

Л.П. Галич

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ

Минск
«Право и экономика»
2012

УДК 136.6
ББК 60.5
Г15

Рецензенты:

доктор социологических наук, заведующий сектором
социологии инноваций Института социологии
НАН Беларуси С.А. Шавель,
кандидат социологических наук, заведующий сектором
социологии здоровья и человеческого развития
Института социологии НАН Беларуси В.Р. Шухатович

Галич, Л.П.

Г15 Социальное самочувствие молодежи / Л.П. Галич. – Минск : Право и экономика, 2012. – 160 с.
ISBN 978-985-552-101-4.

В монографии представлены методологические предпосылки изучения социального самочувствия, его интерпретация и концептуальная модель изучаемого феномена. Раскрываются его индикаторная и символическая функции. Осуществляется эмпирический анализ социального самочувствия различных категорий молодежи и компаративный анализ отдельных показателей социального самочувствия молодежной и старшей когорт. Обосновывается влияние социального самочувствия молодежи на поддержание стабильности в обществе.

**УДК 136.6
ББК 60.5**

ISBN 978-985-552-101-4

© Галич Л.П., 2012

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЕЖИ	13
1.1 ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ	13
1.2 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ, ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ	32
1.3 МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ	52
1.4 СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ	64
ГЛАВА 2 ЭМПИРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЕЖИ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ	75
2.1 ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ	75

2.2 ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	94
2.2 ЭВАЛЮАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ КАК КОРРЕЛЯТ НОРМАТИВНОГО СТАНДАРТА	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа посвящена весьма интересной и актуальной теме – изучению социального самочувствия белорусской молодежи. Отметим, что в отечественной социогуманитарной литературе тема самочувствия молодежи затрагивается лишь попутно, специальных работ пока нет.

Уникальность данной работы состоит в том, что, во-первых, автор предлагает методологию исследования социального самочувствия, основанную на предпосылках аналитического реализма, характеризующих онтологию изучаемого феномена. Во-вторых, в работе представлена модель социального самочувствия, в которой показана его структура, состоящая из когнитивного, эмотивного, конативного и эвалюативного компонентов; проводится линия связи и взаимозависимости компонентов, центрирующей роли эвалюативного элемента и динамического характера социального самочувствия, обусловленного как личностным ростом субъекта, так и изменяющимися условиями жизни. В-третьих, в монографии презентуется авторская методика социологического измерения каждого элемента социального самочувствия; осуществляется эмпирический анализ социального самочувствия различных категорий белорусской молодежи, а также представлен сравнительный анализ отдельных показателей социального самочувствия молодежи и старшей когорты; обосновывается влияние социального самочувствия молодежи на поддержание стабильности в обществе.

Эмпирическую основу исследования составили:

1. Мониторинг Института социологии НАН Беларуси 2009-2011 гг.
2. Материалы прикладного социологического исследования «Социальное самочувствие и ожидания населения Беларуси». Объем выборки составил 2068 человек, в том числе 597 респондентов молодежной когорты.
3. Исследование, проведенное в рамках аспирантского гранта БРФФИ по теме «Социальное самочувствие молодежи как фактор об-

пественной стабильности», государственная регистрация № 20101068 от 31.05.2010 г.

Автор неоднократно подчеркивает, что благополучное социальное самочувствие – это следствие не только хороших условий жизни, но и результат личных достижений; притязаний и реальных возможностей их воплощения; рационализированных представлений о благополучной жизни, идеалах счастья и нормативных стандартах поведения в обществе. Именно поэтому книга адресуется как профессиональным специалистам, студентам, аспирантам, так и рядовому читателю, стремящемуся не только познать самого себя, свой внутренний мир, но и улучшить его.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ВВЕДЕНИЕ

Актуализация исследований социального самочувствия населения и различных его категорий началась в 80-90-е годы 20-го столетия в связи с необходимостью диагностирования социально-экономической, политической и духовной ситуации в стране. В данном аспекте социальное самочувствие рассматривалось в качестве показателя благополучия общества. Традиционно состояние общества как страны-государства оценивалось по некоторым объективным показателям (казны, сбора зерна, домашнего скота и пр.). С появлением статистики (А. Кетле) сбор таких данных был поставлен на научную основу. Однако статистика не обладает возможностью фиксировать субъективные показатели: восприятие людьми своего положения в обществе, оценки и тенденции его развития и др. Такую информацию можно получить от самих респондентов, используя социологические методы. Социальное самочувствие – один из наиболее чувствительных индикаторов, отражающий как индивидуальный жизненный тонус, так и состояние конкретного социума.

Интерес к проблематике социального самочувствия проявляется не только со стороны исследователей – социологов, психологов, экономистов, философов и политологов. Данное понятие широко используется в сфере государственного управления. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко справедливо отметил, что самочувствие граждан определяется образом и качеством жизни, а также тем, насколько им комфортно в обществе и государстве, в котором они живут и работают, а от этого зависит и стабильность самого государства. По его словам, социальное самочувствие предопределяется развитием тех сфер, которые формируют среду жизнедеятельности человека, — трудовая занятость, уровень оплаты труда и иные социальные гарантии. Они затрагивают каждого человека и все общество в целом. Поэтому именно в этих сферах граждане ожидают активной роли государства, более энергичных подвижек к лучшему. «Социологи говорят, - подчеркнул Президент Бе-

ларуси, - что счастливое общество состоит из счастливых людей» [1]. А счастье – это и есть высший уровень позитивного социального самочувствия. В одной из своих статей В.В. Путин пишет: «Не менее значимая проблема – квалификация и социальное самочувствие рабочих, тех, кто является стержнем нашей экономики» [2]. Предложенный комплекс мер по решению данной проблемы, направленный на повышение квалификации и на улучшение самочувствия рабочих, предполагает социологическое сопровождение их реализации, в частности, разработку методического инструментария для измерения самочувствия, проведения мониторинга и прогнозирования тенденций изменения.

Позитивное социальное самочувствие определяется общей констелляцией факторов-условий, формирующих благоприятную атмосферу в обществе: динамичностью темпов социально-экономического и культурного роста, тенденциями эффективного инновационного развития, кумулятивным повышением социального капитала (доверия, солидарности и др.) и уровня человеческого развития. Все это объективно выражается в положительных, в целом, изменениях, несмотря даже на временные колебания показателей материального благосостояния и качества жизни. А на субъективном уровне – удовлетворенности жизнью во всех измерениях, оптимизмом, перспективностью, утвердительными ответами на вопрос о счастье.

Что же касается негативных проявлений социального самочувствия, то они могут вызываться не только реальным ухудшением социально-экономической ситуации, но и антиципацией (предвосхищением) возможных рисков (опасений) от природных, техногенных, внешнеполитических катаклизмов, апокалиптических представлений, потерей ценностных опор массового сознания. В современном мире, как показывает международный опыт, в том числе и ряда стран ЕС, на первое место среди деформирующих социальное самочувствие факторов, выходит дефицит доверия, особенно, к финансовым институтам. Возникающее при этом рассогласование между ожиданиями тех или иных категорий

населения и действиями органов власти, соответствующих институтов выливается в массовые протестные акции.

Чем благоприятнее, выше уровень социального самочувствия, тем больше вероятность того, что в данном социуме (регионе, трудовом коллективе, семье) будет порядок. Учет социального самочувствия необходим и на уровне регионов, трудовых коллективов, семьи. Особое значение приобретает изучение социального самочувствия молодежи с точки зрения нахождения путей позитивного влияния на те факторы-условия, которые повышают уровень социального самочувствия данной когорты. Молодежь является наиболее активной, но вместе с тем и уязвимой категорией населения; как никакой другой возрастной группе, ей свойственны максимализм, стремление «жить своим умом», т.е. не воспроизводить имеющиеся («прошлые») паттерны отношений, вкусы, нормы и ценности, а создавать свое, оригинальное, - иногда даже вопреки здравому смыслу. При этом такой аксиологический «вопрекизм» по отношению к родительским (в широком смысле слова – всех учителей и наставников) заветам и правилам странным образом уживается с жестким конформизмом внутри своей малой группы, компании и всей когорты. Подобная разнонаправленность ценностного сознания делает молодежь одновременно и отзывчивой на высокие общественные призывы, и легко поддающейся манипулятивным технологиям. При определенных условиях второе направление способно воплотиться в реальные протестные действия в силу недостатка жизненной мудрости, присущей старшему поколению. Каждый десятый молодой респондент допускает свое участие в акциях протеста в случае неблагоприятных обстоятельств; каждый пятый в защиту своих прав в подобной ситуации готов использовать разные, в том числе и крайние средства.

Социальный заказ на изучение социального самочувствия молодежи отражает новые реалии и многообразные общественные потребности. Во-первых, во всех «имманентных флуктуациях» (П. Сорокин), т.е. волнениях и беспорядках начала нынешнего века ставку их организаторы

делают, прежде всего, на молодежь. «Цветные революции» в ряде постсоветских стран», бунты мигрантов и движения антиглобалистов, «зеленых» (Гринпис) и др. на Западе, «сетевая мобилизация» в государствах Магриба, Ближнего Востока – все это новые технологии вовлечения молодых людей в противоправные действия. К сожалению, и в Беларуси в известном митинге-шествии 19 декабря 2010 г., спровоцированном пятью экс-кандидатами в Президенты, не обошлось без участия молодежи. Тем самым актуализируется задача выработки у молодежи иммунитета к разного рода манипулятивным воздействиям путем перестройки информационно-разъяснительной работы с учетом социопсихического состояния тех или иных категорий современной молодежной когорты.

Во-вторых, возрастает потребность в усилении профилактики девиантности, аномийных расстройств, выявления социальных и психологических источников контркультурных проявлений в молодежной среде, таких как «анархисты», «эмо», «готы», «панки», «сатанисты» и др.

В-третьих, молодежь, особенно переходных возрастов, нуждается не только в социальной защите и реализации прав на образование, трудоустройство, перемещение и т.д., но и в социальной и психологической поддержке терапевтической направленности, в связи с аномийными расстройствами, депрессиями, невротами и другими неблагоприятными формами самочувствия. Терапевтическая работа может быть только индивидуальной, и она не должна сводиться к телефону доверия. Социологические исследования позволяют, сохраняя анонимность для других, персонифицировать данные для работников социальных и психотерапевтических служб.

Знание особенностей социального самочувствия разных групп и категорий населения оказывается незаменимым в практике управления социальными процессами в государстве (коллективе, семье, регионе и т.д.), в определении приоритетов социальной политики, в прогнозировании периодов нарастания неудовлетворенности и диагностике потенциальной конфликтности тех или иных поводов, в том числе, и создаваемых

искусственно. Не случайно в социологии молодежи возникла необходимость выяснения места, роли и значения молодого поколения в социальной структуре общества, которое понимается в качестве большой социальной общности, находящейся в процессе формирования, становления и реализации своих качеств. Ценностные ориентации молодежи, ее жизненные стратегии, социальное самочувствие, установки и др. во многом определяют участие молодежи и ее вклад в развитие общества, поддержание общественного порядка и стабильности. Наряду с освоенными традиционными для предметного поля социологии молодежи темами, такими, как особенности социализации молодежи, ценностные ориентации, мотивации деятельности, образ жизни, жизненные планы и др., возникают новые задачи, связанные с изучением социальных ожиданий и установок, жизненных стратегий, настроений и социального самочувствия. Молодежная политика современной Беларуси характеризуется значительными достижениями в сфере образования (возросла численность студентов вузов почти в два раза), поддержки молодых семей и развития детских дошкольных учреждений (практически полностью удовлетворяется потребность в детских садах), в социальной защите и трудоустройстве, спорте и туризме, доступности Интернета и т.д. По словам Президента Беларуси, - «инвестиции в молодежь – это инвестиции в наше будущее. Но молодежная политика и подходы к ее реализации должны претерпеть коренные изменения». А для этого необходимо знать ожидания, настроения и самочувствие молодежи.

В 2009 г. современную Беларусь, как и большинство стран мира, затронул мировой финансово-экономический кризис, перед лицом которого молодежь оказалась самой уязвимой категорией. Наше исследование показало, что первую волну кризиса остро ощутили на себе 24,1 молодежи, 18,2 среднего поколения, 8,6% старшего поколения. Многие исследователи отмечают, что в современном мире особое значение приобретают умонастроения, социальное самочувствие молодежи, ее само-

ощущение в трансформирующихся социально-экономических, политико-правовых, культурно-идеологических условиях.

Особую актуальность социологическим исследованиям данного феномена придает то, что они позволяют проникать во внутренний мир молодежи, закрытый для статистики, экономических, психолого-педагогических и других методов, а значит, понять ценностные диспозиции и ожидания, предпочтения и предрасположенности, своевременно заметить аномийные расстройства, различные формы девиантности и делинквентности (правонарушений) и пр. Эмпирический анализ, выявляя различия разных отрядов молодежи по показателям социального самочувствия, предотвращает серьезную ошибку обобщенного сознания старших возрастов, а именно, неоправданную генерализацию, т.е. перенос замеченных локальных недостатков на всю когорту.

Научные разработки в области социологии молодежи внесли значительный вклад в становление и развитие категории социального самочувствия, однако отсутствует единая унифицированная методика его социологического изучения, позволяющая осуществлять сравнение молодежи в различных пространственных и временных измерениях. Из этого вытекает гносеологическая проблема необходимости исследования данного феномена, заключающаяся в том, что имеющиеся научные знания о социальном самочувствии показывают отсутствие либо фрагментарность обобщающей (комплексной) концепции и методики его социологического анализа.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЕЖИ

1.1 Генезис научных представлений о социальном самочувствии

В истории социогуманитарной мысли выделяется своей значимостью и вместе с тем загадочностью тот период, который известный немецкий философ К. Ясперс (1883-1969) назвал «осевым временем». Ось мирового развития была создана благодаря качественным духовным сдвигам в разных регионах земли, произведенным однонаправленными (синергетическими) усилиями первых греческих мудрецов, иудейских пророков в Палестине, основателями религиозных учений Заратустрой в Персии, Буддой в Индии, Конфуцием в Китае. Ясперс считал, что именно в этот сравнительно небольшой по историческим меркам период (400 лет) были заложены основы современной цивилизации Востока и Запада, установлена векторная (перспективная) связь времен, определены общечеловеческие заветы сосуществования, закодированные в эзотерической форме смыслов.

Концепцию осевого времени Ясперса принимают не все историки и другие социогуманитарии; некоторым представляется, что после первых ярких впечатлений (книга «Смысл и назначение истории») она (концепция) потеряла свой эвристический потенциал, а намеки на шифр не более чем уклон в мистику. Не входя в полемику, отметим, что, на наш взгляд, главное достижение «Осевого времени» в том, что было положено начало формированию терминологического аппарата восприятия и понимания субъективной реальности, путем категоризации слов повседневного языка, таких как чувства, эмоции, настроения, самочувствие и

т.д. При этом, в отличие от художественной литературы, - включая мемуарные, исповедальные, лирические и другие жанры, - которая все больше сосредотачивалась на личностном внутреннем мире героев, здесь эти термины призваны отражать единство индивида и социума, с акцентированием того положения, что вне общества индивидуальная жизнь невозможна. Китайская традиция здесь наиболее четко выражена Конфуцием (551- 478 до н.э.). Он писал: «Чтобы государство было крепким, нужно 1) чтобы было благоустройство во всем народе. Для того чтобы было благоустройство во всем народе, нужно 2) чтобы было благоустройство в семье. Для того чтобы было благоустройство в семье, нужно 3) чтобы было благоустройство в самом себе. Для того чтобы было благоустройство в самом себе, нужно 4) чтобы сердце было чисто, исправлено. Для того чтобы сердце было чисто, исправлено, нужна 5) правдивость, сознательность мысли. Для того чтобы была сознательность мысли, нужна 6) высшая степень знания. Для того чтобы была высшая степень знания, нужно 7) изучение самого себя» [3, с.952]. Как видим, Конфуций учит знать себя, т.е. понимать и регулировать свое самочувствие. Причем не для какой-либо выгоды или по чисто эгоистическим соображениям, а для того, чтобы, поднимаясь от ступеньки к ступеньке, внести, в конечном счете, свой вклад в общее благо – укрепление своего государства.

Социальное самочувствие является весьма многогранной категорией, поскольку соприкасается с такими понятиями как жизненное благополучие, душевный комфорт, удовлетворенность жизнью, общественное настроение и, конечно же, счастье. Более того, в предмете нашего изучения, в социальном самочувствии, проявляется его междисциплинарный характер, поскольку вопросы, затрагивающие различные его (социального самочувствия) аспекты, рассматриваются не только в социологической, но и в философской, психологической, исторической, экономической, политологической и художественной плоскостях. В июне 1972 года академик А.Д. Сахаров в записке Брежневу выделил ряд на-

правлений, по которым, с его точки зрения, требуются «неотложные государственные реформы и усилия по развитию общественного сознания». Методологической предпосылкой таких предложений называется следующее положение: «Счастье людей, в частности, обеспечено их свободой в труде, в потреблении, в личной жизни, в образовании, в культурных и общественных проявлениях, свободой убеждений и совести, свободой информационного обмена и передвижения [4, с. 23-24]. Человек должен обладать возможностью самостоятельно определять направления собственной деятельности и занятий; организовывать так свою личную жизнь, как он желает; жить там, где ему больше нравится; иметь возможность и необходимые условия для самореализации; обладать свободой в социальном взаимодействии и общении; никто не имеет права насаждать ему ту или иную веру, мысли, чувства – вот основные сферы, которые, по мнению автора, способны привести к счастливой жизни. Об этом, кстати, рассуждал в своем выступлении в Гарварде А. И. Солженицын: по теории граждан современных западных стран должны быть счастливыми, поскольку получили желанную свободу и такое количество и качество физических благ, которое им необходимо. Однако здесь упущена психологическая сторона вопроса, состоящая в том, что людям свойственно постоянное желание иметь еще больше и лучше «и напряженная борьба за это запечатлевается на многих западных лицах озабоченностью и даже угнетением» [5]. Человек настолько поглощен и озабочен еще большими «приобретениями», что совсем забыл о духовной своей эволюции. Еще раньше индийский гуманист и мыслитель Свами Вивекананда (1863-1902) по этому поводу высказался так: «Духовное знание есть единственное, что может уничтожить наши несчастья навсегда... Духовно сильный и здоровый человек будет силен и во всех других отношениях, если он того пожелает. Пока человек не обладает духовной силой, даже его физические потребности не могут быть надлежащим способом удовлетворены» [6, с.95]. Действительно, материальные блага, наслаждения, обладания, удовольствия не способ-

ны в полной мере привести к счастью. Что является более существенно для «счастливого бытия» человека – это особого рода знание, знание самого себя, своего призвания и предназначения, стремление к самому себе и жизнь в соответствии с самим собой. А.А. Горбатков писал: «Как учит опыт всех времен, самым благоприятным условием для чувства счастья является умеренное обладание благами» [7, с.100]. По этому поводу также рассуждал известный белорусский социолог С.А. Шавель: «Общество потребления, представляемое как всеобщее благоденствие и изобилие благ, не выдерживает онтологической критики... Предполагалось, что в таком обществе будут устранены классовые и другие противоречия, установится гармония интересов, стабильное поступательное развитие, а главное – счастье людей... Сверхпотребление – даже если отвлечься от того, насколько справедливы его источники – не привело к стабильности и гармонии, а субъективные ощущения счастья оказались эфемерными» [8, с.56]. Материальное благополучие без духовного процветания личности, без ее развития, без стремления к знанию, к любви, к заботе о близких – не является панацеей от уменьшения страдания и отнюдь не способствует увеличению счастья. Таким образом, исключительное стремление к материальному благополучию как к критерию счастья является напрасным, т.к. приводит часто к обратному результату, к разочарованию. Порой, даже «страдания учат лучше, чем удовольствия, зло и добро в разной мере формируют характер... В огромном большинстве случаев горе учило больше радости, бедность учила лучше, чем богатство, и удары лучше возбуждали внутренний огонь, чем похвалы» [6, с. 95]. В последнее время социологи отмечают, что счастливых людей оказывается больше среди материально средне благополучных стран, и уровень суицидов там гораздо ниже, чем в экономически развитых государствах. Анализируя эту проблему, П. Сорокин пришел к такому выводу: «Счастье и благоденствие – явления, конечно, в высшей степени субъективные, однако в нашем распоряжении имеется более или менее объективный критерий, позволяющий судить о том,

увеличивается ли оно или нет... пусть понимание и переживание счастья относительно, субъективно и изменчиво, но одно несомненно: если жизнь есть счастье и благоденствие или кажется таковой, то тогда она принимается и от нее не отказываются. Счастливая жизнь предпочитается смерти» [9]. Очевидно, что обращение Сорокина к проблематике общественного прогресса затрагивает тему счастья, а именно, должна ли формула прогресса включать в себя принцип счастья? Увеличивается ли счастье вместе с прогрессом человечества? Если увеличивается численность отказывающихся от жизни, следовательно, люди перестают себя чувствовать хорошо или, по крайней мере, удовлетворительно, их поглощает чувство напряжения, страха, апатии, то существование прогресса подвергается сомнениям. С другой стороны, как утверждал Сорокин, не нужно ограничиваться исключительно одним довольством и счастьем, т.к. принцип счастья сам по себе не достаточен, иначе «что заставляет предпочесть недовольного Сократа довольному дураку». «Мало найдется таких людей, - замечает Сорокин - которые ради полной чаши животных наслаждений согласились бы променять свою человеческую жизнь на жизнь какого-нибудь животного» [9]. Другими словами, человек не откажется от своего облика ради достижения телесных наслаждений, или, по крайней мере, таких людей в меньшинстве.

Нужно отметить, что в нашей литературе социологическое начало теоретического изучения социального самочувствия было положено, прежде всего, Б.Д. Парыгиным, рассматривавшим категорию весьма близкую по смыслу изучаемой - «общественное настроение». В 1966 г. появилась работа, посвященная именно данному феномену, поэтому на первых порах изучение социального самочувствия носило скорее латентный характер, сквозь призму социального настроения, которое в широком плане определялось автором «как эмоциональное состояние, так и общий настрой, направленность, ориентация всех проявлений психики индивида и социальной группы» [10, с.4]. Необходимость обращения к данной проблематике связывалась исследователем в первую оче-

редь с все возрастающей ролью субъективного фактора в историческом процессе, с постоянным расширением социального взаимодействия. Процессы, происходящие в обществе в различных его сферах, деятельность властных структур, организаций, социальных институтов оцениваются и отражаются в сознании, в настроениях, в самочувствии индивидов. Парыгин полагал, что «всякое настроение человека в той или иной степени социально как по своей детерминации, так и по своему содержанию» [10, с.3]. Социальная сторона, социальность, безусловно, присуща и самочувствию, что выводит его изучение в социологическую плоскость. Различая самочувствие по степени распространенности, выделяем самочувствие индивидуальное, свойственное отдельной личности, выражающее ее неповторимую индивидуальность. Но самочувствие присуще также целым социальным группам (коллективам, общностям и даже классам, согласно К. Марксу, Б. Поршневу, Г. Андреевой). Так, например, Г.М. Андреева, рассматривая особенности психологии социальных классов, отмечала, что: «Кроме потребностей и интересов, к рассматриваемой общественной психологии класса, относятся так называемые "социальные чувства", определенные характеристики эмоциональных состояний, свойственных группе» [11, с. 160]. Социальное самочувствие автором изучалось на уровне такой большой социальной группы, как класс, и было «вплетено» в психологическую его структуру совместно со следующими элементами: а) потребностями, задающими иерархию активности, б) действиями, в) деятельностью, г) интересами класса. Все они формируются и обуславливаются определенным типом общества и всей системой общественных отношений, в которую данный класс включен. Названные содержательные компоненты составляют "психический склад" класса, который рассматривается как некоторый психический облик, проявляющийся в определенном способе поведения и выражающийся в социальном характере, образующим связующее звено между психикой человека и социальной структурой общества. Во-вторых, самочувствие, будь это самочувствие группы или индивида, со-

циально, если употреблять в широком смысле, имея в виду, что оно, как элемент сознания, отражает не только исключительно личные переживания человека относительно внутренних состояний – внешности, здоровья, темперамента, характера, качеств, – но и его отношения с окружающей социальной средой и его отношение ко всей системе экономических, политических, духовных процессов. «Оно индивидуально, если выражает эмоциональное состояние, переживание именно данной личности и проявляется в специфической только для нее форме поведения. Однако оно вместе с тем и социально, поскольку может выступать индивидуальной формой проявления настроения (и самочувствия – Л.Г.), свойственному тому или иному классу, слою общества или даже целой нации» [10, с.53]. В отличие от психологии, которая рассматривает психофизиологические основания и индивидуальные особенности личности в исследовании самочувствия, социология концентрируется на его обусловленности внешними по отношению к личности факторами – социальной средой. Однако нужно учитывать, что индивидуальное самочувствие формируется на основе адаптивных механизмов биологической и психофизиологической природы (внешние данные, здоровье, задатки, тип личности). В социологических исследованиях такие показатели используются в обобщенном виде. Так, например, российский социолог В.Я. Шклярчук, изучая здоровье производственного персонала в качестве фактора социального самочувствия, полагает: «Помимо таких элементов, как оценка и самооценка социального статуса и социального положения, важное место в настроении и самочувствии занимает здоровье человека. Осознание барьеров, «коридоров», по которым проходит человек свой жизненный путь, определяет и социальное самочувствие, и настроение» [12, с.139-140]. Автор изучал отношение рабочих производственного коллектива к своему здоровью, здоровому образу жизни, факторы смертности, самосохранительное поведение и пр. и пришел к выводу, что качество жизни рабочих промышленных предприятий в современных рамках социально-экономических трансформаций формиру-

ется в условиях «неустойчивого» самочувствия, при этом здоровье рабочих оценивается как удовлетворительное. Действительно, в самочувствии проявляются индивидуальные особенности человека. Более того, каждый человек обладает относительно устойчивым самочувствием, поэтому выделяют оптимистов, пессимистов, реалистов и просто счастливых людей, с позитивным отношением и восприятием жизни, а также - равнодушных и апатичных, напряженных и боязливых и пр. С.Л. Рубинштейн по этому поводу писал: «Настроение человека очень существенно зависит от его индивидуальных характерологических особенностей, в частности от того, как он относится к трудностям, - склонен ли он их переоценивать и падать духом, легко поддавался демобилизационным настроениям, либо перед лицом трудностей он, не склоняясь к их недооценке, питающей беспечное настроение, умеет сохранять бодрую уверенность в том, что он с ними справится» [13, с. 499]. Вместе с тем, в индивидуальном самочувствии большой удельный вес занимает социальный фактор – объективные условия жизни, позиция человека в обществе (коллективе), отношения с людьми и институтами, ожидания и возможности их осуществления, собственные достижения. В «Социальной психологии и истории» Б.Ф. Поршнев определял социальные настроения как эмоциональные состояния, связанные с осуществлением или неосуществимостью, это эмоциональное отношение к тому, что, либо не допускает воплощение желаемого, либо наоборот, способствует [14]. Под осуществление можно положить ряд понятий – самореализацию, достижение успеха, целедостижения, удовлетворение жизненных потребностей, процесс самоосуществление, который, кстати, как полагал уже упомянутый нами индийский мыслитель и гуманист Свами Вивекананда, также сопровождается ощущением счастья и несчастья. «Соотношение самоосуществления и достижения счастья сложное и зависит оно от избранной субъектом стратегии взаимодействия с социальным окружением и с природными объектами» [6, с.94]. В своей теории действия калькуттский исследователь в качестве его основания рассматри-

вал стремление (сознательное или неосознанное) к свободе, которая является синонимом счастья. Социальная свобода представляется как свобода самоосуществления субъекта, т.е. реализации его интересов. Однако главное, как утверждал автор, это то, что настроения поддаются воздействиям, т.е. их можно формировать, видоизменять, ими можно овладевать. Таким образом, настроение, а, значит, и социальное самочувствие поддается управлению. Говоря о воздействии на настроение или самочувствие, существуют такие его механизмы, по Поршневу, как пропаганда и убеждение. Их, безусловно, можно дополнить идеологией, рекламой, и даже социальной политикой.

Итак, во многих определениях самочувствия и схожей с ним категории настроения, присутствует понятие психическое или эмоциональное состояние. Термин «состояние» применяется в разных областях науки и жизни. За словом «состояние» могут скрываться различные проявления жизни людей. Слово «состояние» означает: 1) состоять, в смысле находиться в положении готовности к совершению какого-либо действия или деятельности; 2) состояние как временное положение, в котором кто-нибудь или что-нибудь находится (например, кризисное состояние экономической сферы). «Состояние» применяется и к вещам (например, в физике твердое, жидкое, газообразное состояние тел); 3) физическое самочувствие, а также расположение духа, настроение; 4) состояние как звание, социальное положение, ценз; 5) состояние в смысле имущества, например, часто говорят о состоятельном или несостоятельном человеке, семье и т.д. В некотором роде психическое состояние является своеобразным имуществом, капиталом, т.к. обладая хорошим, позитивным, благоприятным самочувствием, человек имеет важное условие для успешной деятельности. Следует отметить, что категорию «психологическое состояние» ввел Н.Д. Левитов, понимая под ним целостную характеристику психической деятельности за определенный период времени, показывающую своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, пред-

шествующего состояния и психических свойств личности [15, с.56]. Как и все явления психической жизни, психические состояния не являются спонтанными состояниями, они детерминированы внешними воздействиями, и в их возникновении очень велика роль общественных условий. Левитов писал: «На психические состояния влияют значительные факты общественной жизни... Существуют объективно радостные и объективно печальные события. Изменчивость психических состояний человека зависит от изменчивости получаемых им жизненных впечатлений» [15, с.61]. Одни условия вызывают у индивида опасения и тревогу, другие – удовлетворенность, уверенность и оптимизм. Автор подмечал, что естественным образом и физическое состояние влияет на психическое состояние человека. Ухудшение последнего часто связано с началом заболевания.

Особое место среди исследований эмоциональных состояний занимает проблема экстремальных условий и их влияния на человека. Так, В.И. Лебедев пришел к выводу, что экстремальные ситуации оказывают на человека не только исключительно негативное влияние. Подобные ситуации могут провоцировать потенциальные возможности, которые незаметны в обычных, нестрессовых условиях [16, с.87].

Рассматривая проблемы психических состояний и поведения человека в экстремальных условиях, В.И. Панов утверждал, что для современного общества (эпохи) весьма характерны возникновения кризисных (экстремальных) эмоциональных состояний не только по причине чрезвычайных ситуаций, стихийных и военных действий [17, с.40]. Безусловно, рассматриваемые условия, приводят к изменениям в состоянии здоровья, самочувствия, эмоциональных состояний, отношений к различным сторонам жизни. Но и такие факты, как неблагополучные семейные или личные отношения, напряженная образовательная и профессиональная среда, отсутствие возможности (доступа) желаемой организации досуга, соответствующего интересам и потребностям личности, изменения привычного качества и образа жизни в сторону его ухудшения, обусловленные различ-

ными причинами, - все это влияет на социальное самочувствие индивида, группы, общности и общества в целом.

О счастье как вершине позитивного самочувствия писал Э. Фромм. «Счастье, - по его словам, - это состояние напряженной внутренней работы и ощущение возрастания жизненной энергии, которое происходит при продуктивном отношении к миру и самим себе. Это переживание полноты бытия, а не пустоты, которую нужно заполнить» [18, с. 223]. Антиподами счастья являются не бедность, не недостаток денег или некоторых материальных благ, а подавленность, отчужденность и скука. Эрих Фромм полагал, что счастье, будучи в определенном смысле субъективным переживанием, является все же результатом взаимодействия с объективными условиями и зависит от них. Самочувствие является производным от многих переменных и их сочетания, с другой стороны, никто сам себе не желает скуки, тоски, потери чувства реальности и иных отрицательных состояний, но они, тем не менее, случаются. Однако, как утверждал Э. Фромм, «...есть люди, наслаждающиеся повиновением, а не свободой, извлекающие удовольствие из ненависти, а не из любви, из эксплуатации, а не из плодотворного труда» [19, с.9]. Отметим, что у каждого человека, как правило, есть некоторые представления о комфортном для него психологическом состоянии: у одних – это радость общения, у других – достижение трудной цели, у третьих – эйфория победы, у четвертых – пляжная нега и т.д., вплоть до искусственного кайфа или нирваны. «...Одни находят удовольствие в выпивке, в обогащении, славе, в оскорблении людей, а другие находят его в том, чтоб любить, делиться с друзьями тем, что имеют, мыслить, рисовать» [19, с.58]. Этот субъективный образ в силу обратной афферентации индуцирует определенные побуждения, направляющие поиск на соответствующие средства достижения желаемого состояния, насколько это возможно в конкретных условиях.

В работе «Социальное настроение» российские социологи Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко рассматривали социальное самочувствие как ис-

ходный уровень более широкого понятия - социального настроения. Социальное настроение - многоуровневое образование, фундаментом которого является социальное самочувствие, а результирующими критериями последнего в данном случае выступают потребность в самосохранении себя как члена социальной общности в целом и социального существа в частности; оценка уровня и степени благополучия ближайшей микросреды; состояние признания и одобрения личности со стороны членов группы. Зависимые от социального самочувствия переменные образуют надстроечные уровни социального настроения. Во-первых, самооценка социального статуса и престижа общественного положения, что обуславливает представления о социальных ролях и их значимости для личности и других. Во-вторых, социальные ожидания и притязания, проявляющиеся в установках, ценностях и влияющие на убежденность, настроенность и готовность к социальной активности. В-третьих, мировоззрение, как жизненная позиция, которое способно оказать существенное влияние на деятельность человека. [20, с.45]. Монография Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко – одна из первых в отечественной литературе фундаментальных работ, посвященных социологическому анализу форм субъективной презентации состояния общественного сознания. Ее методологическое значение для эмпирико-социологических исследований данной проблематики переоценить невозможно. Достаточно назвать методику ВЦИОМа по конструированию и измерению индексов социальных настроений. Ряд работ по изучению потребительских, иждивенческих, протестных и других настроений, а также специальных исследований посттравматических синдромов.

Вместе с тем, сегодня, на наш взгляд, становится все более заметно, что выдвижение на первое место понятия «социальное настроение» в качестве доминанты состояния общественного сознания при отказе от содержательного анализа социального самочувствия, оказалось неоправданным. Мы видим, что в политической сфере при постановке стратегических задач и определении векторов развития общества все чаще

используется понятие социального самочувствия. Образно говоря, настроение – это митинговая стихия с ее законами подражания, заражения, манипулирования и т.д., в то время как самочувствие – все жизненное пространство социума: работа, учеба, быт, досуг, семья и многое другое. Неслучайно психологи подчеркивают «тональность» настроений, их сравнительно быструю сменяемость, зависимость как от ситуации, так и от индивидуального темперамента. К.К. Платонов под настроением понимал «не резкое проявление эмоций у личности или группы» [21, с. 77]. Какой бы причиной (поводом) не вызывалось то или иное настроение, оно проявляется в особенностях эмоционального отклика человека на те или иные воздействия, события любого характера. Такая «легкость» переноса (генерализации) затрудняет выделения предметной стороны настроений и, конечно, ограничивает возможности их прогнозирования, даже для самого субъекта.

Социальное самочувствие в большей мере свободно от таких недостатков: уже на индивидуальном уровне оно требует включения рациональных форм само(познания), рефлексии. Поэтому ведущим в этой паре пересекающихся понятий является социальное самочувствие. Именно оно выступает доминантой общественного сознания, носит интегральный и результирующий характер, в то время как социальное настроение – исходный уровень, эмоциональный фон (здесь мы согласны с авторами), окрашивающий восприятия и себя и окружающего мира в определенные тона.

В истории социогуманитарной мысли широко использовалось понятие «умонастроение». В русскоязычном транскрипте осуществлено, можно сказать, этимологическое слияние «рацио» (ум, разум, логика) и «эмоцио» (сенсорные реакции, аффекты, переживания, сентименты), которые в аналитических целях часто разделяются. За этим стоит фундаментальное положение, суть которого в том, что эмоциональные реакции на слово «мысль», «логический вывод» и т.д. столь же естественны, как эмоциональные отклики, например, на солнечный свет, цветы, дет-

скую улыбку и пр. Поэтому умонастроение есть эмоциональная составляющая образа мыслей умственных действий, мыследеятельности (П.Г. Щедровицкий), как она складывается под влиянием на эмоциональную сферу самого процесса мышления и его продуктивных инновационных результатов. При графическом изображении (круги Эйлера) к умонастроению можно отнести ту общую часть, которая образуется при пересечении понятий социального самочувствия и социального настроения. Заметим, что термин «умонастроение» традиционно связывался с политической борьбой (революцией, радикализмом, анархизмом и т.д.) и, возможно, поэтому в настоящее время в научном аппарате практически отсутствует. Блестящим примером именно умонастроения могут служить слова Есенина: «Но более всего любовь к родному краю // Меня томила //, Мучила и жгла»

В рамках данного подхода сформировалось представление о структуре социального самочувствия, которая включает три базовых элемента: когнитивный - информацию, важную для личной и общественной жизни человека; эмотивный - чувства, связанные с теми явлениями и условиями, от которых зависит развитие событий, значимых для личности; внешнеический - социальную память (историческая, профессиональная, а также выраженная в виде традиций и обычаев), которая в сжатом виде всегда присутствует в реальном сознании и повседневном поведении людей, и которая, в определенном аспекте, входит в социальное самочувствие. «Уверенность человека, например, в незыблемом авторитете народных традиций способна сделать социальное самочувствие более долговременно действующим фактором, чем просто эмоциональный настрой, сформировавшийся под влиянием кратковременно происходящей ситуации. Следовательно, социальная память включает в себя специфически отобранную информацию, исходя из личного и общественного опыта, роли и влияния традиций и обычаев» [20, с.14-15]. Именно сознание и поведение людей в конкретно исторической обстановке обуславливают появление и функционирование различных социальных

структур, процессов и явления общественной жизни. Такой взгляд открыл новые возможности для эвристического применения концепции социального самочувствия в изучении современного общества.

Социальное самочувствие действительно теснейшим образом связано с социальным настроением, и в некоторых исследованиях они отождествляются и операционализируются аналогичными индикаторами. В работе «Социальное настроение» данный феномен трактуется многозначно - с одной стороны, как явление общественного сознания, с другой стороны, сводится к общественному мнению, с третьей – социальное настроение рассматривается как качественная характеристика общественного сознания. Социальное настроение выступает в виде результирующего показателя преобладающего состояния чувств и умов социальных групп. Соответственно, социальное самочувствие образует базис социального настроения. Социальное самочувствие в данной концепции по сравнению с настроением – более простое образование, так как последнее весьма сложное по своей структуре, содержащее в себе осознанное и бессознательное, эмоциональное и рациональное, отчетливые и смутные образы и впечатления. Именно свойство устойчивости, стабильности и отчетливости отличает, прежде всего, самочувствие от настроения. «Эмоции и чувства, - по мнению С.Л. Рубинштейна, - связаны с каким-нибудь объектом и направлены на него: мы радуемся чему-то, огорчаемся чем-то, тревожимся из-за чего-то; но когда у человека радостное настроение, он не просто рад чему-то, а ему радостно – иногда, особенно в молодости, так, что все на свете представляется радостным и прекрасным. Настроение не предметно, а личностно, - это, во-первых, и, во-вторых, оно не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию, а разлитое общее состояние» [12, с.421]. Конечно же, социальное самочувствие, да и, собственно, чувства носят определенный, предметный характер – всегда адресуется чему-либо, направлены на объект, и в частности, на его оценку, что и формирует определенное отношение (чувство). Так, например, складывается устойчивое чувство

удовлетворенности собой, которое возникает в результате оценки определенных личных достижений и успехов в какой-либо деятельности или на основании сопоставления (сравнения) собственных «высот» с достижениями других людей.

В современной зарубежной социологии понятия социального самочувствия как такового не существует, его аналогами являются такие, как «жизненное счастье», «субъективное качество жизни», «субъективное благополучие», причем последнее используется чаще других, и в английском языке - это *subjective well-being*, с акцентом на материальный достаток. Зарубежные исследования данного феномена достигли определенных успехов в концептуализации и раскрытии субъективного состояния общества и отдельных его институтов. Американские социологи А. Кемпбел, Дж. Рабье, К. Роджерс [22] высказали важную мысль, что, если пытаться объяснять мироощущение людей на основе объективных обстоятельств, то остается непонятой большая часть того, что необходимо изучать. Так подчеркивается значимость «воспринимаемой стороны качества жизни» как общей оценки личного существования, степени удовлетворенности жизнью и счастья человека. М. Аргайл, исследуя психологию счастья, утверждает, что большинству людей, если не всем, свойственно желать быть счастливыми. На двух выборках респондентов-американцев он продемонстрировал, что счастье и смысл жизни значат гораздо больше для «хорошей жизни», чем деньги, или нравственная добродетель, или даже возможность попасть в рай. Хотя, к примеру, если студенты не расценивали деньги как нечто важное, взрослые отмечали это как один из факторов благополучия. Или, например, в процессе изучения нескольких фокус-групп в Англии обнаружили, что счастье признается как важнейшая составляющая качества жизни — более значимая, чем деньги, здоровье или сексуальная жизнь. «Сегодня нам известно, что такие виды отношений, как романтическая любовь, брак и дружба, — главные причины положительных эмоций и счастья, а также и прочих аспектов благополучия, например психического и физи-

ческого здоровья. Эту роль они играют потому, что дают человеку социальную поддержку, проявляющуюся в форме практической помощи, эмоционального подкрепления и совместного проведения времени за приятными занятиями» [22, с. 5]. В результате опросов на данную тему, М. Аргайл отметил, что под счастьем люди подразумевают либо состояние, когда человек испытывает радость или другие позитивные эмоции, либо удовлетворенность жизнью. Существенными, на взгляд автора, источниками счастья являются социальные взаимоотношения, работа и досуг. На самом деле, гармония в отношениях с людьми, удовлетворенность профессиональной деятельностью, занимающей большую часть жизни человека, проведение свободного времени в соответствии со своими интересами выступают в качестве существенных оснований благоприятного самочувствия.

Обращаясь к проблематике социального самочувствия, над которой работают отечественные (белорусские и российские) социологи, отметим, прежде всего, их ориентацию на следующие объекты: 1) изучение социального самочувствия в контексте реформирования общества, трансформаций и инноваций, происходящих в современных социальных условиях. В данном случае социальное самочувствие рассматривается как реакция населения на социальные преобразования. В этой связи приведем работы Е. Головахи и Н. Паниной, которые исследовали социальное самочувствие с точки зрения интегральной оценки восприятия ими собственного благополучия в основных сферах социальной жизнедеятельности, решающего критерия определения направленности общественных перемен [23, с.11]. 2) Изучение социального самочувствия как интегральной характеристики реализации жизненной стратегии личности, отношения к окружающей действительности, субъективных ее сторон. В данном случае изучаемая категория рассматривается в качестве элемента сознания, отражающего соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта, который используется агентами социального действия в организации социальной

жизни. Социальное самочувствие интерпретируется сквозь призму удовлетворенности реализованностью жизненной стратегии относительно различных областей жизнедеятельности субъекта – профессиональной, образовательной, досуговой, общения и т.д. [24, с.50-51]. 3) Определение гендерных различий в трансформации жизненных установок, ценностных систем, социальных предпочтений и возможных средств самозащиты различных категорий женщин и мужчин с точки зрения их социального самочувствия, как целостной характеристики восприятия действительности с позиции определенной ценностной установки в динамичной социокультурной среде [25, с.48]. 4) Рассмотрение социального самочувствия в контексте политической и экономической стратификации общества, т.е. в связи с властным ресурсом и богатством (экономическим ресурсом). В этом направлении Л.Е. Душацкий полагает, что отображенные в самооценке ощущения той или иной степени властности или материальной состоятельности выступают важнейшими составляющими социальной комфортности субъекта. Таким образом, социолог изучает социальное самочувствие, как ощущение человека, отражающее степень его удовлетворенности своим положением в том или ином сообществе с точки зрения рассмотрения веса (значимости) власти и богатства в качестве ценностных критериев индивида [26, с.64-65]. 5) Анализ социального самочувствия как результата адаптации населения к новым условиям жизни, определяемая уровнем образования, характером межличностных отношений, состоянием здоровья и личностными качествами. В данном направлении работают белорусские социологи – Л.В. Филинская, Л.А. Соглаева – понимая под социальным самочувствием эмоционально-психологическое восприятие своей жизни в целом, а также реализацию жизненных целей и перспектив развития в изменяющейся социокультурной среде. В данном случае исследователи также рассматривают самочувствие различных категорий населения в динамической плоскости белорусского общества [27]. 6) Направление исследования социального самочувствия сквозь призму анализа уровня

счастья и степени жизненной удовлетворенности. В рамках названной исследовательской ориентации для изучения социального самочувствия прибегают к показателям счастья и удовлетворенности жизнью. Речь идет о своеобразной идентификации данных компонентов. В качестве иллюстрации подобных исследований приведем научные проекты ВЦИОМ, Левада-центра, Исследовательской маркетинговой компании Directions Research, TNS Opinion and Social [28, с.171-172]. 7) Среди республиканских социологических центров, занимающихся исследованием социального самочувствия, следует отметить Институт социологии НАН Беларуси, изучающий данное явление в режиме мониторинга; Информационно-аналитический центр при Администрации Президента РБ известен своим исследовательским проектом «Мониторинг “Мое самочувствие”»; Центр социально-политических исследований при БГУ; отдельные аспекты социального самочувствия различных категорий населения изучается ЕСООМ.

Таким образом, современные исследования в данной сфере весьма разнообразны и связаны с общественными процессами, с социальной структурой общества, с социальными инновациями, общественной трансформацией и т.д. С другой стороны, изучается социальное самочувствие не только на макроуровне, исследователей все больше интересуют особенности социального самочувствия молодых семей, учителей, молодежи, рабочих, этнических общностей, женщин, военнослужащих и многих других категорий населения. Практически каждый из таких проектов начинается с рассмотрения экономического благополучия, но, к сожалению, многие из них ограничиваются подобными оценками в изучении социального самочувствия, или, например, исследуют исключительно удовлетворенность жизнью. Таким образом, подобные исследования часто носят ограниченный и фрагментарный характер, не учитывают, к примеру, эмоциональный или поведенческий компонент в социальном самочувствии, а также его комплексность, вытекающую из взаимосвязи и взаимозависимости трех составляющих его элементов -

когнитивного, эмоционального и поведенческого. Неправомерно сводить социальное самочувствие исключительно к состоянию уровня счастья, жизненной удовлетворенности, т.к. по нашему мнению, оценка счастья выступает, скорее, оценочным основанием (фактором) жизненной удовлетворенности как эмоциональным его составляющим, свидетельствующим о внутреннем субъективном благополучии; во-вторых, нельзя ограничиваться только экономической сферой, оценками материального благополучия, т.к. подобные характеристики также выступают в качестве одного из оснований удовлетворенности жизнью наряду с целодостижениями, семейным благополучием, досугом, профессиональным престижем и т.д. – т.е. с основаниями, которые раскрывают аксиологическое содержание самочувствия, отличное друг от друга у разных категорий населения и индивидов.

1.2 Методологические основания изучения социального самочувствия, его интерпретация и операционализация

Изучение социального самочувствия затрагивает весьма широкий спектр вопросов – социальную политику, реформы, качество жизни, социальные инновации и ожидания, общественные трансформации, современный финансово-экономический кризис, социальную структуру, – а объектом его исследования являются различные социальные общности, в самом широком смысле употребления этого понятия (т.е. общности). Речь идет о рассмотрении данного явления на уровне семьи, трудового коллектива, молодежи, мужчин и женщин, учителей, а также населения в целом. Последний тезис демонстрирует способность социального самочувствия атрибутировать не только индивида, как это принято в психологии, в которой исследуется эмоциональное, психическое состояние отдельного индивида. Социологи подчеркивают двойственную природу явления самочувствия, с точки зрения того, что самочувствие является не только индивидуальной характеристикой, однако же, и группо-

вой, или, скажем иначе, социальной. Белорусский социолог С.А. Шавель, рассматривая основные значения понятия «социальное», показал несколько смыслов его употребления в социологической науке, об одном из которых он писал: «В этом же направлении идет дифференциация по линии социальное-индивидуальное. Если индивидуальное – это то в каждом человеке, что неповторимо, уникально, то социальное – все, что характерно, по крайней мере больше, чем одному индивиду, – социальные чувства, установки, мотивы, интересы, ожидания и т.д.» [29, с.26]. Самочувствие наряду с ожиданиями, ценностными ориентациями, установками занимают свою нишу, как в индивидуальном, так и в общественном сознании. Мы исходим из того, что самочувствие общности (коллективное по Э. Дюркгейму) не антропоморфизм, а реальный (социальный) факт, отражающий эмпирическую связанность наиболее значимых и распространенных черт индивидуального самочувствия. Социальное самочувствие – это эмерджентный уровень индивидуального и коллективного сознания. Общее (коллективное) самочувствие можно назвать социальным. Психолог С.Н. Рубинштейн, рассуждая о свойствах личности, которые не сводятся к ее индивидуальным особенностям, писал: «Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, тем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее» [30, с.62]. Так и социальное самочувствие есть сочетание его индивидуального и общественного характера, индивидуального – потому, что обнаруживает в себе особенные, неповторимые свойства личного самочувствия, социального – так как несет в себе «преломление общего». Известный российский философ Э.В. Ильенков писал: «Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Всякое отдельное неполно входит в общее и т.д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами и т.д.)» [31, с.102]. Другими словами, индивидуальное самочувствие не может существовать вне связи с коллективным и личные самочувствия входят и составляют самочувствие общее. Во-вторых,

индивидуальное самочувствие, будучи «отдельным» находится в отношении связи с иного рода «отдельными». Например, такие явления, как установки, ожидания, ценностные ориентации, интересы и пр., будучи явлениями иного рода, но также принадлежащие сфере сознания, присущи индивиду и характеризуют именно его. Но, с другой стороны, мы утверждаем, что есть общественные или коллективные установки, ожидания, ценностные ориентации, интересы, настроения и пр., т.е. то, что свойственно определенному множеству индивидов, совокупности, общности. Можно говорить о социальных ожиданиях инвалидов, о настроении пенсионеров, о ценностных ориентациях подростков, об интересах руководителей, и, конечно же, о социальном самочувствии молодежи. «Ведь общность всегда предполагает наличие в ней тех или иных единичных вещей, обобщением которых она как раз и является. Если нет ничего единичного, то не существует и ничего общего» [31, с.315]. Общее самочувствие, как и ценностные ориентации, ожидания, установки и др. элементы сознания, обязательно присутствует и в каждом отдельном (индивидуальном, личном) своем воплощении – самочувствии, ценностях, ожиданиях установках и пр.

Гносеологические затруднения в понимании соотношения общего и единичного (особенного) связаны с тем, что в повседневном обиходе под общим понимается только то, что свойственно всем и каждому единичному представителю данного класса. Такой же подход используется и в формально-логических определениях понятий. Тем самым создается впечатление, что в составе общего нет и не может быть индивидуально различимых элементов, аспектов и т.д. Но любое общее включает многие индивидуальные различия, хотя и не сводится к ним. В этом смысле социальное самочувствие не исключает все многообразие личностных эмоциональных состояний. Проблему соотношения индивидуального и социального рассматривал также А.И. Солженицын. Его суждения – интересные сами по себе – приобретают особое значение для нашей темы. Поскольку он затронул два важнейших модуса самочувствия – раская-

ние и самоограничение. По его мнению, запрет переноса индивидуальных человеческих оценок и мерок на более крупные общественные ассоциации не оправдан. Солженицын пишет: «Это очень человечно: применить даже к самым крупным общественным событиям или людским организациям, вплоть до государств и ООН, наши душевные оценки: благородно, подло, смело, трусливо, лицемерно, лживо, жестоко, великодушно, справедливо, несправедливо... И ясно: какие чувства преимущественно побеждают в людях данного общества – те и окрашивают собой в данный момент все общество, и становятся нравственной характеристикой уже всего общества. И если нечему доброму будет распространяться по обществу, то оно и самоуничтожится или оскотеет от торжества злых инстинктов, куда б там не показывала стрелка великих экономических законов» [32, с. 13]. Подчеркивая то, что социальное самочувствие является реальным социальным фактом, вспомним, что по этому поводу говорил Дюркгейм Э. «К социальным фактам, - утверждал французский социолог, - относятся нормы, стандарты поведения, оценки. Центральное место среди них коллективные представления, или иначе, социальные факты суть коллективные представления» [33, с.274]. Общество – это реальность особого рода, она не сводится к другим ее видам (биологической, психологической, физиологической и др., ее суть выражают социальные факты, которые, по мнению автора данной концепции, имеют два уровня: факты морфологического порядка, характеризующие географические, экономические, демографические и пр. аспекты общества как живого организма, и факты аксиологического уровня - нормы, ценности, формальные признаки коллективного сознания. Уточняя содержание понятия сам Дюркгейм отмечал: «Социальным фактом является способ действий, распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование независимое от его индивидуальных проявлений» [34, с. 39]. Социальное самочувствие является новоявленным компонентом коллективного сознания, наряду с языком, религиозными догматами, мораль-

ными нормами, юридическими законами, принадлежащими к институционализированной форме коллективного сознания. В то время как социальное самочувствие отражает неинституционализированные его формы, так же как и общественное мнение, настроения, стереотипы, социальные ожидания и пр. Таким образом, можно утверждать, что индивидуальное и коллективное самочувствия отличаются друг от друга. Действительно, индивидуальное самочувствие формируется на основании адаптивных механизмов биологической и психофизиологической природы. Личностное самочувствие зависит и от внешних данных, и от состояния здоровья, от задатков и типа личности. В социологических исследованиях такие показатели используются в обобщенном виде. Вместе с тем, в индивидуальном самочувствии большой удельный вес занимает социальный фактор – объективные условия жизни, позиция человека в обществе (коллективе), отношения с людьми и институтами, ожидания и возможности их осуществления, собственные достижения, т.е. в индивидуальном проявляется социальное. С другой стороны, общее (коллективное) самочувствие, как указывалось ранее, находит в себе наиболее значимые и распространенные свойства самочувствий индивидуальных. О коллективном рассуждал К. Г. Юнг, в связи с категорией «бессознательное». «Конечно, - писал Юнг, - поверхностный слой бессознательного является в известной степени личностным. Мы называем его личностным бессознательным... Я выбрал термин "коллективное", поскольку речь идет о бессознательном, имеющем не индивидуальную, а всеобщую природу. Это означает, что оно включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения, которые *cum grano salis* (со щепоткой соли, т.е. с оговорками) являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным» [35]. Так и в отношении разного рода социальных общностей социальное самочувствие является тождественным у представи-

телей тех или иных групп. Можно говорить и о самочувствии молодежи, которое характеризуется наиболее распространенными, значимыми и доминирующими в данной группе оценками настроений, жизненной удовлетворенности, жизненного благополучия. В групповом (коллективном) самочувствии существенная доля социального фактора – условий жизни, положения в социальной структуре, особенностей экономической, политической ситуации в обществе, отношений с другими людьми и т.д. «Действительно, коллективные представления выражают способ, которым группа осмысливает себя в своих отношениях с объектами, которые на нее влияют. Но группа устроена иначе, чем индивид, и влияющие на нее объекты – иные по своей сути. Представления, которые не выражают ни тех же субъектов, ни те же объекты, не могут зависеть от тех же причин. Чтобы понять, каким образом общество представляет себе самого себя и окружающий его мир, необходимо рассматривать сущность не отдельных индивидов, а общества» [36]

Социальное (групповое) самочувствие является социальным фактом, а, следовательно, «происходит (производится) в обществе и от общества». Так подчеркивается его социальная природа, то, что оно порождается в социальной реальности и обусловлено ею. С другой стороны, социальное самочувствие еще и психологично, оно есть психическое состояние, психический процесс, хотя бы с точки зрения своего созревания, т.к. оно возникает вследствие восприятия, предметной социальной среды и собственной позиции в социуме. В психологии восприятие трактуется как непосредственное отражение предмета (явления, процесса) в совокупности его свойств, в его объективной целостности [37]. В поведении и деятельности человека восприятие является необходимым условием ориентирования в окружающей среде. Перцептивный (восприятие от англ. perception) образ выполняет функцию регулятора действий. Вместе с тем деятельность — основное условие развития восприятия, ибо, что и как воспринимает человек, зависит от того, что и как он делает. В практической деятельности восприятие становится актив-

ным, целенаправленным процессом познания окружающей действительности. Таким образом, с восприятием тесно связан когнитивный процесс, т.к. индивид и/или группа в результате своей практической деятельности, взаимодействия с другими познает других людей и, конечно же, самого себя, социальные условия, отношения, процессы, изменения, протекающие в обществе, приходит к определенным выводам и, на основании этой цепочки, выстраивает свое отношение. С. Л. Рубинштейн писал: «Восприятие – осознание чувственно данного предмета или явления; в восприятии перед нами обычно расстилается мир людей, вещей, явлений, исполненных для нас определенного значения и вовлеченных в многообразные отношения, этими отношениями создаются осмысленные ситуации, свидетелями и участниками которых мы являемся; ощущение – отражение отдельного чувственного качества или недифференцированные и неопредмеченные впечатления от окружающего» [13]. С точки зрения социального самочувствия, индивид воспринимает и оценивает элементы окружающей социальной действительности и собственное положение в обществе, воспринимает социальную (общественную) ситуацию. В этом проявляется индикаторная функция изучаемого феномена.

Символическую функцию социальное самочувствие играет тогда, когда оно используется в целях коллективной презентации, рекламы или демонстрации хорошей работы, успешности в делах, благожелательности и приветливости по отношению к потребителям товаров и услуг тех или иных предприятий, фирм, компаний, учреждений и др. При этом, некоторые внешние проявления самочувствия – улыбка, жесты, позы и т.д. – превращаются в средство, становятся импрессионистскими символами, предназначенными для произведения определенного впечатления на других, - будь то деловой партнер, клиент, турист, избиратель. Такая символика базируется на свойственных человеку естественных проявлениях чувств – как положительных, так и отрицательных – в зависимости от ситуации и внутренней предрасположенности (некоторые социологи,

например, Т. Парсонс, внутреннюю предрасположенность как установку включают в ситуацию действия). Используя это антропологическое качество (привычку), специалисты, работающие на рынке – маркетологи, менеджеры, продюсеры и др., разработали сложную и психологически тонкую систему символической презентации социального самочувствия. Один из лидеров данного направления, педагог по образованию и специалист в области человеческих отношений Дейл Карнеги (1888 - 1955) написал несколько книг в жанре непривычных нам «проповедей». Постепенно идеи символической демонстрации самочувствия приобрели широкую популярность в рыночной экономике, стали программой подготовки персонала частных фирм и компаний, систем образования, здравоохранения, государственных служащих и др. Один из девизов проповеднической литературы гласит: «Человек без улыбки на лице не должен открывать магазин» [38, с. 88]. Слово «открывать» в данном контексте имеет два значения: а) приобретать в собственность, строить; б) отпирать для обслуживания посетителей. И оба они уместны.

Для нас, привыкших, что продавцы способны улыбаться только родственникам и друзьям, это особенно понятно. Но и сегодня такие простые символические процедуры в большом дефиците – не только в магазинах, кафе и ресторанах, которые стали, в основном, частными, но и во всех сферах, связанных с обслуживанием людей – от приема туристов до работы органов местной власти с населением. За этим – некоторые особенности нашей истории, тех времен, когда слово «обслуживание» отождествлялось с «прислугой», «батрачеством» и т.п. В таком смысле оно и проникло в сознание и менталитет масс, вопреки очевидности того факта, что в обществе все люди обслуживают друг друга, т.е. каждый служит тому, кто востребует его услуги. Сказываются, безусловно, и пробелы в культуре общения: многие годы этикетные нормы и правила игнорировались, даже «наверху», как «дворянские», как «буржуазные пережитки» и т.п. В системе образования – на курсах тех же продавцов

или водителей, в училищах, колледжах – этому не учат, а в университетах считается уже поздно.

Сложные жизненные обстоятельства, конечно, могут снижать самочувствие, но как раз Карнеги и другие проповедники учат не поддаваться обстоятельствам, не замыкаться в такого рода переживаниях, верить в лучшее и действовать. В целом, позитивные эффекты символических процедур не вызывают сомнения, и нам в этом направлении предстоит еще значительная работа. Но именно поэтому важно не впадать в очередное эпигонство, как это было на рубеже 1990-х с рынком, «шоковой терапией» и т.п., а, с одной стороны, знать и использовать накопленный в народе багаж терпимости, приветливости, гостеприимства и т.д., с другой – трезво отнестись к чужестранному опыту в этой области.

Все-таки искусственная, часто принудительная демонстрация символов самочувствия – здоровья, успехов, благополучия в делах и личной жизни, как и приветливость к случайным клиентам – чревата фрустрациями, особенно, когда реальное состояние и конкретная ситуация противоречат этому. Лейтмотивом «бодрящего» оптимизма можно считать следующее утверждение: «Все осуществляется посредством желания и каждая искренняя просьба исполняется» [38, с. 88]. Когда К. Прутков взывал: «Хочешь быть счастливым? – Будь», это была тонкая ирония, «прикол» на молодежном сленге. Но когда проповедники утверждают, что «большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми», то в этом уже есть доля неправды, диффамации, способной оскорбить значительное число людей. Счастливыми, по видимому, хотят быть все, но жизнь сложна, в ней неизбежны случайности – кризисы, природные катаклизмы, аварии и т.д. Поэтому не менее важно учить молодые поколения терпению, стойкому восприятию временных неудач, реальной оценке ситуации и своих возможностей, деятельному, а не абстрактному оптимизму и гуманизму. Пока, как нам представляется, отечественная (в том числе и российская) социология,

социогуманитаристика в целом данную проблему упустили, и это необходимо исправлять.

Интерпретация и операционализация понятия «социальное самочувствие».

Впервые русский транскрит «самочувствие» был введен в русский литературный язык в конце XVIII века. В «Полном немецко-русском лексиконе» Аделунга (1798) самочувствие (*das Selbstgefuhl*) переводится как «чувствование самого себя», (*die Selbsterhaltung*) – «сохранение себя», (*die Selbsterkenntnis*) – «познание самого себя» [39]. Дальнейшая категоризация термина «самочувствие» вплоть до современного его употребления - это следствие развития русского литературного языка и опиравшейся на него психологической терминологии. Одним из первых «самочувствие» употребил Карамзин в «Письмах русского путешественника» при передаче слов швейцарского богослова и физиогномиста Лафатера, утверждавшего, что цель бытия - постижение (познание) и достижение «блаженного самочувствия» (имеется в виду счастье и радость). Лафатер провозгласил: «Исследуйте точно, чрез что и в чем вы приятнее или тверже существуете» [40, с. 240]. В психологическом словаре самочувствие определяется как система субъективных ощущений, свидетельствующих о той или иной степени физиологической и психологической комфортности. Включает в себя как общую качественную характеристику (хорошее или плохое самочувствие), так и частные переживания, различно локализованные (дискомфорт в частях тела, затруднения при выполнении действий, трудности понимания) [41]. Словарь Ожегова его интерпретирует как состояние физических и душевных сил человека [42, с. 620]. Таким образом, обе интерпретации указывают на то, что самочувствие служит барометром, определяющим состояния двух «сфер» личности – физической (физиологической) и психологической (душевной). Самочувствие сигнализирует о том, насколько человеку комфортно с точки зрения его физического и психологиче-

ского здоровья. Так, психологический подход вводит в определение самочувствия понятие «комфорта» или «комфортности». Если рассматривать комфорт как состояние внутренней удовлетворенности, возникающей под влиянием благоприятных условий, то самочувствие – это характеристика личности, отражающая состояние физических и психологических сил человека с точки зрения удовлетворенности и активности. Имеется в виду, что физическое и психологическое здоровье влияет на общую активность личности, например, на работоспособность, выполнение профессиональных функций, реализацию хозяйственной работы и пр., в том смысле, что ухудшение самочувствия, как правило, является естественным препятствием или барьером активности и снижает ее. В рассмотрении здоровья, как фактора социального самочувствия, В.Я. Шклярчук отметил, что «... важное место в настроении и самочувствии занимает здоровье человека» [12, с.140]. Так, исследование продемонстрировало, что оценивая факторы смертности, респонденты отдали предпочтение экологической ситуации, которая влечет снижение уровня иммунитета, курение, алкоголь, далее были названы депрессивные (стрессовые) состояния, вызванные неуверенностью в завтрашнем дне, низким уровнем жизни, нервной и нездоровой обстановкой в семье и на работе, т.е. общественными факторами, ухудшающими социальное самочувствие людей. С.В. Быков, при изучении взаимообусловленности современного образования (в частности, школьного) и здоровья, пришел к выводам, что социальное самочувствие выпускников школ в меньшей степени зависит от успеваемости, а в большей – детерминировано факторами внеучебной жизни подростков – материальным положением в семье и составом семьи. В исследовании социальное самочувствие понималось как самооценка различных переживаемых психофизиологических состояний [43, с. 125]. Основу диагностики социального самочувствия составил набор чувств – напряжение, раздражительность, агрессия, тревожность, страх, усталость и др., т.е. тех эмоциональных состоя-

ний, которые испытывает (переживает) индивид (группа) в зависимости от характера социальной среды.

Мы определяем рассматриваемое понятие следующим образом. Социальное самочувствие представляет собой эмерджентный (новоявленный) уровень индивидуального и общественного сознания, формирующийся в процессе восприятия и оценок состояния социума и собственной жизни с точки зрения настроения и самочувствия, удовлетворенности жизнью и материального благополучия, терпимости и оптимизма, что обуславливает активность его носителей, побуждая к целенаправленным формам социального действия. Комплексность (интегральность) социального самочувствия проявляется в том, что оно во-первых, складывается на основании оценок положения дел в разных сферах общества – в экономике, политике, духовной и социальной сферах, и служит тем самым индикатором состояния (здоровья) общества. С другой стороны, основанием социального самочувствия являются оценки собственного жизненного благополучия, и в данном аспекте оно выступает и в качестве показателя состояния разных областей собственной жизни – трудовой, семейной, досуговой, учебной и пр. Буквально, жизненное благополучие служит показателем степени «получения» благ, необходимых не только для поддержания собственной жизни индивида, но и способствующих его оптимальному развитию, обуславливающих жизненную удовлетворенность. Социальное самочувствие в своем соотношении с понятием благополучия более многогранное, поскольку помимо субъективного жизненного благополучия, определяемого степенью удовлетворения необходимых потребностей, обращено и к состоянию общества в качестве барометра политического, экономического, социального и духовного его здоровья. Таким образом, когда речь идет о жизненном благополучии, имеется в виду субъективный аспект восприятия собственной жизни в контексте удовлетворенности получаемыми благами. Когда речь идет о зависимости социального самочувствия от притязаний, имеется в виду, что в ситуации завышенных требований и запросов, и ма-

лых возможностей их удовлетворения и достижения, снижается уровень социального самочувствия. Это объясняет такое положение дел, когда при равных жизненных условиях разные индивиды характеризуются абсолютно различным социальным самочувствием: одним, например, свойственен высокий уровень жизненной удовлетворенности, другие находятся в состоянии напряжения и опасений. Американские социологи, занимающиеся изучением счастья (субъективного жизненного благополучия), вывели формулу социального самочувствия, зависящего от соотношения жизненных достижений к поставленным целям (требованиям). С праксиологической точки зрения, социальное самочувствие выступает своеобразным основанием жизненной активности, предопределяет субъективную готовность индивида на совершение определенных действий, его выбор тех или иных жизненных стратегий. Комплексному концептуальному анализу здоровья общества одним из первых посвятил специальную работу Э. Фромм. Более 50 лет назад он писал: «Сегодня, когда человек, казалось бы, достиг начала новой, более богатой и счастливой эры, его жизнь и жизнь грядущих поколений находится под серьезной угрозой. Как это произошло?» [18, с. 389.] В числе причин такого парадокса автор отмечает следующие. 1. «Человек добился «свободы от», но не достиг «свободы для». То есть свободы быть самим собой, быть продуктивным и полностью пробудиться». 2. «Его ценность как личности определяется тем спросом, которым он пользуется (на рынке труда – Л.Г.), а не такими человеческими качествами, как любовь, разум или художественные способности». 3. «Счастье отождествляется с потреблением все более новых и лучших товаров. Человек в некотором смысле вернулся назад к тому состоянию, в котором он находился до великой эволюции во II тыс. до н.э.» - имеется в виду выживаемость. 4. «В прошлом опасность состояла в том, что люди становились рабами. Опасность будущего в том, что люди могут стать роботами».

В качестве альтернативы роботизации Фромм выдвинул **гуманистическую коммунитарность**, как возможность совместного труда и совместного переживания. Именно она должна выступать фундаментом здорового общества. Здоровье общества определяется степенью реализации общечеловеческого идеала – гармонией между индивидуальными и общественными потребностями, устранением конфликта между человеческой природой и социальным порядком. «Это общество, - утверждает Э. Фромм, - члены которого развили бы в себе способность любить своих детей, соседей, всех людей, самих себя и всю природу, чувствовать свое единство с ней и в то же время сохранять чувство индивидуальности и целостности» [18, с. 392]. Примечательный вывод Фромма о том, что главный выбор 1960-ых годов – это «не выбор между капитализмом и коммунизмом, а между роботизмом (как в его капиталистической, так и коммунистической форме) и **коммунитарным социализмом**» (выделено нами – Л.Г.) При кажущейся абстрактности утверждений, автор оказался прав. Сохраняя термин «социализм», он указал на сильную социальную политику, как ядро здорового общества, и одновременно косвенно признал слабость обеих тогдашних систем с точки зрения социальной ориентации не только экономики, но и всех общественных институтов.

При определении структуры социального самочувствия мы придерживаемся общепринятого подхода, основанного на выделении трех базовых компонентов социального самочувствия – когнитивного, эмоционального и конативного, которую дополняем эволюативным элементом. Итак, социальное самочувствие не является спонтанным процессом, а продуктом включенности индивида в общество, в котором он формируется, функционирует и развивается. Социальное самочувствие, будучи эмерджентным элементом индивидуального и общественного сознания, отражает окружающую действительность и ее характеристики: общественные процессы, общественную (экономическую, политическую, духовную) ситуацию, общественные условия. В сознании откладывается

определенного рода информация относительно названных объектов восприятия, которая, прежде всего, оценивается (когнитивная сфера социального самочувствия), затем формируется отношение к данным объектам; на основании оценивания и определения собственного отношения возникают соответствующие переживания – чувства, эмоции (эмотивная область); выражение результата оценки, отношения и переживания воплощается в определенном действии и/или субъективной готовности к действию (поведенческий компонент). *Когнитивный элемент* в социальном самочувствии выражает актуальное знание, информированность людей по проблемам общественной жизни, знание, которым индивид руководствуется в повседневной жизни, которое влияет на принятие определенных жизненных решений. Это такая информация, которая является наиболее значимой и актуальной для индивида, содержащая в себе знание о состоянии дел во внешних процессах – политических, экономических, духовных и социальных, так и во внутренних (первичных) – тех процессах, которые происходят в личной жизни индивида. Такое знание является основой для возникновения или изменения социального самочувствия, может быть полным и частичным, истинным или ложным, позитивной или негативной направленности. Именно информационный компонент проявляет себя как основной в процессе появления, функционирования и развития социального самочувствия. Критерием значимости (важности) информации, а также степени ее воздействия на самочувствие служит то, в какой мере она касается основ жизнедеятельности человека – то есть, его жизни, жизни его близких, семейного благополучия, межличностных отношений, а также его биологических и социальных потребностей. Для разных людей наиболее значимой может оказываться совершенно различная информация. Важность информации тесно коррелирует с полом, возрастом, жизненным опытом, родом деятельности.

Социальное самочувствие также конструируется временными ориентациями индивида – на настоящее, будущее и прошлое. Социальная

память, оказывает свое значимое влияние на социальное самочувствие в случае самоотнесения с прошлым, нежели с другими временными перспективами, когда индивид обращен назад, сильна его тяга к традициям, достижениям прошлого. Ориентация на прошлое формирует особое восприятие и оценку настоящего, которое воспринимается как искаженный фрагмент славного прошлого. «Живя сознанием в истории» и в настоящем времени достаточно сложно конструировать будущее. Как правило, в такой ситуации оценки временной линии – прошлое-настоящее-будущее – могут трансформироваться с позитивных в сторону негативных значений. Будущее воспринимается пассивно, а, следовательно, предполагает адаптацию и согласие, а в случае активного отношения к нему – планирование, формирование, активность (например, профессиональную мобильность), стремление к достижениям (например, к карьере). П. Штомпка подчеркивал: «Прежде всего, оно (время) может служить своего рода внешней рамкой для измерения событий и процессов, упорядочения их хаотического потока таким образом, чтобы человек мог ориентироваться и координировать социальные действия» [44, с. 71]. К этому, на наш взгляд, следует добавить, что восприятие и оценка индивидом времени, в котором он жил, живет и будет жить, т.е. идентификация со временем, демонстрируют не только социальные ожидания, но и социальное самочувствие, в целом. Приверженность к определенной временной ориентации находит свое отражение на субъективном уровне сознания, проявляется в специфических стилях поведения и образа жизни. В сознании индивида социальная память зависит от возраста индивида. Так, например, у пожилых людей данный элемент социального самочувствия проявляет себя с большей силой, нежели у молодых людей, у которых отсутствует жизненный опыт и социальная память присутствует в виде социальных представлений – знаний, информации, образов, идей, накапливаемых постепенно под влиянием института образования, СМИ, семьи, знакомых и др. Также для молодых характерна

ориентация на будущее или так называемая перспективная ориентация, так как у них все еще впереди.

Наличие эмоционального компонента в социальном самочувствии обосновывается тем, что оно содержит в себе эмоции, чувства, переживания, настроения, т.е. психические состояния человека, которые порождаются в социальной реальности и являются высшим продуктом развития эмоциональных процессов в общественных условиях. Эмоциональный (чувственный) «набор» осуществляет отбор и выделение в действительности явлений и предметов социальной реальности, обладающих для человека стабильной потребностной, мотивационной, ценностной значимостью. **Чувства**, являясь основой самочувствия, выступают как переживание человеком своего отношения к окружающей его социальной реальности, действительности, в которой человек функционирует. Данные переживания охватывают сферу отношений к людям, к их поступкам и поведению, к определенным жизненным явлениям, ситуациям, значимым для человека и способным повлиять на его положение в обществе, а соответственно и на эмоциональную сферу, в результате рефлексии в сознании данных ситуаций и жизненных явлений. Важно отметить, что чувства человека также связаны с переживанием отношения к самому себе и восприятию самого себя. **Переживания** человека, связанные с осознанием своего бытия, могут быть устойчивые (напряжение, страх, разочарование, уверенность) и кратковременные (печаль, радость). Таким образом, чувства человека, которые выражаются через его эмоции, составляют особый класс психических процессов и состояний человека. Чувства и вытекающие из них эмоции и тонусы непосредственно связаны с важным «набором» явлений, лежащих в основе социального самочувствия индивида. Речь идет об инстинктах, потребностях, мотивах, ценностях, которые выражают значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для реализации его деятельности и для осуществления его жизнедеятельности в более масштабном плане. Чувства и эмоции личности выступают в качестве главного механизма

внутренней регуляции (саморегуляции) психической сферы, а именно психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей и достижений наиболее значимых целей.

Психологический подход к понятию «чувство» интерпретирует его как устойчивые эмоциональные отношения человека к разным явлениям действительности, к разным сторонам жизни человека (работе, учебе, досугу, семье и т.д.). Чувства способны отражать значения определенных явлений, жизненных ситуаций, отношений индивида в связи с его потребностями и мотивами. Ильин Е.П. утверждал, что чувства порождаются в социальной реальности и являются высшим продуктом развития эмоциональных процессов в общественных условиях [45]. Чувства выполняют селекторальную функцию, то есть осуществляют так называемый отбор и выделение в воспринимаемой и представляемой действительности явления и предметы социальной реальности, обладающие (явления и предметы) для индивида некоторой значимостью. Таким образом, исследование социального самочувствия позволит раскрыть и ценностную систему личности, его значимых социальных ориентаций и ожиданий. **Самочувствие** представляет собой срез тех чувств индивида, которые отражают для него его место в мире, то есть другими словами, самочувствие индивида затрагивает те чувства и связанные с ними переживания, в которых проявляется отношение индивида к самому себе и восприятие себя посредством самооценок, имеющих разную критериальность (основание), как социальный статус, семейное положение, социальный престиж и авторитет, материальное благополучие и т.д. В более общем плане самочувствие определяется как комплекс объективных ощущений, отражающих степень психологической, социальной и физиологической комфортности существующего состояния человека. **Эмоции** возникают как следствие переживания человеком в определенный момент времени своего отношения к чему-либо или к кому-либо, например, к наличной или будущей ситуации, к другим людям, к самому себе и т.д. К. Изард [46], подчеркивая функциональную и чувственную

роль эмоций, писал, что эмоция – это нечто, что переживается как чувство (feeling), это то, что способно мотивировать, организовывать и направлять восприятие, мышление и действие. Привязывая эмоции к потребностям, можно вывести их из выражения отношения человека к своим потребностям и их удовлетворению или неудовлетворению. Существуют эмоции, в которых абсолютно разные люди испытывают с разной силой потребности и которые придают непосредственную ценность самому процессу их деятельности, приобретающей благодаря этому качество интересной работы, учебы и т.п. Можно выделить следующие виды эмоций:

1. Альтруистические – связаны с переживаниями чувства преданности, участия, заботы и беспокойства за близких.

2. Коммуникационные, возникающие на основе потребности в общении, как реакция на удовлетворение или неудовлетворение стремления к эмоциональной близости, желания общаться, делиться мыслями. Так возникает стремление заслужить одобрение в кругу друзей, студенческой группы.

3. Глорические (от лат. gloria - слава) - связаны с потребностью в самоутверждении, в стремлении завоевать признание. Особенно тесную связь эти эмоции имеют с самооценкой индивида, которая повышается в случае признания его заслуг другими, в результате чего происходит рост человека в собственных глазах, и наоборот.

4. Праксические - возникают в связи и на основании той деятельности, которую выполняет индивид. Данная деятельность может быть успешной (возникает чувство удовлетворенности) или неуспешной (сопровождается чувством напряжения), однако каждому человеку свойственно стремление добиться успехов в той работе, которой он занимается.

5. Гностические, в которые входят интеллектуальные чувства, связанные не только с потребностью в получении новой информации, но не любой новой, а информации полезной с практической точки зрения. Это еще и поиск гармонии между новым и привычным, по сути дела, это и

есть адаптация нового знания к повседневной практике индивида. В условиях тотальной информатизации увеличиваются в десятки тысяч раз информационные потоки, в которых человеку легко утонуть, что, несомненно, отражается на его самочувствии.

6. Акизитивные (от франц. *acquisition* - приобретение) - связаны с потребностью в приобретении. Но, на наш взгляд, приобретения не только вещественные, но и иные могут вызывать чувства радости и удовлетворения. Например, человек может быть довольным приобретением собственного жилья, автомобиля, у него есть безопасная «крыша над головой» и комфортное средство передвижения. Но не меньшую удовлетворенность индивид испытывает в случае получения высшего образования, накопления приятных знакомств (социальный капитал).

7. Гедонистические – эмоции, связанные с удовлетворением потребности в телесном и душевном комфорте.

8. Эстетические, связанные с чувством красоты, возникающие на основании восприятия произведений искусств.

9. Выделяют также пугнические эмоции (от лат. *pugna* - борьба), которые связаны с жадой острых ощущений, упоением опасностью, риском, предельной мобилизацией своих возможностей. Однако в сочетании с социальным самочувствием, как результатом реализации потребности в собственном самосохранении себя как индивида и своей целостности, данный вид эмоций связан с проверкой себя, своих возможностей.

Конативный компонент социального самочувствия реализуется через активность индивида, его готовность действовать в определенной ситуации при наличии (или наоборот, отсутствии) необходимых условий, выбор тех или иных поведенческих стратегий и совершение поступков. В поведении проявляются не только личностные качества человека, особенности его воспитания, культурного уровня, темперамента и характера, его потребности, убеждения, взгляды, вкусы, но и его ценности, социальное самочувствие, отношение к окружающей действи-

тельности. В качестве ориентационной базы каждого из трех названных компонентов социального самочувствия выступает эвалюативный (оценочный) компонент, поскольку в нем выражается степень субъективного благополучия личности. Оценочное содержание связано с представлениями о «хорошей» (благополучной) или «плохой» (неблагополучной) жизни, формирующимися в ходе социализации личности. Эвалюативные «эталоны» опосредуют жизнедеятельность личности, актуализируются в зависимости от ее сфер. Жизненная удовлетворенность складывается на основании реализации ценностей, содержание которых и возможности их достижения для разных индивидов, социальных групп, общностей различны. В данной работе этот элемент закрепился в виде критериев жизненной удовлетворенности, терпимости и оптимизма.

1.3 Методика социологического изучения социального самочувствия

Приступая к процессу конструирования методики социологического исследования социального самочувствия нужно иметь в виду, что, будучи комплексным явлением, оно обладает дуальной природой. С одной стороны, как было сказано выше, является элементом индивидуального и общественного сознания, с другой, имеет социальную и психологическую сущность. Первый - социальный аспект – предполагает анализ социального самочувствия и его состояния в достаточно тесной связи и обусловленности объективными условиями жизнедеятельности индивида и/или социальных групп. Общественные условия предоставляют разные возможности удовлетворения физиологических потребностей. Это же касается и тех потребностей, которые складываются в зависимости от его ценностных ориентаций, убеждений, установок и интересов, реализация которых, в свою очередь, порой, зависит не только от способности и готовности индивида, но и от объективных факторов его существования – социально-экономической и политической ситуации в стране, направленности социальных инноваций, степени стабильности и

безопасности жизнедеятельности и пр. Социологический подход в отличие от психологического ориентирует исследователя, во-первых, на анализ социального самочувствия на коллективном уровне, поскольку социальное самочувствие присуще разного рода общностям. Во-вторых, принимается во внимание общественная детерминация социального самочувствия, т.е. его обусловленность социальным фактором. Социальное самочувствие в данном случае служит показателем состояния общества: положением дел в экономике, политике, духовной и социальной сферах общественной жизнедеятельности (социологическая плоскость изучения социального самочувствия). Второй – психологическая сторона социального самочувствия – ориентирует исследователя на понимание эмоциональной сферы, то есть переживаний, чувств индивида, характеризующих внутреннее, психологическое его состояние. Психологический подход акцентируется на изучении самочувствия на индивидуальном уровне, и, как правило, рассматривает его сквозь призму эмоционального состояния, являющегося высшей формой развития эмоциональных процессов и деятельности в общественных условиях. Таким образом, дуализм (двойственная природа) социального самочувствия, а именно его социальная и психологическая стороны приводит к логическому выводу – это явление необходимо рассматривать через эмпирические показатели как социальной, так и психологической сущности. На это обратил внимание М.А. Гуревич, исследуя социальное самочувствие населения как ведущего индикатора социальной адаптации к рыночным отношениям. «Наибольшую сложность, - по его словам, - представляют эмпирические исследования самого феномена социального самочувствия, разработка методов его диагностики. Не менее труден процесс познания и выявления факторов, влияющих на социальное самочувствие – экономических, социально-политических, духовных. Среди них обязательно присутствуют объективные и субъективные, что само по себе ставит сложнейшую проблематику максимального учета различных вариантов их сочетания... При анализе субъективного качества жизни не

следует упускать из виду проблему учета межиндивидуальных различий в оценке степени важности различных жизненных сфер» [47, с.10-14]. Данный вывод указывает на то обстоятельство, что важным является не только выявление общей жизненной удовлетворенности и частной удовлетворенности индивида различными сторонами (сферами) жизни, а необходимость познания общественных сфер жизнедеятельности, с точки зрения их значимости. Речь идет о том, что у одного индивида основанием социального самочувствия может стать здоровье, у другого – профессиональные успехи, у третьего – любовь, у четвертого – материальное положение, у пятого – семейное благополучие и т.д. Следовательно, решение такой задачи предполагает учет ценностных ориентаций, другими словами, определения «весов» различных жизненных сфер, их значимости для изучаемой совокупности.

Для разработки методики изучения социального самочувствия, мы, прежде всего, опирались на раскрытую нами выше структуру исследуемого явления. Учитывая его структуру, выделим индикаторы, позволяющие изучать как элементы по отдельности, так и их взаимосвязи. Универсальным, широко используемым в социологической практике индикатором социального самочувствия, является *оценка удовлетворенности жизнью* [48]. В нашей концепции удовлетворенность жизнью является одним из индикаторов эмотивного компонента социального самочувствия. Определяя жизненную удовлетворенность, рассмотрим ее в качестве эмоционального компонента социального самочувствия, наряду с настроением и эмоциональным состоянием, выражающего степень сбалансированности требований, предъявляемых индивидом или группой к условиям собственной жизнедеятельности и субъективной оценки возможностей реализации потребностей, интересов и жизненных целей, связанных с главными социальными сферами деятельности человека (труда, познания, семейной, досуговой и др. областей). Измерение жизненной удовлетворенности в качестве индикатора социального самочувствия является важной переменной в ходе изучения индивида в разных сферах

его жизнедеятельности. Удовлетворенность отражает жизненные установки, мотивацию, потребности и ожидания. В удовлетворенности проявляется отношение к жизни, которое зависит от субъективных (ценностные ориентации, социальные и физические особенности личности) и объективных факторов (социальные, экономические, политические, культурные процессы и условия). Жизненная удовлетворенность служит своеобразным показателем собственного социального положения (профессионального, экономического, семейного) индивида. В социологических исследованиях, ставивших целью определить природу и специфику удовлетворенности жизнью, она рассматривается как объективное состояние насыщения потребностей и/или эмоциональное восприятие этого состояния. В соответствии с этим осуществлялся поиск факторов, детерминирующих жизненную удовлетворенность. Удовлетворенность жизнью обусловлена преимущественно не реальным состоянием насыщения потребностей и объективными факторами жизнедеятельности, а часто стереотипами, ценностными представлениями, стремлениями к самоутверждению, к социальному признанию, одобрению и престижу. Большую роль при оценке жизненной удовлетворенности играет мотивация достижения. Немецкий психолог Х. Мекхаузен так понимал мотивацию достижения: «...попытка увеличить или сохранить максимально высокими способности человека ко всем видам деятельности, к которым могут быть применены критерии успешности и где выполнение подобной деятельности может, следовательно, привести или к успеху, или к неудаче» [49]. Если рассматривать достижение в широком плане, с точки зрения успеха, удачи в чем-либо, то можно говорить о достижениях разного плана - поставленных целей, определенного уровня благосостояния, семейного благополучия профессионального статуса и т.д. Достижения в какой-либо деятельности или сферах, безусловно, влияют на жизненную удовлетворенность, особенно в тех (сферах), которые имеют большое значение для индивида. Из этого можно заключить, что жизненные достижения являются средством улучшения самочувствия, или более определенно – спо-

способствует формированию позитивного самочувствия, будь то, например, футбольная команда, выигравшая матч, или преподаватель кафедры, защитивший докторскую диссертацию. В конце 30-х гг. XX в. А. Мюррей включил мотив достижения в свой набор потребностей. «Справляться с чем-то трудным. Справляться с физическими объектами, людьми, идеями, манипулировать ими или организовывать их. Делать это настолько быстро и независимо, насколько это возможно. Преодолевать препятствия и достигать высокого уровня. Превосходить самого себя. Соревноваться с другими и превосходить их. Увеличивать свое самоуважение благодаря успешному применению своих способностей» [49, с.367]. Так, подчеркивается, что не просто способности, а именно успешное их применение, качественная деятельность способствуют наиболее лучшим результатам, более высокому уровню, превосходству не только над другими, достижение предполагает преодоление самого себя во временных рамках, последнее означает «сегодня сделать лучше, чем было сделано вчера, а завтра – лучше, чем сегодня». Однако, Х. Хекхаузен, справедливо полагает, что достичь материального благополучия или признания, одобрения со стороны окружающих – суть цели не достиженческого назначения. Конечно, не всегда достижение благосостояния или признания сопровождаются более качественной, успешной и лучшей деятельностью по сравнению с предшествующей, часто происходит обратное. В этих так называемых «достижениях» важно учитывать характер используемых средств. Еще раз подчеркнем, что в данном исследовании мы используем понятие «достижения» в самом широком диапазоне понимания, куда попадает и материальное благосостояние, и признание, и семейное благополучие, и профессиональные успехи. Таким образом, подходим к сферам, смысловому ядру, от значимости которых зависит удовлетворенность. Так, например, немецкий исследователь выделил работу, знание, свободу, которая возможна благодаря открытой политической системе, дающей человеку, конечно же, при наличии определенных способностей, в силу личной инициативы, добиться желаемого успеха. Эти сферы, являются,

по мнению автора, доминирующими, а что касается приверженности семье, межличностным связям, традициям – они отошли на второй план. Исследуя условия, факторы и особенности развития конкурентоспособной личности, Л. Митина указала, что индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ) является интегративным показателем системы отношений человека к жизни и общего умонастроения [50, с.192-194]. Исходя из данного подхода к жизненной удовлетворенности она справедливо вывела ИЖУ через систему таких показателей, как структура отношений человека к жизни (оценка различных составляющих человеческого бытия, то есть социального и психологического комфорта человека в семейной, трудовой, досуговой и др. сферах), а также особенности его общего умонастроения. Определенные социальные условия, предоставляя людям большую или меньшую возможность удовлетворения их потребностей, создают те или иные чувства и настроения, характерные для большинства людей в обществе. Безусловно, правомерно автор полагает, что на жизненную удовлетворенность влияют в различной степени частные удовлетворенности (ЧУ - т.е. удовлетворенности разными сферами жизнедеятельности индивида), однако, позитивные оценки ЧУ не гарантируют аналогичного позитивного оценивания интегральной удовлетворенности. Именно поэтому большее значение в исследованиях жизненной удовлетворенности приобретает рассмотрение явления «общего умонастроения» [50, с.46-47]. Рассуждая о влиянии умонастроения с точки зрения общего, «разлитого», ментального, устойчивого чувства позитивного или наоборот негативного восприятия событий, процессов, происходящих в собственной жизни, на удовлетворенность жизнью, отметим, что первое – позитивное – суть оптимистичного, жизнеутверждающего отношения к жизни, а второе – пессимистичного настроения. Конечно, речь не идет о беспричинном радостном, оптимистичном, счастливом состоянии, потому что часто беспричинный оптимизм связан с психическими отклонениями. Имеется в виду другое, а именно, свойственная черта, характеристика личности, связанная с позитивным восприятием жизни, присущее «радо-

ственное» чувство или состояние «счастливости». Подобное состояние влияет на ее реакции относительно различных событий в жизни – и на радостные и на приносящие большие огорчения, обуславливает разную степень мобилизации своего потенциала (интеллектуального, творческого и т.д.), самоорганизации, необходимые для улучшения своего положения в обществе. Часто социологические исследования демонстрируют, что при высоких оценках жизненной удовлетворенности или удовлетворенности, например, материальным положением, семейными отношениями, потребляемыми товарами и услугами, обнаруживаются низкие значения при самооценках состояния счастья, и наоборот, ощущение счастья сопровождается неудовлетворенностью жизнью. Можно это, на первый взгляд, объяснить парадоксальным сознанием, опираясь на концепцию парадоксального человека Ж.Т. Тощенко [51]. Если же вникать в проблему более глубоко, то можно вывести на поверхность ментальные основания жизненной удовлетворенности, которые, кстати, проявляются в сфере общения, народной культуре (например, в фольклоре, насыщенном песнями о несчастной доле, о гореваниях). «Разные цивилизации по-разному относятся к счастью и чувству довольства. В западных странах с их общепринятым индивидуализмом эти чувства часто рассматриваются как мера личного успеха. Быть несчастным означает, что вы неудачник, вы не сумели распорядиться своей жизнью и теми возможностями, которые предоставляет окружающий мир» [52]. Так, в исследовании И.А. Джидарьян отмечается, что в рамках русского менталитета существенное место отведено страданию, его моральности (в отличие от счастья), а счастье соединяется с чувством вины («дискомфорт из-за того, что многие другие люди несчастны и страдают» [53, с.34]. Ученые Utah Valley University выяснили, что красивые фотографии, размещенные в социальных сетях портят настроение другим пользователям. Люди злятся, считая, что их жизнь хуже, чем представленная на фотографиях [54].

В эмоциональной сфере социального самочувствия мы также выделили и самооценки настроения. Так, в отношении данного компонента,

Ильин Е.П. писал: «Из всех эмоциональных феноменов настроение является самым неопределенным, туманным, почти что мистическим. Например, в обыденном сознании оно часто понимается как хорошее или плохое «расположение духа», как настрой (наличие или отсутствие желания) человека на данный момент общаться, чем-то заниматься, соглашаться или не соглашаться и.т.д.» [45, с.59]. Автор данных слов подчеркнул особенность настроения, которое по сравнению с более длительным и устойчивым самочувствием, является текучим, нестабильным, переменным. Если С.Л. Рубинштейн полагал, что настроение личностно [13], то Н.Д. Левитов выделял еще его ситуативность. Левитов рассматривал настроение как общее эмоциональное состояние, которое в течение определенного времени окрашивает переживания и деятельность человека [55]. По мнению автора, настроение никогда не покидает человека, однако оно обнаруживается лишь только тогда, когда выделяется в положительную или отрицательную сторону. Применительно к нашему исследованию, респондентам задавался вопрос о том, какое настроение они испытывают в последнее время, а среди альтернатив мы определили такие его виды, как прекрасное настроение, спокойное и ровное настроение, напряженное и раздражительное, состояние страха и тоски. Рассмотрим блок-тест, известный как «опросник САН» [135, с. 238-241]. Он предназначен для оперативной оценки самочувствия, активности и настроения (по первым буквам этих функциональных состояний и назван опросник). Сразу же возникают вопросы методологического уровня о том, как соотносятся эти состояния друг с другом, действительно ли они образуют единый комплекс. По этому поводу дается следующее объяснение: «У отдохнувшего человека оценки активности, настроения и самочувствия обычно примерно равны. А по мере нарастания усталости соотношение между ними изменяется за счет относительного снижения самочувствия и активности по сравнению с настроением» [135, с. 239].

Тем самым сквозным дифференцирующим признаком является усталость, хотя ее (усталости) уровень замеряется только в блоке самочувствия. Это осуществляется с помощью двух пар предикатов противоположного значения, требующих от респондента самооценки по семибалльной шкале: а именно, «отдохнувший – усталый» и «свежий – изнуренный». При этом, как нам представляется, возникают некоторые методические трудности, связанные с определением «меры нарастания усталости» и ее влияния на активность и настроение, а также и на самочувствие, показателем которого и является усталость. Формулировки отдельных показателей самочувствия допускают разное толкование. Например, «напряженный – расслабленный», – что в этой паре позитивно/негативно понять не просто. Точнее было бы сказать, «мобилизованный – расслабленный». Так же и позиция № 25 опросника «выносливый – утомляемый» не связана с конкретной ситуацией действий (занятий) в момент опроса. Видимо, выносливым чувствует себя тот, кто готов продолжать свое дело; утомленным (а не утомляемым вообще) – тот, кто нуждается в перерыве на отдых. В целом, данный тест сугубо феноменологический, – он только фиксирует субъективные оценки названных состояний в данный момент времени, т.е. опроса т.е. только фиксирует субъективные оценки названных состояний в данный момент времени. Если по сравнению с настроением. В табл. Так указывается, что средние оценки студентов Москвы равны: самочувствие – 5,4, активность – 5,0, настроение – 5,1 баллов. Сам тест не предлагает каких-либо интерпретаций этих различий, не позволяет сказать, хорошо это или плохо. В нем нет средств (инструментов), открывающих возможность анализа, выявления детерминирующих факторов: внешних – социально-экономических условий, внутренних – ожиданий, способностей и др. Называть это недостатком неверно, ибо тест и не ставит перед собой таких задач. В социологической работе всю другую информацию, необходимую для расширенного анализа, следует получать путем введения дополнительного инструментария. Опыт использования опросника САН для анализа субъективных состояний ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС

с учетом многих факторов – оплаты труда, уровня радиации, медицинских данных о здоровье и др. – показал, что такой комплексный подход правомерен и продуктивен [17]. Особенно важен социологический мониторинг САН для диагностики и прогнозирования изменений как самих названных феноменов, так и тех общественных процессов и явлений, которые обуславливают такие изменения (кризис, реформы и т.д.).

Третий индикатор эмотивного компонента социального самочувствия – это индивидуальное самочувствие. Самочувствие есть результат субъективного измерения своего психофизиологического состояния, общего жизненного тонуса, как энергетического потенциала или уровня физических и душевных сил для того или иного вида действия, жизнедеятельности в целом. Когда спортсмен просит поднять планку, он говорить тренеру: «Я чувствую себя так, что могу взять эту высоту». Даже если попытка не удалась, такое ощущение – залог успеха. Но любое измерение предполагает наличие некоторой шкалы. В данном случае это внутренняя интроспективная шкала, которую трудно представить для внешнего обозрения. И она, как правило, разная, даже, у очень похожих индивидов; более того, у каждого из них изменяется по мере приобретения знаний и опыта, выработки динамических стереотипов и навыков в процессе тренировки, труда, учебы, игры и пр. Возникает естественный и крайне важный вопрос, как строится такая внутренняя субъективная шкала. Не вдаваясь в детальный анализ, отметим следующее. Теоретически, индивидуальная шкала самочувствия, как и других аспектов состояния субъекта, должна включать три ряда мерных инструментов (в информационном смысле): а) биологические особенности и задатки; б) врожденную психологическую тенденцию реагирования в зависимости от типа нервной системы, темперамента, предрасполагающих архетипических символов; в) социокультурный багаж, приобретенный путем воспитания, образования и личного опыта. Понятно, что рациональное взвешивание, - по объему информации, - всех содержательных элементов каждого из трех инструментов невозможно или часто затруднительно

но для индивида. Далеко не каждый человек может сказать, что вполне знает свои задатки и способности; повышенная тяга молодежи к разным видам экстрима в немалой степени объясняется стремлением выяснить собственные индивидуальные возможности, и тем самым найти себя. Как известно, генотип определяет возможности индивидуума, а среда – насколько эти возможности будут реализованы. Ведь даже гендерные особенности и половая идентичность не кажутся сегодня столь однозначными, как считалось ранее. Что касается врожденных тенденций реагирования, то это область бессознательного, экспликация которой проводится лишь по косвенным признакам и/или в символической форме.

В когнитивной области социального самочувствия реализуют себя, во-первых, оценки наиболее актуальных проблем, характерных для страны и семьи с точки зрения их влияния на социальное самочувствие. Данный индикатор используется нами в связи с тем, что, с одной стороны, выбор наиболее значимых проблем, с которыми сталкивается респондент, позволяет нам очертить круг тех областей жизнедеятельности, относительно которых опрашиваемый испытывает наибольшие опасения, беспокойства, способные перерасти в реальные страхи; являются определенной преградой, барьером между индивидом и благополучной его жизнедеятельностью в обществе. С другой стороны, позволяют показать, какие именно из них нуждаются в изменении, улучшении, требуют большего внимания со стороны соответствующих общественных институтов, т.е. демонстрируют своеобразные упущения и пробелы в осуществляемых политических решениях. Во-вторых, оценка экономической ситуации в стране, и, в-третьих, самооценка материального положения семьи. Весомый вклад в социальное самочувствие вносит восприятие материального благополучия государства, гражданином которого является респондент, а также оценка собственного экономического статуса с точки зрения его благополучия или неблагополучия. В своем отношении к изучаемому явлению мы исходим из того, что чем выше

уровень экономического благосостояния и страны и самого респондента, тем более благополучно его социальное самочувствие. Экономический критерий социального самочувствия весьма важен при его понимании, т.к. он, как правило, оценивается с точки зрения тех реальных доходов, которыми располагают респонденты, и не в последнюю очередь зависят от экономического развития страны; «материальный фактор» позволяет поддерживать необходимый уровень потребления разных товаров и услуг, недостаток которого способен отразиться и на настроении, и на жизненной удовлетворенности, и на эмоциональном состоянии, влияет на восприятие будущего собственной жизни и жизни общества. Субъективные оценки жизненного положения не сводятся исключительно к подсчету индивидом располагаемого дохода, имущества, используемых благ и услуг. Главная особенность таких оценок в том, что индивид, сравнивая себя с другими людьми своего населенного пункта или страны, в целом, задает определенный масштаб соотнесенности, шкалу дистанции; осуществляет проекцию в координатах социального пространства и времени конкретного общества; делает попытку предвидения перспективы.

Исследование *конативного компонента* на эмпирическом уровне направлено, во-первых, на выявление стратегических предпочтений, особенностей жизненных стратегий молодежи при определенных условиях; во-вторых, на понимание субъективного представления о достигнутом жизненном уровне, формирующемся в процессе восприятия и оценки профессии, образа жизни, дохода, уважения со стороны окружающих людей, доверия и пр.; в-третьих, на изучение уровня протестного потенциала в молодежной среде. Именно он (протестный потенциал), при достижении критического уровня, является угрозой общественной стабильности. Протестный потенциал рассматривается через субъективные представления молодежи о 1) допустимых протестных акциях, 2) субъективной готовности и настроенности на протестные формы поведения, а также 3) ориентацию на выбор любых способов противодей-

ствия, в том числе и крайних. Итак, в нашем исследовании индикаторы *конативного* компонента презентуются: 1) выбором жизненных стратегий; 2) достигнутым жизненным уровнем; 3) готовностью отстаивания своих прав и интересов. *Эвалюативный* компонент на эмпирическом уровне выражается: 1) критериями жизненной удовлетворенности; 2) индексом терпения; 3) индексом оптимизма.

Поскольку в социальном самочувствии проявляется оценка субъективного благополучия личности и жизненной удовлетворенности в целом, принимаем их за индикаторы эвалюативного компонента, который растворяется в социальном самочувствии и входит в его структуру в качестве ориентационной базы. Оценочное содержание связано с представлениями о «хорошей» (благополучной) или «плохой» (неблагополучной) жизни, формирующимися в ходе социализации личности. Эвалюативные «эталоны» опосредуют жизнедеятельность личности, актуализируются в зависимости от ее сфер. Жизненная удовлетворенность складывается на основании реализации ценностей, содержание которых и возможности их достижения для разных индивидов, социальных групп, общностей различны. Эвалюативный компонент исследуется 1) критериями жизненной удовлетворенности; 2) индексом терпимости; 3) индексом оптимизма.

1.4 Социальное самочувствие: опыт исследования и проблемное описание объекта исследования

В социологии молодежи необходимость выяснения места, роли и значения молодого поколения в социальной структуре общества, которое понимается в качестве большой социальной общности, находящейся в процессе формирования, становления и реализации своих качеств, возникла не случайно. Ценностные ориентации молодежи, ее жизненные стратегии, социальное самочувствие, установки и другие элементы сознания во многом определяют влияние молодежи и ее вклад в развитие общества, общественный порядок и стабильность. Среди привыч-

ных, традиционных для предметного поля элементов социологии молодежи – особенностей социализации молодежи, ценностных ориентаций, мотиваций деятельности, образа жизни, жизненных планов и т.д. – возникают иные задачи, связанные с изучением социальных ожиданий и установок, жизненных стратегий, настроений и социального самочувствия. По словам многих исследователей, понимание социального самочувствия молодых людей, их умонастроения, того, как они себя ощущают в преобразующихся социально-экономических, политико-правовых, культурно-идеологических условиях, особенно значимо для современных обществ. В социальном самочувствии молодежи проявляется реакция и ее отношение к социальным преобразованиям. В статье «Парадоксальный молодой человек» Ю.Р. Вишневский и В.Г. Шапко [56] исследовали общественное сознание молодежи в духе парадоксальности, который немного раньше был заложен Ж.Т. Толченко [51]. Специфика социологического подхода к парадоксальности, по мнению автора, состоит в изучении ее проявлений в реальной жизни, в осуществлении тех или иных видов деятельности, поскольку парадоксальность присуща и процессу познания и самой действительности. Среди причин парадоксальности сознания, ставшей неотъемлемой частью современной жизни, социологи видят социальный, хозяйственный и политический кризис общества, которое находится в состоянии неустойчивого равновесия; рост социального расслоения, дифференциация и маргинализация общества; ломку традиционных форм социализации и межпоколенческой преемственности, социальной мобильности, путей и способов профессионального самоопределения и роста. На этом фоне актуализируется проблема разнообразия и дифференциации молодежи и ставится вопрос о том, существует ли молодежь как целостность. Л.Я. Аверьянов, рассуждая о проблемах молодежи писал: «Молодежь не вписывается, во всяком случае, полностью ни в одно социальное образование: она развивается по своим законам, не оправдывая ожиданий и игнорируя призывы. Иначе говоря, отношения молодежи с другими объектами общества, казалось

бы, протекают на фоне большей или меньшей, скрытой или открытой, но конфронтации. Пришлось признать, что у них особая культура» [57, с.155]. Действительно, молодежь – это самостоятельная социальная группа, обладающая собственными социальными качествами, которые и отражают ее сущность, - социальный статус, субкультура, ценности, установки и ожидания, и, конечно же, социальное самочувствие. Общение и взаимодействие со старшим поколением является естественным воспитателем и социализатором подрастающего поколения. «Чем более далеки друг от друга уже более-менее реалистичные образы старшего поколения и грезы молодежи, тем больше обостряется непонимание, конфликтность в отношении поколений» [58, с.118] – справедливо заметил белорусский социолог Р.А. Смирнова. Утверждение, что ощущение счастья зависит не от богатства, а от возможности достижения успешных результатов нормативными (общественно одобряемыми) способами характерно для старшего поколения и в меньшей степени для молодежи.

В этой связи, приведем слова Н.Я. Аверьянова: «Рассмотрение особенностей современного поколения молодежи связывается с такими понятиями как «неопределенность», «риск», «общество риска», «инновация», «транзичия», «трансгрессивность» и др. Благодаря этому раскрываются новые возможности в исследовании молодежи» [57, с.156]. Высказывание показывает, что социолог наделяет сознание молодежи такими характеристиками, как неопределенность, рискованность, агрессивность, инновативность, транзитивность. Дополним данные характеристики молодежи еще одним набором, который выделил белорусский социолог И.В. Котляров. Итак, по его словам, сознание молодежи отличается большей восприимчивостью к различного рода влиянию; неопытностью молодежи и ее материальной зависимостью от старшего поколения; экспрессивностью и радикализмом; впечатлительностью и низкой степенью психологической устойчивости [59]. Авторы статьи «Парадоксальный молодой человек», отмечали, что «парадоксальность молодежного сознания для социологии молодежи не является чем-то аб-

солютно новым», и цитировали слова С. Холла, который «акцентировал внимание на противоречивость характера молодого человека, в котором сменяются веселость и уныние, уверенность в себе и застенчивость, альтруизм и эгоизм, высокие нравственные стремления и низкие побуждения, тяга к общению и уединению, чувствительность и апатия, любознательность и равнодушие, страсть к реформаторству и рутине» [51, с.26]. Российские социологи отмечают, что сегодня дифференцирующие факторы среди молодежи проявляются более весомо и зримо, чем интегрирующие, и имеются в виду, прежде всего, социальное происхождение, доход, политическую идентификацию, образование, религиозность, что откладывает свой отпечаток на ценностных ориентациях, притязаниях, социальном самочувствии [60, с.82]. Так, например, используя прием самоидентификации с конкретным поколением, российскими социологами были получены следующие результаты: 34% назвали себя равнодушными, 20% - прагматичными, 19% - иничными, 17% - потерявшими надежду, 12% - протестными, 7% - скептиками, 6% - отчаявшимися, 3% - романтиками. Также и данные социологических исследований ВЦИОМа подтвердили сочетание в самооценках молодежи противоречивых характеристик: агрессивность (50%), цинизм (40%), инициативность (38%), образованность (30%), трудолюбие (8%), верность (8%) [61]. Какова же белорусская молодежь по своим социальным качествам? Ответ на данный вопрос продемонстрируют результаты социологического исследования, проведенного в рамках совместного гранта БРФФИ «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Северо-Западного федерального округа РФ и Беларуси» № Г09Р-031 от 15 апреля 2009 года. Молодым респондентам (в возрасте от 16 до 30 лет включительно) необходимо было оценить степень достаточности у них перечисленных качеств по каждому из названных. Итак, результаты анкетного опроса показали, что, отвечая на вопрос «В какой степени вам присущи следующие качества?», наиболее распространенными характеристиками среди молодежи, которыми, на их взгляд, они

обладают в достаточной мере, оказались следующие: ответственность, которая характерна для 74,7%, работоспособность – для 74,0%, исполнительность – для 73,4%, самостоятельность – для 73,1%, энергичность – для 70,7%, дисциплинированность – для 69,4%. За ними следуют – умение адаптироваться (64,3%), способность достигать цели (59,3%), требовательность (53,7%), умение рисковать (52,1%), инициативность (51,8%), предприимчивость (50,9%). Завершают данный набор способность к самоорганизации (49,4%) и потребность в самообразовании (44,6%). Субъективное восприятие собственной качественной идентификации молодежи связано с такими характеристиками, которые обуславливают доверие. На наш взгляд, ответственность, работоспособность и исполнительность – качества одного порядка, поскольку из ответственности вытекают два других. В свою очередь это указывает на то, что на современную молодежь можно опереться, рассчитывать и полагаться, с учетом того, что, как показало исследование качеств, рискованность, часто связанная с совершением поступков, нарушающих просоциальную активность, молодым свойственна меньше других характеристик. Приведем справедливое мнение известного белорусского социолога Е.М. Бабосова: «Своеобразие молодежи как социальной общности определяется тем, что она находится в процессе формирования, становления и развития своих социальных качеств, а этот процесс в силу своей неоднородности и противоречивости, вызванной различными социально-экономическими, политическими, социокультурными влияниями, подвержен значительным изменениям и колебаниям...» [62, с.233]. Действительно, рассматривая социальные качества в узком плане, т.е. как совокупность характеристик, черт молодежи, формирующихся в процессе включения в общество посредством воспитания, образования или в общем плане социального взаимодействия, нужно отметить, что они также претерпевают изменение. Какие-то качества начинают проявляться в недостаточной мере, либо вообще могут утратиться в силу тех и или иных обстоятельств, и, например, рискованность заменится дисципли-

нированностью или наоборот. Утверждение, что социальные сущностные силы молодежи – ее личностный потенциал, побудительно-мотивационные установки, социокультурные предпочтения, ценностные ориентации, социальное самочувствие – также проходящие становление и развитие, воплощаются в формах жизнедеятельности, позволяет понять, почему, например, безработной молодежи меньше всего присущи ответственность, работоспособность, исполнительность, самостоятельность, энергичность, способность достигать цели, инициативность, предприимчивость, т.к. обладание в достаточной степени названными качествами способствует, как правило, более активной позиции на рынке труда. Впрочем, и наиболее «прогрессивная» категория молодежи – учащаяся и студенческая молодежь – не отличается особой активностью и занимает предпоследнее место по силе проявления ответственности, работоспособности, исполнительности, требовательности, следуя за служащей и рабочей молодежью. Молодежь, занятая в сфере предпринимательства, отличилась такими характеристиками, как предприимчивость, умение рисковать, адаптивность, инициативность, и в меньшей степени свойственны дисциплинированность, энергичность и самостоятельность. Молодым людям еще к тому же свойственна завышенная самооценка и своих реальных возможностей, поэтому данное противоречие нередко осложняет, как отметил автор, процесс вхождения в те или иные социальные группы, особенно, в престижные. Такая ситуация, как правило, сопровождается низким уровнем удовлетворенности жизнью, неблагоприятным самочувствием и напряжением в настроении. Социологом Е.М. Бабосовым в результате проведенного исследования были выделены три группы молодежи по уровню социального самочувствия: *социально-напряженные*, куда вошли те, кто отличился высокой степенью неуверенности, тревожности, неудовлетворенности (55-58%); *социально-стабильные*, характеризующиеся низким уровнем удовлетворенности реализацией определенных социальных предпочтений (13-14%); так называемые *пессимисты*, т.е. те, кто полагает, что некоторые соци-

альные предпочтения в ближайшем будущем реализовать не удастся (76%) [60, с. 236-237]. Приведем результаты нашего исследования, «Социальное самочувствие молодежи как фактор общественной стабильности и порядка». На вопрос «Что бы вы могли сказать о своем настроении, которое испытываете в последнее время?» были получены следующие ответы. 18,0% обладает прекрасным настроением, 25,7% отметили, что их настроение ровное и нормальное, 15,9% опрошенной молодежи испытывает напряжение и раздражение и 2% - страх и тоску, у 38,0% настроение изменчивое. Таким образом, сделаем выводы, что молодежь в данном исследовании по индикатору настроения характеризуется позитивными значениями.

На вопрос «Оцените, в какой степени вы удовлетворены жизнью?» 82% опрошенной молодежи, ответили, что удовлетворены, среди них 14,7% удовлетворены полностью, 67,3% - скорее да, чем нет, 11,4% - скорее не удовлетворены, 0,8% - не удовлетворены совсем, 5,7% - не знают. Оценивая свою жизненную удовлетворенность, 69,0% среди молодых респондентов оценивали ее, насколько они счастливы в целом, 41,2% - поставленные и достигнутые цели, 30,2% - свое семейное благополучие и/или личные отношения, 28,6% - уровень доверия со стороны авторитетных людей, 23,3% - собственное материальное благополучие и уровень жизни. Таким образом, исследование позволяет сделать вывод, что удовлетворенность жизнью оценивается молодежью с точки зрения не материальных факторов, а, скорее, наоборот, это указывает и на аксиологические (ценностные) основания социального самочувствия. Важными ценностями для молодежи являются счастье, целедостижения, семья (личные отношения), доверие. Как видно, экономическое основание жизненной удовлетворенности заняло пятое место среди всех других. На вопрос о том, как изменилось самочувствие по сравнению с предыдущим годом, 60,0% среди опрошенной молодежи ответили, что самочувствие улучшилось, в том числе у 17,1% намного улучшилось, у 42,9% скорее улучшилось, чем ухудшилось; 21,2% полагают, что их са-

мочувствие ухудшилось, среди них 19,6% выбрали ответ «самочувствие скорее ухудшилось» и у 1,6% самочувствие крайне ухудшилось; не изменилось самочувствие у 18,8% молодых респондентов. Затем молодежи предлагалось ответить на открытый вопрос: «А что бы могло изменить ваше самочувствие?», на который молодые респонденты ответили следующим образом: любовь, личная жизнь и семейные отношения (27,8%), взаимодействие с людьми, общение с друзьями, взаимопонимание и поддержка (27,3%), интересный досуг и свободное время, разнообразная и насыщенная жизнь (20,8%), материальное благополучие (18,0%), собственное здоровье и здоровье близких людей (17,1%), успехи на работе, учебе, службе (13,9%), благоприятные жизненные перспективы (7,8%), достижение поставленных целей (7,3%), самореализация и занятие любимым делом (6,9%), позитивное настроение (6,9%), отсутствие трудностей и благоприятные условия жизни (4,9%), уверенность в себе и общительность (2,4%), независимость и самостоятельность (2,9%), безопасность (2,0%), вера в бога (0,4%) и хорошие внешние данные (0,4%). Опираясь на полученные результаты, можно сделать выводы относительно необходимых условий и оснований поддержания самочувствия на оптимальном уровне или его улучшения. Благополучные отношения с близкими людьми, друзьями и окружающими, взаимопонимание и поддержка, насыщенная и интересная жизнь, достойный уровень жизни и здоровье – вот что является главным с точки зрения обеспечения благоприятного социального самочувствия. Исследуя жизненные стратегии современной российской молодежи, К. Муздыбаев писал, что нынешнее молодое поколение в большей мере удовлетворено своей жизнью и чувствует себя более счастливым, чем старшее поколение. Молодые люди в большей степени довольны материальным и социальным положением. В целом они отмечают в своей жизни больше позитивных перемен за период реформы, чем респонденты старше 30 лет. При этом большинство молодых респондентов уверено, что могут улучшить свое материальное и социальное положение. Если сравнивать

студентов и работающую молодежь, то первые чаще счастливы, чаще удовлетворены своей жизнью, материальным и социальным положением, чем последние. Естественно, студенты отмечают больше позитивных перемен в своей жизни, чем работающая молодежь [63, с. 175-189]. Автор данных слов, осуществляя сравнительный межпоколенческий анализ, отмечает, что молодежь, по сравнению со старшим поколением, в своем социальном самочувствии выглядит более благополучно, что способствует оптимистичному восприятию собственного будущего, возможностей повышения социального и экономического статуса. Справедливо исследователь заметил внутреннюю неоднородность молодежи, т.к. внутри данной возрастной общности действительно, скорее, больше различий, чем сходства, что может быть обусловлено доминирующим видом деятельности, гендерной принадлежностью, региональными и возрастными особенностями молодежи.

1) Социальное самочувствие представляет собой эмерджентный (ново-явленный) уровень индивидуального и общественного сознания, формирующийся в процессе восприятия и оценок состояния социума и собственной жизни с точки зрения настроения и индивидуального чувствования (сензитивности), удовлетворенности жизнью и материального благополучия, терпимости и оптимизма, что обуславливает активность его носителей, побуждая к целенаправленным формам социального действия.

2) Методологическими предпосылками изучения данного явления выступают следующие позиции:

- Социальное самочувствие, выступает в качестве интегрального социопсихологического феномена, синтезирующего данные о текущих событиях с прогнозом вероятности их изменения в ту или иную сторону (улучшения-ухудшения) и оценкой адаптационных возможностей субъекта.
- Праксиологический смысл субъективных показателей социального самочувствия, состоит в том, что они в своей совокупности определяют

предрасположенность (готовность) людей к конкретным целенаправленным видам социального действия.

- Носителями социального самочувствия выступают не только индивиды, но и различного уровня общности. Следовательно, оно является надиндивидуальным, групповым образованием. Наиболее распространенные и выраженные его черты, в силу законов подражания и заражения, проявляются и в индивидуальном самочувствии, согласно диалектике общего и единичного.

- Обусловленность социального самочувствия определяется внешними и внутренними детерминантами. К первым относятся объективные условия жизни, ко вторым – притязания и реальные возможности их достижения.

3) Структурными компонентами социального самочувствия являются: 1) когнитивный (в нем проявляется актуальное знание, информированность людей по проблемам общественной жизни, что помогает индивиду руководствоваться в повседневной жизни и принимать те или иные решения), 2) эмотивный (выражает эмоциональные оценки жизненной ситуации и рассматривается как психическое состояние индивида, порожденное в социальной реальности и являющееся высшим продуктом развития эмоциональных процессов в общественных условиях), 3) конативный (предполагает субъективную настроенность и готовность на совершение целенаправленных социальных действий), 4) эвалюативный. Поскольку в социальном самочувствии проявляется оценка субъективного благополучия, его структура дополняется *эвалюативным (оценочным)* элементом. Он представляет собой проекцию интернализованного личностью нормативного стандарта на трехмерную структуру социального самочувствия. При ее (структуры) анализе эвалюативный компонент позволяет понять, как и по каким основаниям осуществляется именно такой, а не иной выбор на эмотивном и когнитивном уровнях, а также объяснить стратегические предпочтения на конативном уровне. В нем проявляются жизненные приоритеты, реализуемые через крите-

рии удовлетворенности жизнью; а также качественная идентификация (жизненное терпение и оптимизм) индивида, что обуславливает иные компоненты социального самочувствия.

4) Методика социологического изучения социального самочувствия заключается в выделении следующих эмпирических индикаторов:

- индикаторы *эмотивного* компонента представлены 1) преобладающими настроениями, 2) индивидуальным самочувствием, 3) удовлетворенностью жизнью;

- индикаторы *когнитивного* компонента включают 1) оценку экономической ситуации в стране, 2) оценку материального положения своей семьи, 3) актуальные проблемы семьи и страны;

- индикаторами *конативного* компонента являются 1) выбор жизненных стратегий; 2) достигнутый жизненный уровень; 3) готовность к защите прав и интересов;

- индикаторы *эвалюативного* компонента презентуются 1) критериями жизненной удовлетворенности; 2) индексом терпения; 3) индексом оптимизма.

ГЛАВА 2

ЭМПИРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЕЖИ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

2.1 Объективные и субъективные факторы общественной стабильности

Общественная стабильность – одна из самых древних, фундаментальных, сложных и многоплановых категорий социально-гуманитарных наук. Проблема стабильности в обществе возникла одновременно с появлением социальной жизни на земле. Подходы к ее рассмотрению были предприняты древнегреческими философами Платоном и Аристотелем, однако и в рамках современной стадии развития общества данная проблема вызывает интерес многих ученых, среди которых философы и социологи, политологи и правоведы. Обращаясь к античной философии, истоки теории общественной стабильности прослеживаются в концепции идеального (справедливого) государства Платона. Подобно тому, как в душе человека есть три начала, так и в государстве должно быть три доблести. Разумному началу души в идеальном государстве соответствуют правители-философы, мужественному – воины, благоразумному – земледельцы и ремесленники. По мнению мыслителя, справедливость есть четвертая доблесть государства. Суть ее в правильном распределении занятий, исходя из природных задатков и по принципу «каждому свое»; она заключается в том, что каждый человек должен заниматься тем делом, к которому он предназначен от природы, и не вмешиваться в чужие дела, иначе – преступление. Тезис Платона о правлении философов во всей истории вызывал осуждение со стороны элит, которые искажали мысль автора. Платон наделил правителей интеллектуальной исключительностью, нравственным совершен-

ством, благородством, мудростью и справедливостью и т.п. Основываясь на этих качествах он утверждал: «Пока в полисах (городах-государствах не будут править философы, либо искренне и удовлетворительно философствовать нынешние властители, пока государственная сила и философская мудрость не сольются в одно, до тех пор ни для государств, ни даже, полагаю, для человеческого рода нет конца злу» [64, с.473]. Вторым важным условием общественной стабильности является общность имущества и быта для правителей и стражей (однако в дальнейшем в «Законах» мыслитель отказывается от коллективной собственности философов и воинов и устанавливает для граждан единый порядок пользования имуществом). В-третьих, фактором стабильного общества Платон называет закон, понимая под ним совокупность религиозно-нравственных норм, установленных мудрыми в качестве ориентира для всех. Таким образом, если граждане и сами правители подчиняются закону, то в обществе будет стабильность и, соответственно, то общество обречено на гибель, в котором закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Согласно ученику Платона Аристотелю совершенное общество образуется общением подобных друг другу людей ради достижения возможно лучшей жизни. В таком обществе верховная власть преследует цели общего блага граждан; разрушить стабильность в обществе может руководство правителей исключительно интересами личной выгоды. Также коренная причина общественной неустойчивости заключается в отсутствии надлежащего равенства, а следовательно симпатии Аристотеля на стороне политии, поскольку демократия чрезмерно уравнивает богатый и простой народ, а олигархия усугубляет противоборство, вводя избыточное неравенство. Заметим, что для древнегреческих мыслителей общество – это полисное государство с небольшой численностью населения, - не более ста тысяч человек по Аристотелю. Идеальным его устройством он считал политию – среднее между демократией и олигархией. Полития предполагает собственность средних размеров, гарантии самодостаточности семей, ослабление противоречий

между богатыми и бедными, совместные трапезы и мероприятия, призванные обеспечить солидарность граждан.

Теократическая концепция порядка и стабильности в обществе была разработана Августином Блаженным и Фомой Аквинским. Так, согласно учению Августина, государство должно служить церкви, помогать небесному граду направлять весь земной мир к миру небесному, сохранять и поддерживать единство образа человеческих мыслей и желаний. Превосходство града божьего и церкви объяснялось присущим им евангельским заветом мира и покоя, права и общей пользы, истинной справедливости. Государство же лучше сохраняется и устраивается, будучи основано на вере, согласии, любви к высшему благу, которым является Бог. В основе стабильного общества Фомы Аквинского лежит принцип подчинения низших форм высшим, установленный Богом. Духовный мир возглавляется папой как наместником божьим, по этому же принципу должно быть организовано общество: подданные подчиняются царям и светским властям, рабы должны подчиняться господам. Для порядка в обществе Фома предлагал возвести в ранг высших ценностей права и достоинства человека, защиту прав и свобод личности от произвола власти. Однако эти права и свободы оказались весьма умеренными и сводились к праву на жизнь, брак, деторождение. Теократические концепции общественной стабильности в дальнейшем подверглись критике богословом и медиком, ректором Парижского университета Марселием Падуанским. Согласно автору «Защитника мира» (1324 г.) теократические теории создают неверные представления о соотношении церкви и государства, божественного и человеческого законов, а, следовательно, сеют раздоры и разрушения в обществе, поскольку выступают основной причиной войн, смут и возмущений, мешающих мирному, упорядоченному общежитию. Открытое и полное вмешательство церкви в дела светской власти лишают мира общества. Весьма демократичны взгляды Падуанского относительно человеческого закона, который должен приниматься народом, выражать общее благо, которому народ лучше подчиняется,

поскольку исходит от народа. Также и исполнитель законов должен избираться тем же, кем установлен закон. Подобные идеи, безусловно, опережали время мыслителя и предвосхитили лозунги революций XVII-XVIII вв.

Представитель новой эпохи Николо Макиавелли полагал, что в основе прочности общества лежит безопасность личности и незыблемость собственности. Самое опасное для руководителя – это посягать на имущество, поскольку это порождает недовольство и ненависть. Лучшее общественное устройство то, которое предоставляет людям возможность приумножать и приобретать блага и свободно ими пользоваться. Однако нужно учитывать, что людям свойственно желать многого, но не всегда они обладают возможностями достигнуть того, чего желают. Из-за этого они часто недовольны и беспокойны. Действительно, в этом макиавеллистском понимании природы человека, заложена современная формула человеческого счастья или наилучшего социального самочувствия, которое тем больше, чем меньше дистанция между притязаниями (целями) и реальными их достижениями (*Уровень счастья = Реальные достижения (возможности осуществления) / поставленные цели (притязания)*).

Проблема гармонизации в развитии общества и достижения его стабильности, которые до сей день не потеряли своей актуальности занимают важное место в социологии О. Конта. Согласно родоначальнику социологической науки, гармония в обществе – это, прежде всего, наилучшее сочетание интересов различных личностей и социальных слоев. Значение политической власти и достоинство политиков состоит в мудром согласовании интересов социальных субъектов. Гармония в обществе, как важное условие его стабильности, достигается на основании согласования (консенсуса) политических учреждений с нравами и идеями. Стабильное общество предоставляет каждому сословию, народу и человеку возможность нормально существовать и развиваться. Факторами, нарушающими общественную стабильность, Конт считал эксплуатацию и конкуренцию. Излишнее разделение труда может привести

к разложению общества на отдельные корпорации, разрушить его единство, породить конкуренцию и способствовать пробуждению самых низменных инстинктов, худших, эгоистических сторон человеческой натуры. В связи с возможной тенденцией к разложению общества, нарушения его единства, французский социолог указывал на необходимость политической власти, как выразителя общественного духа. А, следовательно, основное назначение политической системы состоит в предупреждении фатальной склонности к расхождению в идеях, чувствах, интересах, являющейся неизбежным результатом человеческого развития. И если бы подобное рассогласование не встречало на своем пути никаких преград, то общество было бы обречено не только на остановку в своем прогрессе, но и на хаос. Поэтому государство есть главный блюститель порядка, стабильности и гармонии в обществе. В теории социальной динамики, разработанной Контом, из трех стадий развития истории – теологической, метафизической и позитивной – лишь последняя больше всех других гарантирует гармоничное и равномерное развитие всех элементов жизни, поскольку ее чертами являются победа альтруизма над эгоизмом, рост социальных чувств, легкая и приятная жизнь, справедливость и мир. Немаловажную роль в установлении и поддержании общественной стабильности играет институт семейных отношений, в связи с тем, что, по мнению Конта, роль семьи – в воспитании молодого поколения в духе альтруизма, в преодолении врожденного эгоизма; более того, каждая современная семья подготавливает общество будущего, а каждая новая – продлевает жизнь настоящего общества. В противовес Конту Герберт Спенсер видел в качестве основания «хорошего общества» соглашение между индивидами, преследующими свои личные интересы. Там же, где государство вмешивается в эти согласительные договоренности, как в целях повышения социального благосостояния, так и в любых других целях, – это либо нарушает общественный порядок, либо приводит к воинствующему социальному порядку. Второе, что может нарушить порядок и стабильности в обще-

стве – это отсутствие законов, т.к. их наличие есть гарантия общественной устойчивости и непреклонности, конечно, при законопослушности граждан.

В основе стабильного общества Э. Дюркгейма лежит усиление моральной регуляции, отсутствие которой способно привести общество к кризисному состоянию. Общественный кризис порождается изменением характера и содержания общего сознания. Быстрое изменение норм и ценностей влечет за собой утрату былой дисциплины и порядка в обществе. Способности, биологические функции, импульсы и страсти, составляющие биологическую природу человека, находятся в противоречии с его социальной природой, создаваемой путем воспитания и приобщения к нормам, ценностям и идеалам. Подобное противоречие обуславливает внутреннее беспокойство, чувство напряженности и тревоги. Механизму органической солидарности, таким образом, Дюркгейм отводит роль сдерживателя, контроля над индивидом, ослабление которого приводит к аномии, к состоянию дезинтеграции общества и индивида. Нормальное, «здоровое» состояние общества противоречит возникновению напряжения, чувства разочарования и тоски, и как следствие, отклоняющемуся поведению.

В теории социального действия Т. Парсонс в качестве отличительного признака социальной системы понимал «интегративное состояние», возникающее в результате взаимодействий входящих в нее индивидов, а ее важнейшей функцией – объединяющая. Интеграция, как одна из четырех базовых функций системы действия, представляет собой стабилизирующий параметр социальной системы, наряду с функциями поддержания образца, целеполагания и адаптацией, обуславливающими общественный порядок. Сущность первой, - интегративной, - проявляется в том, что она направлена на поддержание координации между частями системы, ее связанности, на защиту ее от резких изменений и крупных потрясений. Данной функции соответствует идеология, поскольку ее предназначение в создании солидарности взаимодействующих

щих индивидов, отношения между которыми подвержены конфликтам и дезорганизациям, нарушающим общественную стабильность. Налагая на эти склонности ограничения в форме ответственности, поддерживая связанность между индивидами, она тем самым приводит к стабильности общественной системы. Порядок поддерживается системой культуры, поскольку ей соответствует функция сохранения образца путем интернализации действующими акторами норм, правил, идеалов, ценностей. Ядром общества согласно Парсонсу является нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь. Данный статус нормативного порядка, состоящего из культурных объектов – идей, традиций, верований, ценностей, норм и правил – объясняется тем, что он задает понимание членства общества, поддерживает единство общей культурной ориентации, необходимые для выживания и развития социального сообщества.

Развивая идеи Э. Дюркгейма, Т. Парсонс подчеркивает различие между лояльностью и солидарностью. Лояльность есть лишь формальное соблюдение принятых норм и правил социума, при нейтральности или даже оппортунистической внутренней позиции. А вот солидарность – это добровольное принятие ценностей и норм как своих, во всем объеме не только прав, но и ответственности.

Общественная стабильность с точки зрения П. Сорокина является результатом огромного конденсата национального опыта, опыта реального, а не фиктивного, результата бесчисленных попыток, усилий, экспериментов многих поколений в поисках наиболее приемлемых социальных форм. Социальная стабильность не случайна, она продукт многовекового приспособления человечества к среде обитания и индивидов друг к другу, итогом вековых усилий, опыта и стремления создать наилучшие формы социальной организации и жизни.

Итак, общественная стабильность – это такая форма, устройство общественной жизни, которое основано на предсказуемости и воспроизводстве устойчивых и значимых форм повседневной деятельности и

схем отношений (паттернов); это общество, приемлемое для жизни, в котором гарантируются безопасность и защищенность граждан, а также достойный уровень жизни.

Современные исследователи проблем общественной стабильности, устойчивости и порядка отталкиваются от теорий «социальных рисков» и «глобализации». Белорусский социолог Л.Г. Титаренко: «Начало XXI века ознаменовалось новыми вызовами и угрозами, проистекающими из процессов глобализации, которые по-прежнему определяют мировое развитие» [65, с. 25]. Беларусь объективно в той или иной степени подвержена этим угрозам, вызовам и рискам, поскольку вовлечена в современные глобальные процессы. Общество риска, в рамках которого, по мнению Э. Гидденса, пребывает современное человечество, расшатывает былую экономическую и политическую стабильность, в результате чего ни одна страна, поколение, человек не застрахованы от неожиданностей и неопределенностей, существующих в сфере труда, образования, новых технологий, экологического состояния среды, системе здравоохранения. По мнению социолога, основными характеристиками современного общества являются неопределенность, непостоянство, нестабильность, и для их преодоления каждый человек должен стать лабильным, а социальная политика – динамичной и гибкой. Не только современное государство отвечает на новые глобальные вызовы, но и современный человек неизбежно обречен на постоянное столкновение с различными индивидуальными рисками на протяжении всей своей жизни. Такая ситуация порождает в социальном самочувствии многих людей не только чувства беспокойства, напряжения и опасений, оно также сопровождается утратой чувства безопасности, так необходимого для устойчивого и стабильного развития социума. Польский социолог П. Штомпка назвал современный мир глубоко травмированным [66, с. 6-16], потрясенным социальными катаклизмами. Неустойчивость жизненного уровня, угрозы массовой безработицы, потери прежней социальной идентичности, необходимость поиска путей выживания в новых услови-

ях – все это неизбежно приводит к негативным и разрушительным последствиям, к социальному беспокойству и другим следствиям в общественном сознании и психике людей, находящихся в центре подобных социальных рисков и угроз. По мнению Г. Блумера, социальное беспокойство, как вид коллективного поведения, возникает в условиях неустойчивости или нарушения привычных форм существования или привычного, заведенного жизненного порядка [67, с. 535-588]. В тех ситуациях, когда групповая жизнь удовлетворительно поддерживается в соответствии с правилами и культурными установлениями, отсутствует повод для возникновения каких-либо новых форм коллективного поведения; желания, предрасположенности и потребности людей удовлетворяются посредством обычной и привычной культурной деятельности групп. Люди оказываются в состоянии беспокойства в том случае, если желания, побуждения и предрасположения не могут быть удовлетворены наличными формами существования. Подобная ситуация подталкивает к действию, с одной стороны, но и одновременно препятствует его совершению, с другой стороны. В итоге люди ощущают дискомфорт, фрустрацию (лат. *frustratio* — «обман», «неудача», «тщетное ожидание», «расстройство замыслов»), неуверенность, исходом которых являются одиночество или отчуждение. Состояние социального алармизма (тревожности) возникает «лишь тогда, когда чувство беспокойства вовлекается в круговую реакцию и становится инфекционным» [67]. Социальное беспокойство обычно сопровождается тревогами, страхами, неуверенностью, повышенной агрессивностью, пессимистичным восприятием будущего. Вместе с тем, оно является не только симптомом распада жизненного устройства, но и платформой для появления новых форм деятельности – социальных движений, реформ, революций, религиозных культов, духовных побуждений и новых моральных установлений. Помимо социального беспокойства, как социально-психологического типа общественных рисков, существует такая его разновидность, как социальная напряженность, также порожденная плохим социальным са-

мочувствием, или негативной его формой. Социальная напряженность рассматривается как социологическая категория, принятая для обозначения состояния общества, для которого характерно обострение ключевых экономических и политических противоречий, затрагивающих жизненно важные интересы и потребности разных категорий населения определенной страны и вызывающих их недовольство. «Прямыми или непосредственными факторами», приводящими к появлению социальной напряженности относятся те, которые связаны и определяют повседневную жизнедеятельность людей, степень удовлетворения тех или иных жизненно необходимых потребностей. К данной группе факторов причисляются достойный уровень заработной платы, величина пенсий и других социальных гарантий, наличие широкого ассортимента товаров массового потребления, доступность медицинских, образовательных, транспортных, туристических, спортивных и иных услуг, эффективное действие законов, обеспечивающих и гарантирующих правовую защиту и разного рода безопасность (экологическую, экономическую, продовольственную, политическую, духовную, военную и т.д.) населения. Противоположная ситуация приводит к чувству недовольства и выступает благоприятной почвой для появления и социального беспокойства и социальной напряженности, способных нарушить стабильность и порядок в обществе. Как полагает Д.Г. Ротман, социальная напряженность, имеющая экономические корни (СНэ), связанная с ухудшением условий жизни, снижением материального благосостояния, ростом цен, инфляцией, безработицей и пр., «очень опасна для стабильности в обществе (и, естественно, для действующей власти), так как качественная определенность самих корней связывается субъектом напряженности с деятельностью власти, успешностью ее экономической политики. СНэ может привести к массовому неповиновению или стихийному бунту» [68, с.134]. Когда же на СНэ наслаивается социальная напряженность, имеющая политические корни (обострение отношений между политическими элитами, борьба за власть и т.п.), то подобное сочетание ведет как революци-

ям («бархатным», «цветным») относительно мирным, так и кровопролитным. В этой области весьма велика роль социологических исследований, поскольку отслеживание динамики изменения уровня социальной напряженности позволяет предвидеть, и, соответственно, снимать проблемные ситуации в обществе и государстве. В группу социально напряженных попадают те индивиды, кто негативно оценивает личное материальное благополучие и экономическое положение страны, кто ощутил ухудшение своего экономического благосостояния, ощущает серьезные жизненные проблемы, связанные с материальной сферой (рост цен, снижение уровня жизни и т.д.), пессимистично оценивает свое материальное положение в будущем, готов к протестным формам поведения в обществе в данной ситуации.

Необходимо также учитывать социальную напряженность, обусловленную демографическими факторами. К ним, по мнению С.А. Шавеля, относятся 1) ожидаемая продолжительность жизни; 2) территориальная распределенность населения (город/село, регионы); 3) половая и возрастная структуры; 4) показатели смертности и рождаемости; 5) естественный прирост/убыль населения и др. Социолог полагает, что «в настоящее время данные факторы оказывают неблагоприятное системное воздействие» [83, с. 208], подразумевая постарение населения, диспропорции в его структуре, снижение показателя ожидаемой продолжительности жизни и т.п. Таким образом, социальный риск как характеристика, свойство, состояние общественной ситуации, порожденной неблагоприятными условиями, тесно связан с реальными и непосредственными условиями жизни индивидов в разных сферах, неблагополучие в которых отражается на социальном самочувствии населения, а именно, приводит к недовольству, перерастающему в социальное беспокойство и напряженность. «Социальные риски приводят в конечном итоге к утрате или снижению уровня дохода индивида, а также утрате им источника дохода (или его части), обеспечивающего определенный уровень удовлетворения жизненных потребностей. Однако В.В. Николаевский не учел обратную сторону социальных

рисков, а именно то, что без риска невозможно и получение положительных результатов, успехов, особенно в бизнесе. На протяжении всей жизни человек и общество постоянно встречаются с различного рода социальными рисками» [69, с. 36]. Возникает необходимость в устранении и недопущении, что сейчас является возможным посредством налаженного механизма управления рисками. Согласно В.В. Николаевскому, проблема снижения влияния негативных последствий социальных рисков на человека может решаться с помощью определенных стратегий поведения: 1) Стратегия устранения причин, вызывающих тот или иной социальный риск, является наиболее радикальной мерой направленной на устранение причин риска. 2) Стратегия ожидания или минимизации последствий, вызванных социальными рисками, направленная на разработку превентивных мероприятий по устранению причин социальных рисков, позволяющая отслеживать, выстраивать прогнозы относительно вероятности возникновения того или иного риска. 3) Стратегия устранения последствий, наступивших вследствие влияния социального риска, заключающаяся в реагировании на уже совершившиеся факты, предполагающая также предоставление возможности восстановить утраченное. По мнению В.В. Николаевского, социальные риски можно типологизировать следующим образом: природные риски (связанные со средой обитания), техногенные (связанные с деятельностью человека), риски жизненного цикла (связанные с периодом жизни человека от рождения до смерти), экономические риски (связанные с трудовой деятельностью), социально-экономические риски (связанные с проживанием в определенной социальной среде), политические риски (связанные с макроэкономической стабильностью и управленческими решениями на уровне государства). На наш взгляд, это не полный перечень социальных рисков, с которыми сталкивается современный человек. В контексте нашей проблематики, дополним данный список еще одной группой рисков, социально-психологических рисков, связанных с ухудшением социального самочувствия, влекущими за собой разного рода паникерские, алармистские настроения, а также проявляю-

щиеся на поведенческом уровне как аномийные расстройства и другие виды отклоняющегося поведения. Продemonстрируем модель управления социальным риском в данной сфере, представленную на схеме 2.1.

Схема 2.1 - Стратегии управления социально-психологическими рисками, возникающие в молодежной среде

Тип риска ↓	Риск ↓	Стратегии управления социальными рисками ↙ ↓ ↘		
		Устранение причин	Минимизация последствий	Устранение последствий
Социально-психологические.	Плохое (негативное) социальное самочувствие: социальное беспокойство, напряженность, опасения, чувство незащищенности, протестные настроения, миграционные настроения, суициды и пр.	Обеспечение полноценного правового и социального статуса молодым гражданам, защита их прав и свобод, создание условий для самореализации личности Поддержка молодых граждан. Государственная молодежная политика. Республиканские и региональные молодежные программы. Эффективное действие социальных служб.	Выявление потребностей и интересов молодежи; социологический мониторинг социального самочувствия, ожиданий, проблем ценностей молодежи; координация отношений между молодежью и другими категориями населения; психологическое, юридическое, медицинское консультирование молодежи; поддержка молодых семей.	Улучшение жилищных условий молодежи; профориентация и содействие трудовой занятости молодежи; экологическое, гражданское, правовое, духовно-нравственное, патриотическое воспитание молодежи; поддержка научного и научно-технического творчества, изобретательства и рационализаторства молодежи; поддержка рабочей (городской и сельской) молодежи, содействие вовлечению молодежи и закреплению молодых специалистов на селе; поддержка массового молодежного спорта и туризма; содействие медицинскому обслуживанию и сохранению репродуктивных функций молодых мужчин и женщин, поддержка материнства; развитие системы подготовки и переподготовки государственных служащих и специалистов по работе с молодежью; оказание психологической, юридической и социальной помощи органами социальных служб.

Как видно на схеме, механизм управления социально-психологическими рисками в молодежной среде, основан на государственной молодежной политике как системе социально-экономических, политических, организационных и правовых мер, направленных на поддержку молодых граждан Республики Беларусь в возрасте до 31 года, осуществляемых государством для социального становления, развития молодежи и наиболее полной реализации ее потенциала в интересах всего общества.

Социальная стабильность – это устойчивое состояние социальной системы общества, позволяющее ей функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних изменений. При этом она предполагает сохранение экономической и политической структур общества, однако не означает консервации раз и навсегда установленных порядков и образа жизни. Стабильное общество может успешно развиваться, своевременно заменяя устаревшие формы экономического и социального развития новыми, отвечающими изменившимся общественным потребностям, переменам во внутреннем и внешнем положении страны. Социальная стабильность, таким образом, представляет собой такое сочетание устойчивости и внутреннего равновесия общества, которое обеспечивает максимально благоприятные условия для всестороннего развития человека. Если речь идет об общественных системах, то их стабильность выражается в таких упорядоченных процессах в экономике, социальной жизни, политике, культуре, которым, с одной стороны, присущи противоречивость и даже конфликтность, но, с другой стороны, они регулируются совокупностью институтов и отношений и находятся в состоянии социального порядка, обеспечивая поступательное развитие всей общественной системы.

Стабильное общество достигается целенаправленной деятельностью государства и социальных институтов в такой сфере общественной жизни как социальная безопасность. Стабильность общества можно трактовать и как устойчивость социального порядка. Это защищенность людей от нарушения их прав. Это сохранность жилья и имущества, уважение достоинства личности. Следовательно, центральным моментом политики государства по обеспечению социальной безопасности, ее основным объектом должен быть человек, личность в социуме. Стабильное общество это такое его состояние, которое обеспечивает защищенность личности, потенциал ее развития и благополучие общества. В идеале общественная стабильность - это удовлетворительный уровень жизни, активно решаемые социальные вопросы, уверенность в завтрашнем дне, стабильно функционирующие государственные и общественные структуры.

Нарушение привычного хода вещей сопровождается, как правило, неудовлетворенностью и обеспокоенностью, часто определяемые как социальный всплеск. Социальная напряженность возникает в ситуации когда большинство жителей региона (страны) вначале ощущает, а потом осознает, что удовлетворение их социальных, экономических, политических, национальных, культурных, религиозных и других жизненно важных потребностей, интересов и прав находится под угрозой. Среди населения распространяются настроения недовольства существующим положением дел в жизненно важных сферах общественной жизни (ростом цен, инфляцией, ростом безработицы, преступности и т.д.), неудовлетворенности социальным порядком в широком смысле, утрачивается доверие к властям, исчезает ощущение безопасности, широкое хождение приобретают пессимистические настроения, то есть возникает атмосфера массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения. Напряженность проявляется не только в общественных настроениях, но и массовых действиях: в ажиотажном спросе, скупке товаров и продуктов питания «с запасом» (ситуация с сахаром, гречкой, солью, мебелью, бытовой техникой), вынужденной и добровольной миграцией больших масс людей в другие регионы, активизацией деятельности общественно-политических движений различных направлений, стихийных и организованных демонстрациях, митингах, в забастовках и иных формах гражданского неповиновения. Обеспечение социальной стабильности предполагает недопущение социальной напряженности.

Среди многочисленных факторов стабильности все большее значение приобретает общественное сознание, которое, по мнению российских экспертов А. Дугина, С. Бабурина, В. Аверьянова, С. Кара-Мурзы и других участников круглого стола, посвященного «Факторам стабильности и кризиса в современном обществе», определяет перспективы развития общества. Эксперты призывают обратить внимание на «коллективную социальную терапию» как инструмент стабилизации общества. В.В. Аверьянов полагает, что, несмотря на возможность достижения комфор-

та, современный человек находится в состоянии глубокого страдания, порожденного достигшим крайне высокого уровня остроты столкновением традиционной и утилитарно-нигилистической систем ценностей, угрожающим общественной стабильности. По его словам: «На место Бога человек ставит свое «Я». Но поскольку это не соответствует действительности, человек попадает в иллюзорный мир и начинает жить в нем, все его ценности начинают служить фетишу собственного «эго» [70].

Итак, достижение социальной стабильности, зависит от множества факторов, среди которых немаловажную роль играет качество жизни. Как справедливо заметил белорусский социолог С.А. Шавель: «Качество жизни – сложная, интегральная характеристика конкретных индивидов, социальных групп и общества в целом, как страны-государства. Оно не тождественно материальным условиям – уровню развития экономики и социальной сферы, инфраструктуры, состояния окружающей среды, ландшафта и т.д., и не сводится к физиологии потребления. Центральными индикаторами качества жизни являются ценности, определяющие восприятие человеком своего положения в обществе на основе социального сравнения, формирующие атмосферу доверия и ту невыразимую количественно ауру, которую А. де Экзюпери назвал радостью человеческого общения... Одним словом, измерить качество жизни «со стороны», без учета самооценок людей невозможно. Не случайно рейтинги стран по Индексу счастья (Happy Planet Index - HPI) представляет собой почти зеркальное отражение экономических, финансовых и других материалистических индексов» [71]. Качество жизни отражает ощущение благосостояния личности, ее удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью, счастье или несчастье. ВОЗ определяет качество жизни как «восприятие индивидуумом его положения в обществе в контексте ценностей своей культуры и в связи с его ожиданиями, целями и интересами». Качество жизни – понятие собирательное, т.к. характеризуется количественными показателями удовлетворения материальных и духовных благ и услуг. В качестве жизни отражается удовлетворенность населением состоя-

нием жизненных сфер, таких, например, как занятость, жилищные условия, стандарты проживания, отношения в семье, здоровье и т.д. В своем отношении качества жизни к социальному самочувствию, последнее является более широким и собирательным понятием, поскольку первое – качество жизни – демонстрирует субъективную оценку, восприятие собственного жизненного благополучия (внутренний фактор социального самочувствия). Оценка индивидом состояния экономики, политики, духовной и социальной сфер в обществе, а также объективное их положение, является внешними факторами социального самочувствия. Объективные факторы весьма разнообразны и рассматриваются через экономические показатели (ВВП на душу населения, платные услуги населению, производство продовольственных и непродовольственных товаров, ввод в действие обще площади жилых домов, розничный товарооборот), показатели сферы образования (численность учреждений, обеспечивающих разного уровня образование, выпускников образовательных учреждений, детских интернатных учреждений и их выпускников, численность НИР), показатели сферы здравоохранения (численность медперсонала, больничных организаций, обеспеченность населения врачами и больничными койками, обслуживание населения медпомощью, аборт, использование контрацепции, заболеваемость населения), показатели состояния духовной сферы (число библиотек, клубных заведений, музеев, театров, кино-театров, цирков, зоопарков и посещений в них), показатели социальной сферы (санаторно-курортные и оздоровительные организации, гостиницы, численность иностранных туристов и направление туристов за рубежом), физкультурно-спортивные сооружения, социальные гарантии, развитие транспортной системы и сферы связи), состояние сферы правонарушений (число преступлений, осужденных и т.д.), показатели состояния окружающей среды и др. Они же являются объективными показателями общественной стабильности и порядка в обществе. Так, например, по мнению белорусского социолога В.Р. Шухатович [58], весьма значительна роль системы здравоохранения в контексте поддержания стабильности

в обществе, поскольку, оно возможно при условии оптимального воспроизводства биологической жизни и социально-демографической структуры (половозрастной, образовательной, профессиональной), что обеспечивает возобновление сложившейся системы разделения труда, нормальное функционирование общественных институтов. Современная система здравоохранения является одним из механизмов управления различными социальными рисками, способствует улучшению здоровья населения и привитию ему норм самосохранительного поведения, посредством распространения здорового образа жизни и формирования ценностного отношения к здоровью. Велика роль в поддержании стабильности в обществе образования, от уровня и качества которого, по словам И.В. Котлярова [59], зависит судьба и карьера человека в цивилизованном обществе. Именно поэтому образование является фактором экономического развития и важным политическим инструментом любого государства. Некоторые тенденции в сфере семейно-брачных отношений, обусловленные социальными процессами, также влияют на стабильность в обществе. Негативно отражаются на общественном порядке уменьшение устойчивости брачных и семейных отношений, рост количества разводов, увеличение числа неполных семей, снижение престижа брака, распад традиционной семьи, снижение рождаемости и пр. Исследователь проблем семьи и брака С.Н. Бурова отмечает, что «развитие совокупного социального потенциала молодой семьи является необходимостью, общественной потребностью любой страны, условием обеспечения ее национальной безопасности, сохранения экономической самостоятельности и культурной уникальности» [72, с.55]. На наш взгляд, названные тенденции связаны, прежде всего, с проблемой социального самочувствия семьи, поскольку неудовлетворенность семейной жизнью, неудовлетворительная материальная база семьи, жилищный вопрос, отсутствие репродуктивной установки или ограничение рождения детей, отрицательная оценка будущего своей семьи и т.п. во многом обуславливают кризис института семьи и брака. Поэтому информация о социальном самочувствии молодой семьи важна

с точки зрения реагирования на ее запросы и потребности при проведении государственной молодежной политики.

Таким образом, на схеме 2.2 представлены основные факторы и роль социального самочувствия в обеспечении общественной стабильности, с учетом того, что объективные показатели общественной стабильности выступают внешними факторами социального самочувствия населения, поскольку оно зависит от состояния (здоровья) общества и его основных сфер.

Схема 2.2 - Факторы общественной стабильности

2.2 Эмпирический анализ структурных элементов социального самочувствия современной молодежи

Проведенная нами концептуализация феномена социального самочувствия позволила сделать вывод, что он представляет собой целостное социопсихологическое образование, «интраорганизменного», по А. Маслоу, типа, т.е. внутренне локализованное. Это подтверждается опытом повседневного общения, в котором для характеристики самочувствия используется небольшой набор бинарных терминов (оппозиций) – «хорошее - плохое», «бодрое - вялое» и др., без какой-либо детализации. В разговорном языке распространенным является выражение «мне что-то испортило настроение», но о самочувствии так не говорят, - любое воздействие здесь сортируется и кумулируется. Целостность данного образования как раз и позволяет ему быть интегральным презентантом состояния индивидуального и общественного сознания. Но это же создает большие затруднения для эмпирического изучения самочувствия, поскольку обыденные описания слабо дифференцированы, а значит, недостаточно информативны.

Для аналитических целей необходимо расчленить целостный феномен, выделить его структурные составляющие. В нашей концепции такими составляющими являются четыре компонента социального самочувствия, представленные на рисунке 2.1.

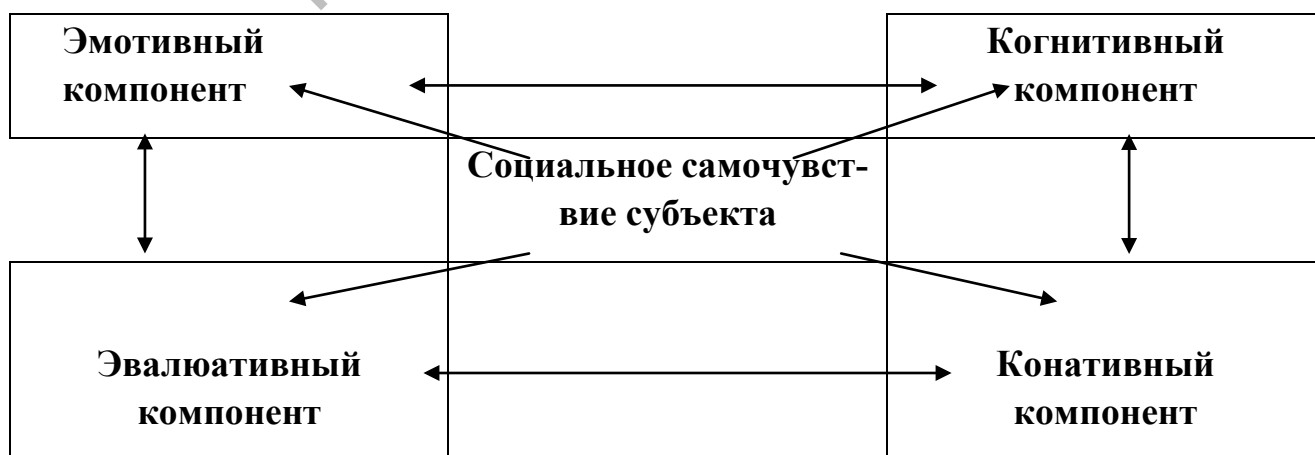

Рисунок 2.1 - Структура социального самочувствия

Каждому из четырех компонентов социального самочувствия соответствует на эмпирическом уровне некоторый набор показателей (индикаторов) (рисунок 2.2).

Рисунок 2.2 - Эмпирические показатели социального самочувствия

Эмотивный (в психологии используется также термин «аффективный») компонент представляет собой эмоциональные оценки жизненной ситуации на основе чувств, симпатий - антипатий, принятия - избегания и других переживаний. Заметим, что проявлением символической функции именно эмотивного компонента социального самочувствия в современных условиях является одно из направлений субкультуры – эмо. Для ее представителей главное – свободное выражение и проявление эмоций. Однако, «чаще всего это отрицательные чувства, т.е. они загоняют себя (целенаправленно - Л.Г.) в состояние (искусственного – Л.Г.) уныния, депрессии, и, как следствие, это становится мотивом к суицид. Тут тоже общественного вреда, хулиганских выходов нет, но, тем не менее, это наносит удар по человеческой психике» [134, с. 6].

В нашем исследовании эмпирический анализ эмотивного компонента социального самочувствия молодежи Беларуси состоял в полу-

чении данных по трем индикаторам: 1) настроение; 2) эмоциональное состояние; 3) удовлетворенность жизнью в целом.

Первым индикатором эмотивного компонента социального самочувствия является *настроение*. Отвечая на вопрос: «Какое настроение вы испытываете в последнее время?» большинство опрошенных прибегали к позитивным характеристикам. Как показывают наши социологические данные, 22,1% из всей молодежи оценили настроение как прекрасное; 38,2% указали на нормальное и ровное состояние (см. таблицу 2.1).

Таблица 2.1 - Самооценки настроения молодежи и старшего поколения, в % к числу опрошенных

Какое настроение Вы испытываете в последнее время?	Молодежь	Старшее поколение
Прекрасное настроение	22,2	6,4
Нормальное и ровное состояние	38,3	42,0
Испытываю напряжение и раздражение	14,3	15,7
Испытываю страх и тоску	1,9	6,7
Затрудняюсь ответить	2,2	6,0
Изменчивое и разное настроение	21,1	23,1
<i>Индекс позитивного настроения</i>	60,5	48,4

Таким образом, преобладающее большинство молодежи (60,5%) обладает позитивным настроением. Самооценка настроения в терминах «испытываю напряжение и раздражение» не однозначна. С одной стороны, можно утверждать, что в ситуации оценивания присутствуют так называемые «стрессоры», т.е. некоторые препятствия достижения целей, нормальному, с точки зрения респондента, ходу жизни вообще. С другой стороны, такие препятствия, как отмечал автор теории стресса Г. Селье, могут вести не только к фрустрации, но и к повышенной мобилизованности, что способствует достижению успеха, а значит, и перемене настроения. С психологической точки зрения опасен не ситуационный стресс, а дистресс, т.е. такие депривации (ограничения), с

которыми индивиду справиться крайне трудно. На их фоне и возникает преддепрессивный синдром – страх, тоска и др. Исследование показало, что такие проявления отметили в момент опроса только 1,9% молодежи. Не стоит, однако, успокаиваться «незначительностью» данного факта, важнее воспринять его как серьезную социально-терапевтическую задачу. Если сравнивать самооценки настроения молодежи и старшего поколения, то у молодежи они являются более позитивными, чем у старшего поколения. Однако «напряженность» присутствует среди обеих групп населения – это седьмая часть среди опрошенной молодежи и пятая часть среди старшего поколения. Напряженное состояние, в котором пребывает индивид, как уже отмечалось, не нужно однозначно оценивать как негативную форму самочувствия. Помимо напряженности как симптома ожидания чего-то отрицательного, данный вид настроения свидетельствует также и об определенном состоянии максимальной концентрации индивида, напряжении его воли, разума, необходимых для выполнения какой-либо работы, требующей немалых усилий. Однако, современная медицина, учитывая все трудности условий жизни и так называемый ее «скоростной режим», который провоцирует аномийные расстройства у множества людей, оказывается способной с ними справиться. Так, к примеру, «пилюли счастья», т.е. антидепрессанты, борющиеся с пониженным настроением, и транквилизаторы, побеждающие тревожные расстройства, в арсенале медиков уже с 1952 г. США называют родной и самой яркой приверженкой данных препаратов. По некоторым данным, на них американцы тратят 16 млрд. долларов в год. И когда среди них провели опрос о самом главном открытии XX века, то оказалось, что таковым является прозак, открывший новую эру в лечении депрессивных состояний [133, с. 12]. Заметим, что при всех плюсах, которыми обладают «пилюли счастья», есть один большой минус – привыкание, зависимость и навязчивые представления о невозможности

сти обретения нормального самочувствия немедикаментозными методами.

Нами была выдвинута гипотеза, согласно которой самооценки настроения молодежи отличаются в зависимости от ее гендерной, возрастной, региональной, социально-профессиональной и поселенческой принадлежности.

Заметим, что при построении измерительной шкалы мы не могли ограничиться тестовой методикой, в которой настроение оценивается как «хорошее - плохое». Исходя из теоретического анализа данного феномена и задач исследования, нам необходимо было «захватить» весь спектр возможных оценок, т.е. построить шкалу, позволяющую фиксировать изменения от -1 до +1. Поскольку изучаемое явление представляет собой непрерывный континуум, то при обработке данных допустимо укрупнение путем объединения содержательно близких альтернатив. Проведя такую операцию, мы выделили три группы оценок: 1) положительные оценки, включая прекрасное настроение, нормальное и ровное состояние, 2) напряженное состояние; 3) пред-депрессивный синдром – страх и тоска.

Положительные самооценки настроения в большей степени свойственны мужчинам, в отличие от женщин; младше- и средне-возрастной категориям молодежи, по сравнению со старшевозрастной; одинаков выбор позитивных ответов сельской и городской молодежи; не наблюдаются различия в выборе положительных альтернатив между служащими и рабочими. Однако учащаяся и студенческая молодежь отличается наибольшим количеством позитивных ответов по показателю «настроение»; также и наибольшее число положительных характеристик собственного настроения встречается среди молодых жителей Минской, Могилевской, Брестской областей и г. Минска (см. таблицу 2.2)

Таблица 2.2 - Распространенность среди молодежи положительных оценок настроения, в % к числу опрошенных

Категории молодежи	Доля респондентов, выбравших положительные формы настроения
Мужчины	67.4
Женщины	53.4
Городская молодежь	59.7
Сельская молодежь	63.7
16-20 лет	66.7
21-25 лет	62.0
26-30 лет	52.2
Служащие	58.9
Рабочие	53.8
Учащиеся, студенты	69.4
Брестская область	63.4
Витебская область	56.9
Гомельская область	59.3
Гродненская область	40.9
Минск	60.0
Минская область	69.0
Могилевская область	68.9

Вторым индикатором эмотивного компонента является *аффективная составляющая*. Анализ показал, что треть молодежи обладает хорошим самочувствием, десятая часть опрошенных ощущает себя счастливой, чуть более четверти респондентов называет свое эмоциональное состояние удовлетворительным и у 5,7% самочувствие плохое. По данному вопросу обнаружена группа так называемых «колеблющихся», т.е. тех, которые не смогли точно определить свое эмоциональное состояние, таких оказалось довольно много – 18,0%, и 5,1% вообще не прислушиваются, как им кажется, к своему самочувствию (см. рисунок 2.1).

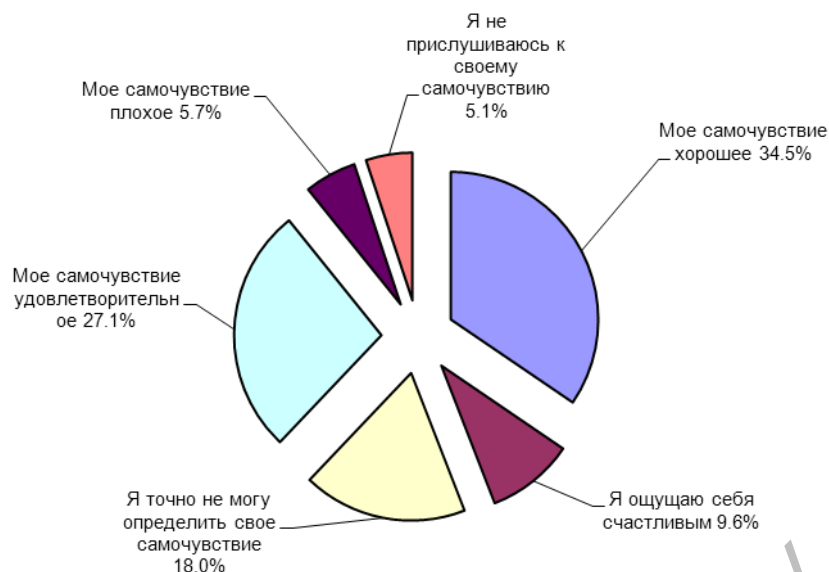

Рисунок 2.3 - Круговая диаграмма «Самооценки аффективного уровня самочувствия молодежи»

В исследовании проверялась гипотеза о влиянии гендерной принадлежности, условий занятости, места жительства и возраста на оценку собственного эмоционального состояния (см. таблицу 2.3).

Таблица 2.3 - Распространенность среди молодежи положительных оценок аффективной составляющей самочувствия, в % к числу опрошенных

Категории молодежи	Доля респондентов, выбравших положительные формы эмоционального состояния
Мужчины	50.2
Женщины	37.9
Городская молодежь	43.3
Сельская молодежь	46.7
16-20 лет	50.0
21-25 лет	44.9
26-30 лет	36.8
Служащие	38.3
Рабочие	38.1

Учащиеся, студенты	56.5
Брестская область	48.1
Витебская область	31.9
Гомельская область	41.1
Гродненская область	35.8
Минск	54.4
Минская область	40.7
Могилевская область	49.3

Обратим внимание на то, что самооценки настроения (таблица 2.2) заметно выше оценок аффективного компонента самочувствия (разница статистически значима). Как мы отмечали, настроение – это, в основном, ситуативный и генерализированный эмоциональный отклик на любой из факторов (поводов) стимуляционного поля, в то время как аффективный компонент самочувствия испытывает влияние когнитивной составляющей. Познание пробуждает размышления относительно значимости тех поводов, которыми обусловлено настроение в данный момент времени. «Здесь и сейчас».

Как видно из данных, представленных в таблице 2.3, обнаружены гендерные, возрастные, социально-профессиональные и некоторые региональные различия в самооценках эмоционального состояния. Позитивные характеристики данной формы социального самочувствия более характерны для мужчин, по сравнению с женщинами; а также для молодежи 16-20 лет и снижаются с увеличением возраста; для студентов и учащихся, и, практически, одинаковы для городской и сельской молодежи, рабочих и служащих. Региональные различия по данному показателю существенны и статистически значимы. Максимальное значение в Минске – 54,4, далее идут по убыванию: Могилевская область – 49,3, Брестская – 48,1, Гомельская – 41,1, Минская – 40,7, Гродненская – 35,8 и Витебская – 31,9 п.п. На наш взгляд, эти расхождения связаны, в основном, с разным уровнем инфраструктуры

досуга, наличием и оснащенностью (дизайном) культпросветучреждений, особенно в сельской местности, доступностью кабельного телевидения, Интернета, развитием дорожно-транспортной сети и др. моментов, может быть, мало заметных для старших возрастов, но крайне чувствительных для молодежи.

Сравнивая самочувствие молодого и старшего поколений, отметим, что у первых оно значительно лучше: позитивные значения у молодежи преобладают над аналогичными самооценками старшего поколения почти в два раза (см. таблицу 2.4).

Таблица 2.4 - Оценки эмоционального состояния молодежи и старшего поколения, в % к числу опрошенных

Возрастные когорты	Как Вы оцениваете свое эмоциональное состояние?						
	Мое самочувствие хорошее	Я ощущаю себя счастливым	Я точно не могу определить свое самочувствие	Мое самочувствие удручающее творительное	Мое самочувствие плохое	Я не прислушиваюсь к своему самочувствию	Индекс самочувствия
Старшее поколение	18,8	3,6	17,6	39,3	12,4	8,3	22,4
Молодежь	34,5	9,6	17,9	27,1	5,7	5,0	44,1

Удовлетворенность жизнью – третий показатель эмотивного компонента социального самочувствия. Используя градиентный вопрос, в исследовании выяснялось, в какой степени они удовлетворены своей жизнью. Анализ показал, что, как настроение и эмоциональное состояние, так и данный рассматриваемый индикатор социального самочувствия характеризуется преобладанием положительных ответов (см. рисунок 2.2).

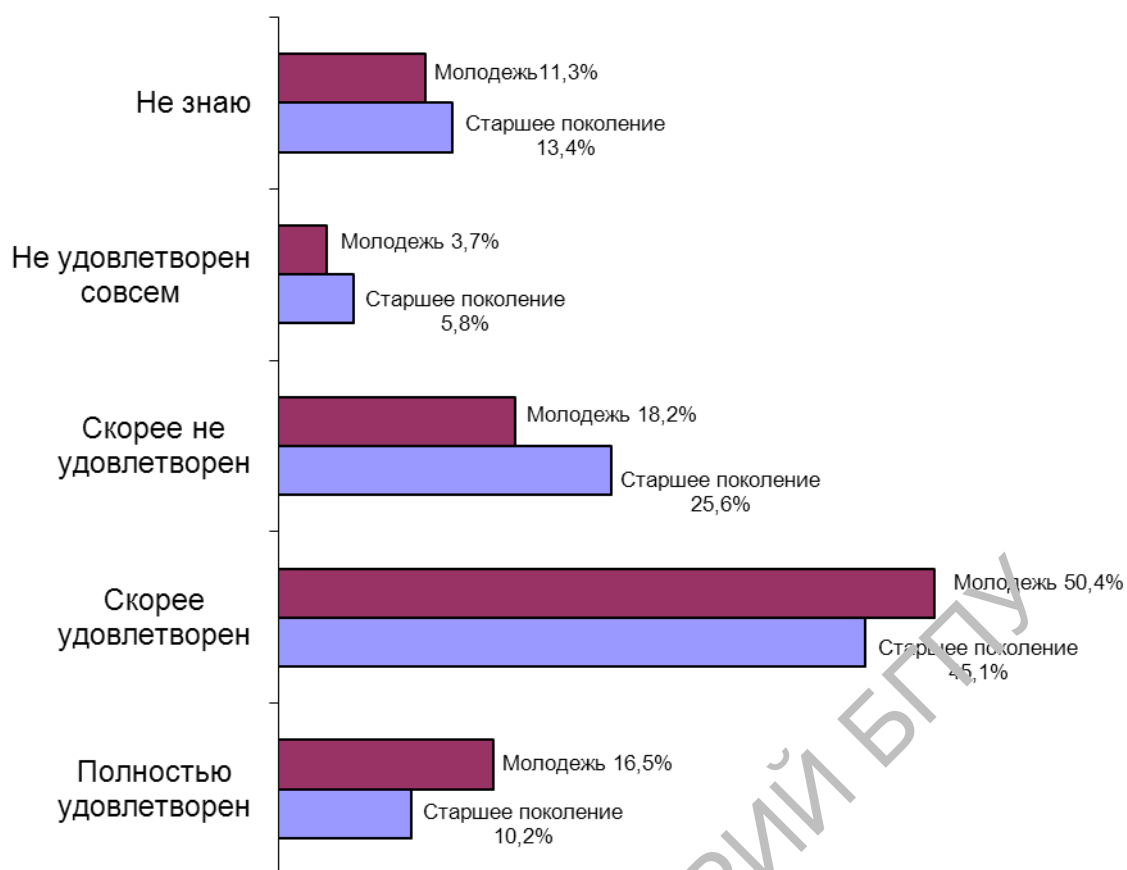

Рисунок 2.4 - Диаграмма «Удовлетворенность жизнью: самооценки молодежи и старшего поколения удовлетворенности жизнью», в %

Анализ показал, что преобладающее большинство молодых респондентов, а именно 66,9%, удовлетворены жизнью, что на 11,6 п.п. больше, чем в старшем поколении, среди которого 55,3% дали утвердительные ответы на вопрос о жизненной удовлетворенности. Признали себя «совсем не удовлетворенными» среди молодежи 3,7, старшего поколения – 5,8; «скорее нет, чем да», соответственно, 18,2 и 25,6; затруднились ответить – 11,3 и 13,4%. Как, видно, индекс удовлетворенности жизнью (66,9) выше индексов настроения (60,5) и индивидуального самочувствия (45,1).

Обратимся к данным, позволяющие выявить различия внутри молодежи по показателю жизненной удовлетворенности (таблица 2.5).

Таблица 2.5 - Распространенность среди молодежи положительных оценок жизненной удовлетворенности, в % к числу опрошенных

Категории молодежи	Доля респондентов, выбравших положительные ответы на вопрос о жизненной удовлетворенности
Мужчины	68,2
Женщины	65,5
Городская молодежь	67,6
Сельская молодежь	64,2
16-20 лет	73,1
21-25 лет	65,8
26-30 лет	61,5
Служащие	58,9
Рабочие	58,8
Учащиеся, студенты	69,4
Витебская область	64,4
Гомельская область	60,0
Гродненская область	49,3
Минск	72,6
Минская область	70,1
Могилевская область	71,6

С одинаковой частотой (разница 2,7 п.п. статистически незначима) встречаются положительные ответы на вопрос о жизненной удовлетворенности среди мужчин и женщин, а также сельской и городской молодежи (3,4 п.п.). Чаще позитивно оценивают жизненную удовлетворенность респонденты в группе 16-20 по сравнению с группой от 26 до 30 лет; студенты и учащиеся по сравнению с группами других видов деятельности и занятости; респонденты из Могилевской, Брестской, Минской областей и г. Минска.

Когнитивный компонент социального самочувствия молодежи в нашей концепции презентуется оценками 1) экономического со-

стояния страны, 2) материального положения семьи и 3) ранжированием наиболее актуальных проблем для страны и для семьи (таблица 2.6).

Таблица 2.6 - Оценки экономического положения страны и материального положения семьи, в % к числу опрошенных

Оценки	Страны		Семьи	
	Молодежь	Старшее поколение	Молодежь	Старшее поколение
Хорошее	2,9	5,2	3,1	2,2
Скорее хорошее	7,1	7,2	7,8	6,8
Среднее	42,7	49,2	51,0	47,3
Скорее плохое	21,0	11,8	13,3	19,4
Очень плохое	10,9	5,1	11,3	9,2
Затрудняюсь ответить	15,4	20,3	13,5	15,1
<i>Индексы позитивного материального благополучия</i>	52,7	61,7	61,9	56,3

Отметим, что в сравнительных межстрановых исследованиях социального самочувствия используются показатели экономического положения семьи и материального положения страны в восприятии населения, наряду с уровнем адаптированности и социального оптимизма.

В таблице 2.6 приводятся оценки молодежи и для сравнения ответы на вопрос старшей когорты. Как видно, у молодежи индекс позитивных оценок экономического положения страны равен 52,7, а своей семьи – 61,9 п.п. У старшей возрастной когорты, наоборот, материальное положение семьи - 56,3, а экономического положения страны

– 61,7 п.п. Это объясняется тем, что в старшей когорте значительную долю составляют неработающие пенсионеры.

Определим, среди каких категорий молодежи чаще встречаются положительные ответы на вопрос о материальном положении. Объединив альтернативы «среднее» и «хорошее», представим данные в таблице (см. таблицу 2.7).

Таблица 2.7 - Распространенность среди молодежи положительных оценок собственного материального благополучия, в % к числу опрошенных

Категории молодежи	Доля респондентов, выбравших положительные ответы на вопрос о собственном материальном благополучии	Доля респондентов, выбравших положительные ответы на вопрос об экономическом положении страны
Мужчины	63,2	53,4
Женщины	63,3	53,1
Городская молодежь	62,7	50,3
Сельская молодежь	64,1	63,6
16-20 лет	65,3	56,1
21-25 лет	70,7	57,5
26-30 лет	53,3	46,9
Служащие	61,8	51,0
Рабочие	60,7	56,9
Учащиеся, студенты	68,6	58,3
Брестская область	71,8	63,0
Витебская область	48,5	61,2
Гомельская область	62,1	53,4
Гродненская область	54,6	53,0
Минск	67,2	35,5
Минская область	62,6	54,7
Могилевская область	70,4	63,4

Результаты исследования показали, что одинаково позитивно характеризуют свой экономический статус мужчины и женщины, город-

ская и сельская молодежь, служащие и рабочие; положительные ответы чаще встречаются у молодежи в возрасте 21 - 25 лет, у студентов и учащихся и реже в группе 26-30 лет. В разрезе регионов больше положительных ответов на данный вопрос у молодых жителей Брестской, Могилевской областей и столичного региона. Гродненская и Витебская области – на 6 - м и 7 –м местах.

Как мы уже отмечали, экономическое положение страны, оценивается молодежью несколько ниже, чем личное материальное благосостояние. Суммируя значения, представленные по позициям «хорошее» и «среднее» материальное положение, выясняем, что представленные оценки личного благосостояния превышают оценки экономического положения Беларуси на 9,2 п.п. Опрос продемонстрировал, что в глазах молодежи личное материальное благополучие выглядит несколько лучше, чем экономический статус страны. Это довольно любопытный факт, поскольку, как правило, личное экономическое благосостояние зависит от экономического положения страны, что, вероятно, должно было привести к равнозначным оценкам экономического статуса семьи и страны. Так, в восприятии всего населения РБ индекс позитивных оценок экономического положения страны составил 68,5, семье – 63,3 п.п. [73]. Но, тем не менее, у молодежи с точки зрения субъективного восприятия, такая инверсия существует. Мы полагаем, что это, возможно лишь в том случае, если некоторая часть доходов семьи поступает из-за пределов страны, т.е. от внешней трудовой миграции самих молодых людей или членов их семей, а также некоторых иных не учитываемых источников.

Третьим индикатором когнитивного компонента социального самочувствия является *выделение наиболее актуальных проблем, характерных для семьи и для страны* (таблица 2.8).

Таблица 2.8 - Общественное мнение о наиболее острых проблемах, в % к числу опрошенных

Какие проблемы, на ваш взгляд, являются актуальными для страны и для вашей семьи?	Молодежь		Старшая когорта	
	Страна	Семья	Страна	Семья
1. Низкий уровень жизни	52,4	23,8	44,9	30,4
2. Высокий уровень преступности	30,8	4,3	26,6	5,6
3. Инфляция	62,1	30,6	59,1	40,9
4. Безработица	45,1	10,2	37,5	7,8
5. Социальная незащищенность	31,0	15,7	27,3	11,8
6. Резкое расслоение	36,7	8,0	39,5	11,6
7. Политическая нестабильность	21,2	3,7	16,8	2,7
8. Развал экономики, остановка предприятий	29,9	4,1	22,9	5,8
9. Рост алкоголизма	62,9	10,4	62,6	11,9
10. Низкая доступность жилья	43,6	28,9	40,5	16,2
11. Бездуховность, разгул безнравственности	27,8	4,2	30,9	4,0
12. Сокращение численности населения	35,4	4,2	38,3	6,9
13. Плохая экология, загрязнение среды	43,8	13,6	39,8	11,3
14. Межнациональная рознь	3,4	0,4	1,6	0,5
15. Несправедливые налоги	21,0	8,8	13,5	3,8
16. Низкое качество здравоохранения	40,4	20,8	39,2	21,0
17. Низкое качество образования	22,1	7,5	16,1	4,9
18. Коррупция, взяточничество	41,7	7,4	34,2	3,2
19. Некомпетентность властей	31,6	5,7	23,3	5,0
20. Задержки зарплаты, пенсий, стипендий	20,0	15,0	8,6	6,9
21. Высокие тарифы ЖКХ	40,3	37,5	46,3	40,6

Сопоставление оценок по возрастным когортам показывает, что восприятие молодежи отличается большей напряженностью, экспрес-

сивностью (таблица 2.8). Это невольно влечет за собой преувеличение рисков и опасностей некоторых проблем. Совпадение оценок молодежи и старшего возраста наблюдается только по трем проблемам: алкоголизма – 62,9 и 62,6, инфляции – 62,1 и 59,1, качества здравоохранения – 40,4 и 39,2%; по четырём проблемам оценки молодежи ниже: резкое расслоение по доходам – 36,7 и 39,5, разгул безнравственности – 27,8 и 30,9, сокращение численности населения – 35,4 и 38,3, высокие тарифы на коммунальные услуги – 40,3 и 46,3%. Все другие четырнадцать проблем молодежь оценила как более актуальные для страны. Радикализм можно заметить хотя бы в том, что даже межнациональную рознь, которой, конечно, и в помине нет в Беларуси, молодежь оценила более чем в два раза выше старшей когорты, соответственно, 3,4 и 1,6%. Заметно иначе выглядят оценки остроты проблем для семьи. У молодежи градус понизился в разы: алкоголизм с 62,9 до 10,4, коррупция – с 41,7 до 7,4, некомпетентность властей с 31,6 до 5,7, низкое качество здравоохранения – с 40,4 до 20,8 п.п. В пятерку проблем, признанных молодежью наиболее острыми для семьи вошли: 1) высокие тарифы на коммунальные услуги, 2) постоянный рост цен, 3) низкая доступность жилья, 4) недостаточный уровень жизни, 5) социальная незащищенность граждан. Старшее поколение самыми острыми проблемами на семейном уровне назвало инфляцию, тарифы ЖКХ, недостаточный уровень жизни, качество здравоохранения, низкая доступность жилья. Таким образом, на семейном уровне обоих массивов мы видим тот же перечень наиболее актуальных проблем и почти с той же количественной оценкой их остроты. Понятно, что именно эти блоки проблем влияют на самочувствие как молодежи, так и старшей возрастной когорты.

Конативный компонент выражает готовность к действиям, психологическую предрасположенность к выбору тех или иных вариантов (альтернатив) из числа имеющихся, предвосхищение результатов в соотнесённости с необходимыми усилиями. Важно учитывать, что с точки зрения

социального самочувствия под «действиями» имеются в виду не реальные поступки, а виртуальные образы и образцы мыследеятельностей (по Г.П. Щедровицкому). Конативный компонент социального самочувствия на эмпирическом уровне представлен такими показателями, как: 1) выбор жизненных стратегий; 2) готовность к защите своих прав и интересов; 3) оценка достигнутого жизненного уровня.

Выбор жизненных стратегий – первый эмпирический индикатор конативного компонента социального самочувствия.

Рассмотрим, как намерены действовать респонденты в ситуации ухудшения их жизненного благополучия. В таблице 2.9 приведены ответы на вопрос: «Если Ваше (Вашей семьи) материальное положение ухудшилось или ухудшится, то что Вы планируете делать?».

Таблица 2.9 - Жизненные стратегии молодежи в ситуации ухудшения материального благополучия, в % к числу опрошенных

<i>Если Ваше (Вашей семьи) материальное положение ухудшилось или ухудшится, то что Вы, прежде всего, планируете предпринять?</i>	<i>Молодежь</i>	<i>Старшее поколение</i>
Постараюсь найти дополнительные источники дохода	62,8	43,2
Сокращу расходы, буду экономить	53,7	62,6
Положусь на заботу со стороны других членов семьи, близких	11,2	11,2
Возьму кредит в банке или в долг у близких, друзей	5,8	4,3
Обращусь за денежной помощью к моему работодателю	3,0	1,5
Обращусь за пособием от системы государственного социального страхования	2,3	3,2
Буду тратить сбережения	4,2	8,0
Продам часть имущества	1,6	3,3
Использую свою недвижимость для получения дополнительного дохода	1,6	1,3
Постараюсь получить возмещение по личной страховке	0,5	0,3
Заложу в ломбард какие-нибудь ценные вещи	0,7	1,7
Буду отстаивать свои права	7,3	6,4

Большинство респондентов (62,8) в первую очередь рассматривают возможность поиска дополнительного источника заработка. На втором месте находится стратегия, связанная с экономией средств и сокращением расходов (53,7%). Каждый десятый готов положиться – и, следовательно, надеется – на заботу со стороны других членов семьи, близких. Надеются на получение кредита в банке или ссуды у близких, друзей – 5,8%. О намерении тратить сбережения задумываются 4,2 респондентов. Планируют при крайней необходимости продать часть имущества – 1,6, еще столько же – использовать свою недвижимость для получения дополнительного дохода. На пособие от системы социального страхования рассчитывают 2,3, на денежную помощь своего работодателя – 3,0, на возмещение по личной страховке – 0,5, на заклад какой-либо ценной вещи в ломбард – 0,7% опрошенных. И, наконец, жизненная стратегия, связанная с отстаиванием своих прав в ситуации ухудшения материального благосостояния характерна для 7,8% опрошенных. Анализ жизненных стратегий показал, что молодежь не оказалась равнодушной и пассивной в ситуации, когда есть угроза ухудшения жизненного благополучия. Для молодежи, в первую очередь, характерна активная позиция, предполагающая поиск дополнительных занятий, которые могли бы принести доход. Причем данная альтернатива не раскрывает, какие именно, поскольку их спектр весьма широкий – от вторичной занятости до открытия собственного дела. Хотя численность тех, кто занял более пассивную позицию, также велика – более половины готовы экономить и сократить расходы.

Готовность к защите своих прав и интересов

Негативные последствия кризиса (рост цен, снижение материального положения, обесценивание сбережений и недвижимости и др.), связанные, как правило, с ухудшением жизненного благополучия объективно ведут к психологической фрустрации (переживаний из-за не-

возможности удовлетворения потребностей). Это в свою очередь создает предпосылки повышения социальной напряженности, часто сопровождающиеся массовыми протестными выступлениями. История множество раз подтверждала, что такое развитие событий весьма вероятно в кризисных ситуациях. Формы протеста могут быть разными, - сегодня, например, фермеры Бельгии, Франции, Германии и других стран выливают миллионы литров молока, протестуя против снижения закупочных цен, делающих убыточным данное производство. Протестные настроения, как правило, возникают стихийно, но всегда находятся силы, готовые придать им организованную форму и извлечь выгоду для себя.

Каков же градус протестных настроения белорусской молодежи? Исследование показало, что в настоящее время ничего подобного не характерно, даже для молодежи, сознание которой отличается максимализмом, радикальными представлениями, а также с легкостью поддается различного рода провокациям и манипуляциям. Так, на вопрос о том могут ли состояться в населенном пункте массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни, ответы распределились следующим образом: 9,1 из опрошенной молодежи и 5,6 старшего поколения полагают, что протесты могут состояться, 47,0 и 52,1, соответственно, не допускают развитие подобной ситуации, 43,9 и 42,3 % - затруднились ответить. Данные показали, что мнение обеих возрастных групп о допустимых протестах, практически, совпадает; уровни протестных настроений у них не высокие, т.к. далеки от критической точки, однако, имеют значимые различия: в молодежной среде – 10,9, в старшей когорте – 5,8% обладают субъективной готовностью участвовать в протестных выступлениях против роста цен и низкого уровня жизни. Но все же большинство опрошенных среди молодежи (66,1) и старших (74,1) выразили несогласие участвовать в подобных акциях (таблица 2.10).

Таблица 2.10 - Возможность протестных акций и личного участия в них, в % к числу опрошенных

Как Вы считаете, могут ли состояться в Вашем населенном пункте массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни?	Молодежь	Старшее поколение
Да, могут состояться	9,1	5,6
Нет, не могут состояться	47,0	52,1
Затрудняюсь ответить	43,9	42,3
<i>Допускаете ли Вы свое участие в них?</i>		
Да	5,9	3,1
Скорее всего, да	5,0	2,7
Скорее всего, нет	15,2	11,0
Нет	50,9	63,1
Затрудняюсь ответить	23,0	20,0
<i>Уровень протестных настроений</i>	10,9	5,8

Как мы видели ранее (таблица 2.10), 7,8% опрошенных выразили намерение отстаивать свои права при ухудшении жизненного благополучия.

При сравнительном анализе уровня протестных настроений, мы пришли к следующему заключению. Как показано в таблице 2.11, гендерных, поселенческих, возрастных и социально-профессиональных различий не выявлено: разница между индексами не превышает 5%. Что касается регионов, то и по данному показателю социального самочувствия лидирует Брестская область, где меньшее число протестной молодежи (5,1), далее следует Минск (10,8), Могилевская (10,9), Гомельская (12,0), Витебская (12,5), Гродненская (13,7) и Минская (14,0) области (таблица 2.11).

Таблица 2.11 - Уровень протестных настроений среди разных категорий молодежи, в % к числу опрошенных

Категории молодежи	Уровень протестных настроений
Мужчины	12,6
Женщины	9,1
Городская молодежь	10,1
Сельская молодежь	13,7
16-20 лет	9,3
21-25 лет	9,9
26-30 лет	13,5
Служащие	11,8
Рабочие	14,1
Учащиеся, студенты	10,2
Брестская область	5,1
Витебская область	12,5
Гомельская область	12,0
Гродненская область	13,7
Минск	10,8
Минская область	14,0
Могилевская	10,9

О том, какие формы активности они имели в виду представлено в таблице 2.12. Наибольшим приоритетом у молодых респондентов при вопросе «Что вы предпримите для защиты своих интересов в случае ухудшения уровня жизни?», пользовалась поведенческая стратегия, предполагающая использование любых возможностей для отстаивания своих интересов, в том числе и крайних. 13,1% молодых респондентов, готовы уехать в другую страну, видимо, в поисках наиболее привлекательных жизненных условий, и только 6,5%, - что в два раза меньше, по сравнению с молодежью, - респондентов старше 30 лет примут решение о выезде за пределы страны в случае ухудшения материального положения.

Таблица 2.12 - Предпочитаемые формы протестов в ситуации защиты собственных интересов (в % к числу опрошенных)

Что Вы предпочтете для защиты своих интересов в случае ухудшения материального благополучия?	Использую любые возможности в том числе и крайние	Приму решение о выезде из Беларуси в другую страну	Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	Приму решение о переезде в другой регион страны	Приму участие в митингах, забастовках и голодовках	Вступлю в какую-либо партию для защиты своих интересов	Ничего предпринимать не буду
Старшее поколение	12,5	6,5	10,6	2,4	1,9	1,0	62,2
Молодежь	21,5	13,1	11,0	6,0	1,5	2,1	42,4

Как видно из наших данных, представленных в таблице 2.12, позиция, предполагающая выбор радикальных мер противодействия в ситуации изменения жизни в худшую сторону, на 9 п.п. опережает альтернативу, связанную с вынужденным выездом за рубеж. Чуть больше десятой части молодежи готовы обращаться в профсоюзные организации для защиты своих интересов; по этой части мнение молодежи и старшего поколения совпадает, среди которого 10,6% также ориентированы на профсоюзы. 6% среди молодых и 2,4% среди старшего поколения готовы переехать в другой регион страны. Менее распространенными среди названных поведенческих стратегий для молодежи и старшего поколения оказались две – «приму участие в забастовках и голодовках» и «вступлю в какую-либо партию». Как оказалось, и молодежь, и старшее поколение, больше рассчитывает на профсоюзы, и связывает защиту своих интересов именно с этой общественной организацией, а не с политическими партиями. Мы видим, что ряд выделенных способов защиты интересов вполне легальные и осуществимые: вступление в партию, работа в профсоюзах, переезд в

другой регион страны, участие в митингах, хотя их поддержало небольшое число респондентов. Что касается эмиграции и так называемых «крайних мер», то это скорее виртуальные варианты, рассчитанные на произведение впечатления. Кризис заставил развитые страны ужесточить миграционную политику и сегодня прием мигрантов сильно ограничен. Под «крайними мерами» можно понимать что угодно: от изменения образа жизни и расставания с привычками, хобби и пр. до некоего бунтарства, актов вандализма и т.п. Тем не менее, к этим вариантам необходимо отнестись внимательно, тем более что их в большей степени поддержала молодежь. В качестве профилактики подобным настроениям среди молодежи необходимо рассматривать не только воспитательную работу в учебных заведениях и трудовых коллективах, но и материальную помощь, поддержку молодежных инициатив, открытие перспектив для самореализации и, конечно, простое общение с молодежью представителей всех уровней власти.

Итак, каков протестный потенциал белорусской молодежи? *Протестный потенциал* в данном исследовании рассматривается через субъективные представления молодежи о 1) допустимых протестных акциях, 2) субъективной готовности и настроенности на протестные формы поведения, а также 3) ориентацию на выбор любых способов противодействия, в том числе и крайних. Исследование показало, что индекс протестного потенциала составляет у молодежи 13,8 п.п., т.к. для защиты своих прав и интересов в ситуации ухудшения жизненного благополучия 9,1 молодежи полагает, что в обществе могут состояться протестные выступления; 10,9 – допускают свое личное участие в протестах; 21,5 % ориентируются на выбор такой формы протестов, как использование любых средств противодействия, в том числе и крайних.

Достигнутый жизненный уровень – третий показатель конативного компонента социального самочувствия.

Проанализируем ответы молодежи на вопрос о том, к какому слою они себя относят по совокупности достигнутого в жизни: дохода, профессии, уважения людей, образа жизни и пр. Данный вопрос рассматривается нами в блоке поведенческого компонента социального самочувствия в связи с тем, что та категория, к которой причисляет себя респондент, понимается нами как достигнутый жизненный уровень, как результат действий и деятельности, направленных на обеспечение жизненного благополучия. Конечно, не нужно исключать, что люди «выходят» из богатых или бедных семей, однако, что касается молодежи, особенно работающей ее части, то, как правило, ее жизненное положение – это не только продолжение того достатка, характерного для родительской семьи. По большому счету, материальное положение – это результат собственных усилий, направленных на зарабатывание денег на основной или дополнительной работе (службе), занятием бизнесом, приносящим доход и др. источников. То же самое касается профессии, образа жизни и доверия, которые приобретаются, заслуживаются индивидом собственными усилиями. Обращаясь к данным, представленным в таблице 2.13, видно, что молодежь, как и старшее поколение, лучше оценивает себя на уровне своего населенного пункта; оценки по стране в целом значительно ниже. Так, индексы достигнутого жизненного благополучия у молодежи приняли следующие значения: в своем населенном – 68,4, в стране в целом – 53,1. Различия значимые – 15,3 п.п. У старшей когорты оценки ниже, чем у молодежи, по обоим показателям, в среднем, на 10 п.п.: в своем населенном пункте – 57,5, в стране – 43,6. Различия – 13,9 п.п.

Таблица 2.13 - Достигнутый жизненный уровень, в % к числу опрошенных

К какому слою по совокупности признаков: (доход, профессия, уважение людей, образ жизни) Вы себя относите?	В своем населенном пункте		В стране, в целом	
	Молодежь	Старшее поколение	Молодежь	Старшее поколение
Верхний слой	3,1	0,4	1,4	0,4
Выше среднего	7,2	3,5	3,7	2,2
Средний	58,1	53,6	48,0	40,0
Ниже среднего	14,3	21,0	21,4	24,6
Нищий	3,7	7,9	5,8	12,0
Затрудняюсь сказать	13,6	13,6	19,7	20,8
<i>Индекс достигнутого уровня жизни</i>	68,4	57,5	53,1	42,6

При анализе индексов достигнутого жизненного уровня различных категорий молодежи (таблица 2.14), выявлено, что, практически, нет различий между мужчинами и женщинами, городской и сельской молодежью, опрошенными 16-20 и 21-25 лет. Самая старшая группа молодежи оценивает достигнутый уровень жизни гораздо хуже, чем две выше названные. Разница с 16-20-тилетними составляет 15,6, а с 21-25 – 11,5 п.п. Лучшие оценки свойственны учащимся и студентам (65,0), жителям Брестской (72,6), Могилевской (67,7), Гомельской (62,7) и Минской (60,0) областей и Минска (59,5), в отличие от рабочих (58,6), служащих (48,9), а также тех, кто проживает Гродненской (49,2) и Витебской (41,7) областях.

2.2 Эвалюативный компонент социального самочувствия как коррелят нормативного стандарта

Т. Парсонс в модели ценностных ориентаций один из модусов назвал эвалюативным (от фр. Evaluation – оценка, исчисление, взвешивание). Он представляет собой синтез двух первых модусов – когнитивного и катектического, - а тем самым устанавливает стандарты «с точки зрения которых рассматриваются более частные оценки» [132, с. 86]. Обратим внимание на неслучайность употребления в данном контексте французского транскрипта, при обилии английских синонимов: appreciate, value и др., не говоря уже о сленгах, арго, диалектах и т.п., столь широко представленных в американском варианте английского языка. Автор, безусловно, хотел придать особый категориальный статус данному термину и отделить его от обыденных значений слова «оценивание» и его производных. При переводе его правильно было бы калькировать, подобно французским «мотив», «эгоизм», или русскому «перестройка» и др. Эвалюативный модус можно назвать двойным оцениванием, поскольку он вводит критерии когнитивных и катектических оценок объектов ситуации, т.е. объясняет мотивы их выбора. Парсонс назвал свою теорию действия «волюнтаристской» для того, чтобы дистанцироваться от бихевиоризма, формула которого «стимул-реакция» делает избыточным познание субъективных состояний сознания, и содержит требование прямого перехода к поведению.

Эвалюативный компонент, в отличие от трех предыдущих, расположен не на координатных плоскостях, а внутри трехмерного пространства социального самочувствия, и отображается на каждой из трех плоскостей в виде проекций. При анализе структуры социального самочувствия эвалюативный компонент позволяет понять, как и по каким основаниям осуществляется именно такой, а не иной выбор на эмотивном и когнитивном уровнях, а также объяснить стратегические

предпочтения на конативном уровне. Взаимозависимость компонентов социального самочувствия представлена на рисунке 2.5.

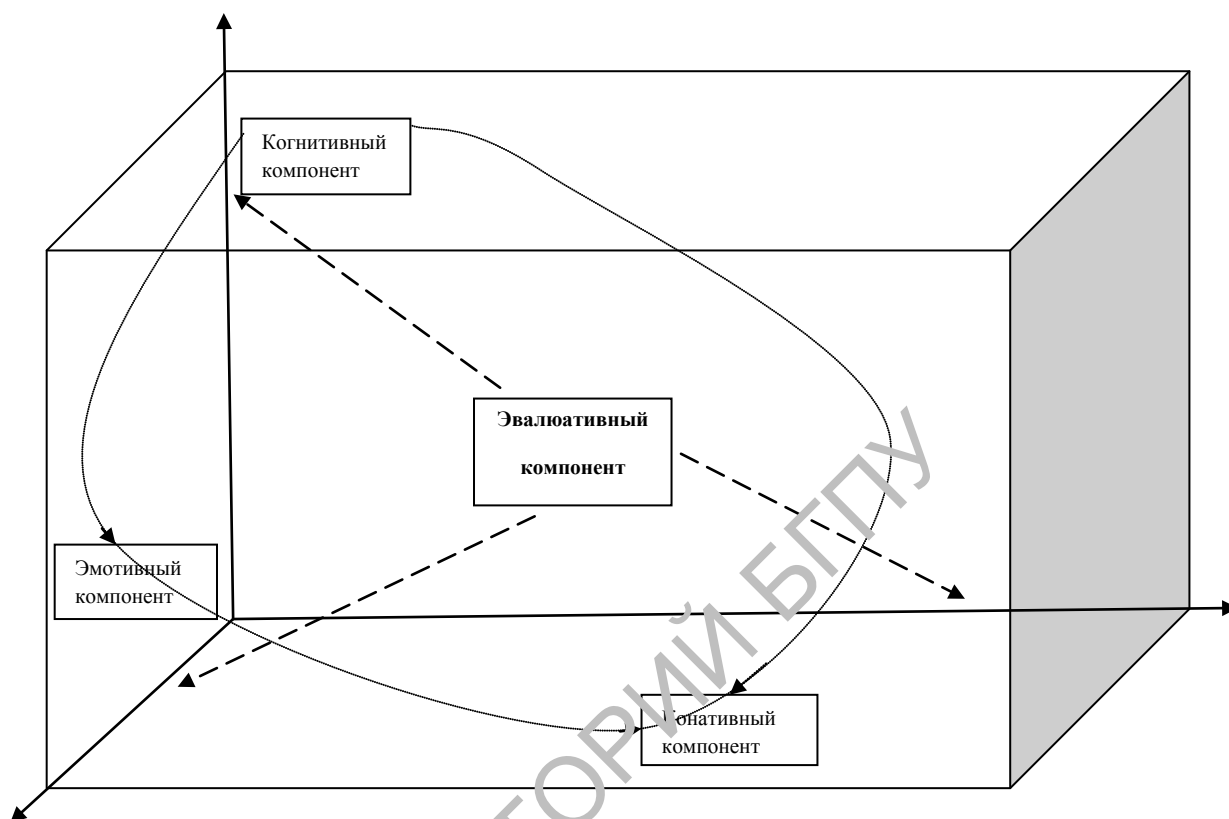

Рисунок 2.5 – Модель социального самочувствия

Любое человеческое сообщество от семьи, трудового коллектива до страны-государства – живет, сохраняет свою целостность и развивается на основе разветвленной, многофункциональной системы норм. В широком социологическом смысле нормы – это правила, регулирующие поведение людей, интерактивные процессы и отношения как на межличностном, так и на институциональном уровнях. Вместе с тем, нормы направляют энергию в приемлемые для социума формы, обеспечивают возможность предвосхищения результатов собственных действий и реакции других людей, общества в целом, что делает возможным рефлексивный анализ. С содержательной стороны любая норма, даже если она не узаконена соответствующими процедурами (например, этикетные рекомендации или религиозные заповеди) представляет собой кристаллизованный жизненный опыт большого числа

людей. В этом их сила и общепризнанность. Но для отдельного молодого человека они выступают как объективные «социальные факты» (Дюркгейм), т.е. возникшие до него и существующие вне зависимости от индивидуального сознания. Во внутренний план они переводятся в процессе интернализации, по мере того, как индивид осваивает их значение, выясняет праксиологическую эффективность. Именно так норма осознается, присваивается, становится элементом социопсихологического состояния и самочувствия. Такова теоретическая модель, но в реальной жизни полного и естественного усвоения норм может и не произойти, скажем, в силу инфантилизма отдельных групп молодежи или представления о том, что нормы их ограничивают, ущемляют, им мешают. Это ведет к стремлению их пересмотреть, отбросить и т.д. Все это провоцирует те или иные формы девиантности и вызывает аномийные расстройства.

Заметим, что социологические исследования социального самочувствия позволяют получить научную информацию для решения прикладных задач в области профилактики девиантного поведения (правонарушений, преступности, делинквентности, наркомании и пр.), проведение целенаправленной терапевтической работы среди тех категорий, которые проявляют тенденции к отклонению от нормативных стандартов или низко оценивают себя по показателям настроения, аффективности и др., а также выражают готовность к протестным действиям в любой форме. Источником эмоционального конфликта, окрашивающего собой все компоненты социального самочувствия чаще всего является расхождение между ожиданиями субъекта и нормативными требованиями (стандартами) той роли, которую он должен исполнять. Поводом к этому могут быть как завышенные ожидания индивида, переходящие в претензии, так и слишком жесткие требования нормативного стандарта. Эвалюативный компонент социального самочувствия представляет собой проекцию интернализованного личностью нормативного стандарта на эмотивную, когнитивную и кона-

тивную плоскости трехмерного пространства духовной жизни и социального самочувствия.

Эвалюативный компонент социального самочувствия в приведенной нами концепции презентуется 1) критериями жизненной удовлетворенности, 2) индексом терпимости и 3) уровнем оптимизма.

Критерии жизненной удовлетворенности определялись в нашем исследовании ответами респондентов на вопрос о причинах именно таких оценок удовлетворенности жизнью (таблица 2.15).

Таблица 2.15 - Критерии удовлетворенности жизнью, в % к числу опрошенных

Почему Вы даете именно такую оценку своей удовлетворенности жизнью?	Молодежь	Старшее поколение
Я сравнивал собственное благополучие и уровень жизни с другими людьми	19,9	23,6
Я оценивал поставленные и достигнутые цели	22,0	12,9
Я сравнивал личные достижения в работе (службе, учебе) с достижениями других людей	6,3	3,2
Я оценивал престиж своей работы (службы, учебы)	3,4	3,2
Я оценивал уровень доверия ко мне со стороны людей, мнение которых для меня является важным	7,0	6,7
Я сравнивал собственный образ жизни с образом жизни других людей	14,2	16,6
Я оценивал свое семейное благополучие (личные отношения)	12,3	14,6
Я оценивал то, насколько я счастлив в целом	30,9	23,3

Итак, молодые респонденты при оценках удовлетворенности жизнью отдали предпочтение следующим позициям (таблица 2.15): 1) уровню счастья в целом (30,9), 2) своим собственным достижениям (22,0), 3) материальному благополучию (19,9), 4) образу жизни (14,2), 5) семейному благополучию и/или личным отношениям (12,3), 6) доверию со стороны авторитетных людей (7), 7) личным достижениям на работе

(службе, учебе) (6,3), 8) престижу своей работы (службы, учебы) (3,4%). Иерархия критериев удовлетворенности жизнью для старшей когорты выглядит следующим образом: 1) материальное благополучие (23,6), уровень счастья (23,3), образ жизни (16,6), семейное благополучие (14,6), достижение собственных целей (12,9), доверительные отношения (6,7), служебные достижения (3,2), престиж службы или службы (3,2). Приведенная иерархия критериев жизненной удовлетворенности демонстрирует то, что молодежи свойственно ориентироваться в первую очередь на состояние «счастливости», как переживания полноты бытия, радости, позитивного восприятия жизни. Различия по данному критерию обеих возрастных групп являются значимыми: 30,9 молодежи и 23,3% старших указали на данную позицию. Отметим, что женщины и городские жители чаще выбирали данный критерий, чем мужчины и сельская молодежь. Уровень счастья и материальное благополучие являются для старшего поколения равнозначными, т.к. разница в выборе составила 0,3 п.п. в пользу последнего.

Второе место среди критериев жизненной удовлетворенности заняла позиция, связанная с достижениями поставленных целей. Что касается старшего поколения, то исследования показали, что только для 12,9% респондентов приобрело значение данного критерия, что, практически, на 10 п.п. меньше, чем для молодежи. 25,0 молодых мужчин и 18,8% молодых женщин выбрали данную альтернативу (таблица 2.10). Как видно, разница существенная и свидетельствует о том, что для мужчин достижение целей является более важным при оценке удовлетворенности жизнью, чем для женщин. Одинаково для себя сельская и городская молодежь оценила действие данной позиции. На третье место молодые респонденты поставили материальное благополучие и уровень жизни, хотя для старшего поколения он оказался первичным. Не наблюдались различия по данному критерию среди сельских и городских жителей, мужчин и женщин. Выбор экономического благосостояния в качестве основания удовлетворенности жизнью бо-

лее распространен среди «старших», в иерархии критериев он стоит на первом месте. Материальное положение, денежные доходы, конечно, влияют на социальное самочувствие, так как от них зависит количество и качество потребляемых благ и услуг.

Таблица 2.16 - Критерии жизненной удовлетворенности молодежи в зависимости от пола, типа населенного пункта, в % к числу опрошенных

На что Вы опирались при оценке жизненной удовлетворенности?	Я оценивал то, насколько я счастлив в целом	Я сравнивал собственное благополучие и уровень жизни с другими людьми	Я оценивал поставленные и достигнутые цели	Я оценивал свое семейное благополучие (личные отношения)	Я сравнивал собственный образ жизни с другими людьми
Мужчины	28,0	20,3	25,0	9,1	13,2
Женщины	33,8	19,5	18,8	15,7	15,3
Городские жители	32,8	19,8	22,5	12,8	12,8
Сельские жители	24,0	20,2	20,2	11,6	18,6

Четвертую позицию занял образ жизни. Причем для сельской молодежи он оказался более значительным, чем для молодых жителей городской местности (таблица 2.16). Как правило, городской образ жизни для современной молодежи является более разнообразным и насыщенным, по сравнению с тем, что может предоставить сельская местность, с меньшей оснащенностью развлекательно-досуговой инфраструктурой. Город, особенно большой, представляет больше возможностей для организации полноценного досуга, в нем больше вероятность устроиться на высокооплачиваемую работу, предоставляет больше жизненных перспектив, но все же не является панацеей от одиночества и депрессии.

На пятом месте – семейное благополучие: 12,3 и 14,6% среди молодежи и старшей возрастной когорты – различия статистически незначимы и составили 2,3 п.п. В молодежной когорте ценность семьи оказалась важнее для женщин, чем для мужчин - 15,7 и 9,1%, соответственно. Тип населенного пункта не повлиял на предпочтение данного ответа, сельские и городские жители, независимо от возраста одинаково выбрали семейное благополучие и личные отношения в качестве основания жизненной удовлетворенности. Таким образом, семейные ценности вошли в эвалюативный ряд жизненной удовлетворенности молодежи, что позволяет согласиться с мнением С.Н. Буровой, опровергающей тезис о кризисе семьи [72].

К сожалению, менее важным для молодежи среди критериев жизненной удовлетворенности являются позиции, касающиеся профессионального роста, карьеры и престижа профессиональной (учебной, служебной) деятельности. Профессиональная сфера, а именно, статус работы, службы или учебы оказались менее существенными при оценке удовлетворенности жизнью как для молодежи, так и для старшего поколения. Добавим, что для всех категорий молодежи выше названные позиции имели невысокий вес при характеристиках удовлетворенности жизнью.

Характерно распределение ответов о факторах, влияющих на самочувствие в каждой из когорт. У молодежи в пятерку факторов вошли: 1) отношения с близкими, друзьями – 30,6; 2) здоровье – 28,5; 3) материальное положение семьи – 24,6; 4) семейное благополучие – 22,7; 5) возможность организации интересного досуга – 18,1%. У респондентов старшей возрастной когорты: 1) здоровье – 46,2; 2) материальное положение семьи – 29,5; 3) семейное благополучие – 28,0; 4) отношения с близкими – 19,4; 5) личное материальное положение – 15,1% (таблица 2.17).

Таблица 2.17 - Факторы самочувствия, учитываемые при его оценке, в % к числу опрошенных

От чего чаще всего зависит ваше самочувствие?	Все опрошенные	Молодежь	Старшая возрастная когорта
От возможности организовать досуг	8,2	18,1	4,3
От личного материального положения	16,7	22,9	15,1
От материального положения семьи	27,7	24,6	29,5
От наличия/отсутствия приносящего доход дела	3,3	4,0	3,0
От наличия/отсутствия собственного жилья	3,2	4,7	2,7
От отношений с близкими	22,0	30,6	19,4
От положения дел на работе (учебе, службе)	19,8	13,0	10,2
От самооценки способностей	3,7	4,1	-
От семейного благополучия	27,0	22,7	28,0
От здоровья	41,7	28,5	46,2
От личной безопасности	3,2	2,8	-
От умения завоевывать доверие	1,6	2,3	-
От способности к общению	4,2	8,9	2,5

Приведенные данные показывают, что ни один из факторов не является доминирующим и тем самым предопределяющим самочувствие респондентов. Так, в общем массиве на первом месте – состояние здоровья (41,7), но у молодежи здоровье на втором месте (28,5). И только старшая когорта здоровье (46,2%) ставит значительно выше всех других факторов. То же можно сказать и о материальном положении, взаимоотношениях в семье, межличностных отношениях, общении с друзьями. Видимо, можно говорить не о детерминирующие роли отдельных факторов, а о некотором балансе и синхронизации факторов, обеспечивающих позитивное самочувствие конкретных социальных групп и категорий населения. Для мо-

лодежи организация досуга почти в четыре раза более значима, чем для старшего возраста. Что понятно и оправдано. Однако, оценки некоторых факторов достаточно трудно объяснимы. Это касается, прежде всего, положения дел на работе (учебе и т.д.): только 10,8% признали, что от этого зависит их самочувствие. Нелогичными представляются и низкие оценки таких факторов, как наличие собственного дела (бизнес, предпринимательство), собственного жилья, умение завоевывать доверие. На наш взгляд, это не связано с перестройкой структур ценностного сознания, скорее, происходит абберрация восприятия по мере информационной наполненности ответов, с выделением наиболее значимых позиций. Для уточнения необходимо проведение методологического эксперимента, в частности, перестановки мест альтернатив в анкете и другими приемами.

Индекс терпения - второй индикатор эвалюативного компонента социального самочувствия. О терпении, как качестве человека, много написано в философской, религиозной, социологической литературе. Ж.Ж. Руссо, например, утверждал, что терпение горько, но его плод сладок. Эта цитата говорит о том, что терпение выступает в качестве залога успеха в разных видах деятельности. Недаром терпение рассматривается как большая добродетель человека. Один из двенадцати апостолов Павел призывал к прохождению жизненного пути с большим терпением. С религиозной точки зрения терпение должно быть неотъемлемой чертой человека постольку, поскольку Господь переносил тяжкие страдания, терпел за все человечество и велел терпеть всем. Священнослужитель Александр Мень писал: «Терпение — это вовсе не бесчувственная тупость и унижение человека, а терпение — это есть достоинство человека, мужество человека, вера человека и труд человека» [78].

В социологии для обобщенной характеристики состояния массового сознания используется индекс терпения. Это наиболее важный интегральный социологический показатель кумулятивного типа, отражающий личностные диспозиции в плане восприятия человеком

своей теперешней жизненной ситуации на основе накопленного опыта и сравнения того, что есть с тем, что было и с тем, что хотелось бы иметь, с учетом собственных возможностей и объективных условий. Сравнительно высокий индекс терпения означает, что существующие условия, социальный порядок в обществе достаточно благоприятный в психологическом плане, что позволяет субъекту управления спокойно и последовательно осуществлять намеченный курс. При этом особое внимание должно уделяться тем семьям, которые оказались в затруднительном положении. Имеется в виду не только выяснение причин этого, но и для оказания адресной поддержки. В свою очередь, низкий индекс терпения свидетельствует об ухудшении положения многих категорий населения, а близкий к критической точке (30-35%) – о на­зревании революционной ситуации.

Таблица 2.18 - Индекс терпения, в % к числу опрошенных

Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?	Молодежь	Старшее поколение
Все не так плохо и жить можно	33,4	24,4
Жить трудно, но можно терпеть	39,4	56,6
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	10,5	6,3
Затрудняюсь ответить	16,6	11,7
<i>Индекс терпения</i>	72,8	81,0

Обращаясь к нашим данным, отметим, что 33,4 респондентов считают, что все не так плохо и можно жить; 39,4 – жить трудно, но можно терпеть; и только каждый десятый (10,5%) уже теряет терпение, поскольку, на их взгляд, жизненное положение бедственное (таблица 2.12). В настоящее время, как показали результаты опроса, индекс терпения существенно выше критической зоны, что позволяет не просто надеяться, но и быть уверенными в том, что не случится каких-либо социальных потрясений, способных помешать устойчивому развитию белорусского общества. А свойственная белорусам черта терпеливости достаточно широко распространена

и среди молодежной когорты – индекс терпения равен 72,8%. При сравнении уровня терпения молодежи и старшего поколения, выявлено, что он выше во второй группе и составляет 81,0 п.п. – это на 7,2 п.п. больше, чем у молодежи. Отметим, что терпение является важным качеством индивида, свидетельствующее о внутренней силе и мужестве, стойкости и внутреннем такте. Оно, безусловно, необходимо во всех делах, как в личных, так и общественных; более того, человек должен быть терпеливым и в труде, особенно требующем больших умственных или физических усилий, мобилизации и напряжения; терпение должно присутствовать и в сфере взаимоотношений с людьми. Например, как отмечалось ранее, в общественном мнении молодежи об актуальных проблемах межнациональная рознь заняла последнее место, а это, в свою очередь, свидетельствует о толерантности молодежи по отношению к людям иной веры и национальности.

Таблица 2.19 - Индекс терпения разных категорий молодежи, в % к числу опрошенных

Категории молодежи	Индекс терпения
Мужчины	64,7
Женщины	82,4
Городская молодежь	74,1
Сельская молодежь	79,3
16-20 лет	73,6
21-25 лет	75,9
26-30 лет	69,2
Служащие	69,5
Рабочие	73,5
Учащиеся, студенты	72,2
Брестская область	81,4
Витебская область	61,6
Гомельская область	79,2
Гродненская область	66,7
Минск	74,2
Минская область	76,7
Могилевская	63,4

Сравнивая индекс терпения разных категорий молодежи, отметим, что жизненную ситуацию легче переносят и терпят женщины (82,4), сельская молодежь (79,3), респонденты 21-25 лет (75,9), рабочие (73,5) (таблица 2.13). Что касается регионов, более терпеливыми являются жители Брестской (81,4), Гомельской (79,2), Минской (76,7) областей и столицы (74,2). Значительно отстают от них Витебский (61,6), Гродненский (66,7), и Могилевский регионы (63,4 п.п.). Региональные различия по данному показателю, на наш взгляд, связаны не столько с материальным положением, сколько с возможностью организации досуга, культурного развития молодежи, доступа к современным коммуникациям. Противоположным качеством терпения является нетерпеливость, которая выступает признаком внутренней слабости, болезненности, потери самособладания и часто приводит к унынию, отчаянию, фрустрациям, одним словом, к депрессивным расстройствам. Данный вывод подтвердило наше исследование. Поскольку терпение лежит в основе восприятия и оценки не только собственного благополучия в обществе, но и своего внутреннего состояния, мы пришли к выводу, что свойство терпеливости, присущее индивиду, высоко коррелирует с иными проявлениями социального самочувствия – жизненной удовлетворенностью, настроением, индивидуальным самочувствием, материальным благополучием и оптимизмом. К примеру, среди «терпеливых» больше тех, кто удовлетворен жизнью, находится в ровном и нормальном состоянии и чувствует себя хорошо; среди таких людей больше и тех, кто положительно оценивает свое жизненное благополучие и оптимистично воспринимает свое будущее. Так, в группе «Все не так уж плохо и можно жить» 71,2 респондента испытывают положительное настроение и 6,6 – отрицательное, что в четыре раза меньше, чем в группе «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно», 34,4% находятся в преддепрессивном состоянии. Удовлетворены жизнью в первой группе – 82,2, во второй их численность снизилась до 45,0%; не удовлетворены в первой – 9,6, во второй – 46,7%. 57,4 «терпеливых» респондентов обладают хорошим самочувствием и только 18,3 среди тех, кто не может терпеть свое

бедственное положение, положительно оценили свое самочувствие. Что касается позитивных характеристик своего материального положения, то они также больше распространены среди тех, кто полагает, что все не так уж плохо и можно жить - 80,4 и в группе «Терпеть наше бедственное положение уже нельзя» - 27,6% (таблица 2.20).

Таблица 2.20 - Распределение ответов на вопросы о настроении, удовлетворенности жизнью, самочувствии и материальном положении в зависимости от уровня терпения, в % к числу опрошенных

Показатели самочувствия	Варианты Ответов	Все не так уж плохо и жить можно	Жить трудно, но можно терпеть	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно
Самооценки настроения	Положительное настроение	71,2	55,4	40,7
	Отрицательное настроение	6,6	19,6	34,4
	Изменчивое	21,2	21,6	23,0
Самооценки удовлетворенности жизнью	Удовлетворен жизнью	82,2	62,5	45,0
	Не удовлетворен жизнью	9,6	25,4	46,7
Самооценки индивидуального самочувствия	Самочувствие хорошее	57,4	38,4	18,3
	Не могу определить свое самочувствие	13,1	20,7	30,0
	Мое самочувствие удовлетворительное	23,7	31,0	23,3
	Мое самочувствие плохое	1,0	4,7	25,0
Самооценки материального благополучия	Положительные оценки	80,4	60,3	27,6
	Отрицательные оценки	9,3	25,3	62,1
	Затрудняюсь ответить	10,1	15,4	11,3

Третьим индикатором эвалюативного компонента социального самочувствия является *уровень оптимизма*, раскрывающий восприятие молодежи собственного будущего.

Оптимизм (от лат. Optimus - наилучший) характеризует взгляд на жизнь с позитивной точки зрения, уверенность в лучшем будущем. Поскольку оптимизм – это положительный эмоциональный тон восприятия жизни, то он, как правило, связан с лучшими ожиданиями и принятием существующего. Будучи ценностной стороной восприятия мира в глобальном смысле, общества и самого себя, в локальном, оптимистичные представления, также как и свойство терпеливости, лежат в основе положительных характеристик иных проявлений социального самочувствия. Среди так называемых перфекционистов, так же как и среди терпеливых (как отмечалось ранее), чаще встречаются индивиды, удовлетворенные собственной жизнью, счастливые, спокойные с точки зрения настроения.

Как показывают наши данные, значительное улучшение жизненной ситуации ожидает 3,7 опрошенных, некоторое улучшение – 21,0, значительное ухудшение характерно для 8,8 и некоторое ухудшение материального благополучия – для 24,2%. В целом, оптимизм в сфере экономического благосостояния распространен среди 24,7%, что составляет четверть респондентов. Пессимистов, т.е. ожидающих ухудшение собственного материального положения, оказалось больше на 8,3 п.п., их численность составила 33%. Таким образом, индекс оптимизма, который рассчитывается суммированием положительных значения, не высокий и составляет 24,7 п.п., что превышает, индекс терпения, практически, в три раза. Индекс оптимизма старшего поколения значительно ниже, чем у молодых и составляет 13,7 п.п. Таким образом, молодежь более позитивно воспринимает свое будущее нежели старшее поколение. Отметим, что индекс оптимизма (24,7) существенно ниже – почти в три раза - индекса терпимости (72,8).

Социальный оптимизм выражает уверенность всего социума, отдельных категорий и групп в изменении жизни к лучшему. Исследование показало, что уровень социального оптимизма в период опроса совпал и со-

ставил 24,7 среди молодежи и 13,7 среди старшей возрастной когорты, т.к., отвечая на вопрос: «Как изменится жизнь в ближайшем будущем?», они признали, что «будем жить лучше». К этим данным необходимо ввести некоторые пояснения, тем более, что индекс оптимизма часто без каких-либо оговорок используется в международных рейтингах. Суть наших пояснений в следующем: 1) этот показатель сам по себе, т.е. вырванный из контекста, оказывается недостаточно информативным, ибо при этом не учитываются ответы по другим позициям шкалы. Вполне очевидно, что, если число пессимистов («будем жить хуже») равно или больше оптимистов, то массовое сознание, как и социальное самочувствие, является противоречивым. 2) большое число затруднившихся ответить свидетельствует о ситуации неопределенности, характерной для кризиса и т.п. явлений. В нашем исследовании 42,2 молодежи и 47,9% старшей когорты затруднились ответить на данный вопрос; 3) длительное наблюдение за феноменом оптимизма показывает, что он не сводится всецело только к социальному содержанию – условия жизни, доходы, доступность образования и др. услуг, - в нем определенную долю занимает то, что можно отнести к характерологическим чертам или психологическим предрасположенностям; 4) между оптимистами и пессимистами есть категория твердых реалистов, которые не гадают по поводу лучших времен, а руководствуются девизом: «Заставить будущее свершиться».

С учетом этого становится понятно, почему в нашей стране уровень оптимизма колеблется в пределах 22-30 п.п. и только в 2006 году составил в РБ 40 п.п. Для того чтобы избежать абстрактной дихотомии по линии «оптимизм - пессимизм» целесообразно включать в инструментарий вопрос о готовности к реализации личных планов на будущее. В отличие от стандартных международных методик мы включали в инструментарий ряд других вопросов. В частности, представляется интересным с содержательной и методической точки зрения ранжировка респондентами наиболее актуальных проблем, как для страны, так и для семьи (их анализ представлен в разделе 2.2).

Произведем расчет интегрального индекса позитивного социального самочувствия для молодежи и старшей когорты. Для этого воспользуемся следующей формулой.

$$\text{ИИПСС} = (\text{ИПН} + \text{ИПИС} + \text{ИПУЖ} + \text{ИПЭПрб} + \text{ИПМБсем} + \text{ААЖС} + \text{ИТ} + \text{ИО}) / N,$$

где ИИПС – интегральный индекс позитивного социального самочувствия,

ИПН – индекс позитивного настроения,

ИПИС – индекс позитивного индивидуального самочувствия,

ИПУЖ – индекс позитивной удовлетворенности жизнью,

ИПЭПрб – индекс позитивного экономического положения страны,

ИПМБсем – индекс позитивного материального благополучия семьи,

ААЖС – выбор активной адаптивной жизненной стратегии просоциальной направленности,

ИТ – индекс терпения,

ИО – индекс оптимизма,

N – количество используемых в формуле индексов.

$$\text{ИИПСС}_M = (60,5 + 44,1 + 66,9 + 52,7 + 61,9 + 62,8 + 72,8 + 24,7) / 8 = 55,8$$

$$\text{ИИПСС}_{с.к.} = (48,4 + 22,4 + 55,3 + 61,7 + 56,3 + 43,2 + 81,0 + 13,7) / 8 = 47,8$$

Таким образом, интегральный индекс позитивного социального самочувствия у молодежи равен 55,8 п.п., у старшего поколения 47,8 п.п. Разница, как видно, статистически значимая, и составляет 8 п.п. в пользу молодежи. Это значит, что молодежь характеризуется более частым выбором позитивных значений при оценке субъективных показателей социального самочувствия, чем старшая когорта.

Ранее мы говорили о том, что оптимизм обуславливает положительное социальное самочувствие. На наш взгляд, индивиды, которым свойственно перфекционистское мировосприятие, с таким же положительным подходом воспринимают и свой внутренний мир. Остановимся более подробно на рассмотрении влияния оптимизма, выраженного в позитивном восприятии собственного будущего, на самооценки настроения, удовле-

творенности жизнью, самочувствие и материальное благополучие. Как показывают наши данные, среди оптимистов признали, что находятся в мажорном настроении 64,1 респондента и только 12,2 – в минорном, в то время как среди пессимистов их соотношение такое – 55,7 и 22,1%. В первой категории 78,8 удовлетворены жизнью, 12,6 – не удовлетворены, во второй – 59,2 и 31,6; положительно оценили свое материальное положение 93,3 и 78,8; позитивным свое самочувствие назвали, соответственно, 79,2 и 63,2%. Заметим, что по названным показателям различия между оценками оптимистов и пессимистов статистически значимы (таблица 2.21).

Таблица 2.21 - Распределение ответов на вопросы о настроении, удовлетворенности жизнью, самочувствии и материальном положении в зависимости от уровня оптимизма, в % к числу опрошенных

Показатели самочувствия	Варианты Ответов	Благосостояние улучшится	Благосостояние ухудшится
Само-оценки настроения	Хорошее настроение	64,1	55,7
	Плохое настроение	12,2	22,1
	Изменчивое	21,3	19,2
Самооценки удовлетворенности жизнью	Удовлетворен жизнью	78,8	59,2
	Не удовлетворен жизнью	12,6	31,6
Самооценки индивидуального самочувствия	Самочувствие хорошее	54,3	31,4
	Не могу определить свое самочувствие	16,8	21,4
	Мое самочувствие удовлетворительное	24,9	31,8
	Мое самочувствие плохое	2,0	8,5
Самооценки материального благополучия	Положительные оценки	93,3	78,8
	Отрицательные оценки	6,7	21,2

Счастье как вершина позитивного самочувствия

В истории общественной мысли аккумулировано большое число учений, отдельных блестящих мыслей мудрецов и учителей человечества о счастье и путях его достижения. Пожалуй, мало по какой из вечных и «сквозных» тем, которые вновь и вновь воспроизводятся в общественном дискурсе, существует такое разнообразие точек зрения, мнений, подходов. Все они, можно сказать естественно, группируются и дифференцируются по нескольким линиям на основе ряда смысловых оппозиций: утилитаризм (богатство) – духовность (саморазвитие); эгоизм (для себя) – альтруизм (для других, общества в целом); гедонизм (чувственные удовольствия) – аскетизм (самоограничение).

Уже много лет предпринимаются попытки построить рейтинг стран по уровню счастья или включить данную категорию в индекс человеческого развития и др. Заметим, что гипотеза отдельных западных социологов о причинно-следственной связи линейного типа между уровнем развития стран и счастьем населения не подтверждается. Как показал Р. Лейн в книге «Потеря счастья в условиях рыночной демократии», за последние 30 лет в США стало на 14 млн. меньше тех, кто считает себя счастливыми, несмотря на то, что доход на душу населения вырос более чем вдвое [74]. В эмпирических методиках измерения счастья оно часто отрывается от самочувствия или смешивается с другими близкими психологическими феноменами (удовлетворенность, интернальность, самооценка). Это приводит к двум вариантам понимания данной категории. У одних счастье – это абстрактная (вне времени и пространства) идеализация, лучше бы сказать «эдемия» (от «Эдем»), но этот термин не принят в научном лексиконе. Такой вариант широко представлен в разноплановой утопической литературе – от Ф. Бэкона, Т. Мора, Ш. Фурье до Г. Торо с его романом «Уолден, или жизнь в лесу» о спасении личности от потребительского общества путем возврата к природе. У других – это карикатурный или сатирический образ иррационального довольства, блаженства. Один

из героев Чехова был счастлив оттого, что о нем написали в газете. А написали потому, что человек был пьяным и попал под лошадь. О счастье как вершине позитивного самочувствия писал Э. Фромм. «Счастье, - по его словам, - это состояние напряженной внутренней работы и ощущение возрастания жизненной энергии, которое происходит при продуктивном отношении к миру и самим себе. Это переживание полноты бытия, а не пустоты, которую нужно заполнить» [18, с. 223]. Антиподами счастья являются не бедность, не недостаток денег или некоторых материальных благ, а подавленность, отчужденность и скука. Не случайно А. Шопенгауэр свой пессимизм выразил в афоризме: «Человек обречен терзаться между нуждой и скукой, между страданиями будней и монотонностью выходных дней» [75, с.26]. Для методологии социологического изучения феномена счастья важное значение имеет следующее положение А. Маслоу. Он пишет: «Видимо, человеческая мечта о вечном счастье не осуществима. Разумеется, счастье возможно, оно реально и достижимо. Но высшие переживания длятся недолго, и они не могут быть долговечными. Интенсивное переживание счастья всегда эпизодично» [76, с. 18].

Попытаемся социологически рассмотреть явление, именуемое счастьем (англ. happiness), близким по значению конструктом которого является субъективное благополучие или комфорт. Измерение счастья в последнее время действительно становится широко распространенным явлением в мировой практике. Данный индикатор приобрел даже самостоятельное название нетрадиционного показателя развития страны. Сами экономисты находят в этом показателе довольно большой смысл, полагая, что ВВП, совокупный общественный продукт, душевой доход и др. не учитывают состояние (стоимость) социального и психологического здоровья населения. Удовлетворенный жизнью, счастливый человек более охотно и плодотворно трудится, а, следовательно, повышает экономические показатели страны; счастливый индивид не берется за оружие, тем самым обеспечивает стабильность и

порядок в обществе, в котором он живет; воспроизводит здоровое потомство, улучшая демографические показатели. Относительно последней мысли хочется добавить, что ощущение счастья является гораздо большим (ударение на первый слог) «демографическим мотиватором», и в большей степени мотивирует счастливых супругов на рождение детей, чем, например, пособие по рождению ребенка, дополнительные льготы и др. В силу подобного потенциала, заложенного в счастье, к этому показателю обращаются не только исследователи (у истоков стояли философы, социологи и психологи, а позже экономисты и политологи), он становится все более полезным, интересным и необходимым для политиков и политических лидеров. Так, например, в 70-х гг. прошлого столетия политический лидер одного Гималайского государства, находящегося в Южной Азии, под названием Бутан, предложил в своем обращении к Национальной ассамблее измерять благосостояние страны не ВВП, а ВВС, т.е. внутренним валовым счастьем, содержащим в себе четыре блока: 1) обеспечение в государстве справедливого и устойчивого социально-экономического развития; 2) сохранение и развитие традиционных культурных ценностей; 3) охрана природы; 3) правильное управление страной [77]. В Белорусском государстве в области социальной политики Президентом была провозглашена очень важная цель – повышение благосостояния граждан. Было бы правомерным в комплекс традиционных показателей, измеряющих его успехи, включить также субъективные показатели удовлетворенности жизнью и ощущение счастья, то есть то, что составляет социальное самочувствие граждан.

На наш взгляд, в содержание счастья входит «векторный» компонент жизни, который отражает движение от настоящего к будущему, проявляющийся в таком явлении как оптимизм. Для оптимизма характерна ориентация на лучшее будущее, безусловная вера в него, перспектива на будущее, а чувства веры и надежды имеют для него определяющее значение. Данная связь счастья и оптимизма подкрепляется

результатами проведенного исследования. Заметим, что для тех респондентов, которые ощущают себя счастливыми, в большей степени характерна ориентация на оптимистичное восприятие собственной жизни в будущем, т.к. 46,3% в группе «Я чувствую себя счастливым» обладают позитивными ожиданиями. В этой же группе наблюдается и наименьшее число так называемых жизненных пессимистов – каждый четвертый «счастливый» отметил, что со временем его благосостояние ухудшится. Возьмем, для сравнения, опрошенных с плохим самочувствием: только один из десяти в ней – оптимист, каждый второй – пессимист. Таким образом, состояние счастья, несомненно, предполагает оптимистическое сознание, уверенность человека в его достижениях, а также возможность быть счастливым не только в настоящем, но и в будущем.

Таким образом, анализируя взаимозависимость компонентов изучаемого феномена мы пришли к выводу, что, чем выше уровень социального самочувствия молодежи, тем меньше вероятность того, что страну ожидают массовые протестные акции в случае роста цен, который влечет за собой снижение уровня жизни и ухудшение материального благополучия населения. Отрицательные значения жизненной удовлетворенности, эмоционального самочувствия, настроения и экономического благосостояния молодежи приводят к высоким показателям возможных протестных акций в обществе и личной субъективной настроенности на протестные формы поведения. Конечно, о степени реального воплощения протестного настроения белорусской молодежи в реальные поведенческие акции, на данном уровне анализа говорить довольно сложно. Но, безусловно, важно знать, что в сознании белорусской молодежи «протестность» присутствует, хотя она может быть объяснима психическими ее особенностями, обусловленными возрастом. Поэтому, главное и социологам в познавательных целях, и представителям сферы государственного управления в целях поддержания порядка, стабильности и безопасности в обществе, отслеживать уро-

вень социального самочувствия. Так и по отдельным его показателям – потребительским, миграционным, алармистским, протестным настроениям – необходимо проводить подобные исследования, поскольку данные проявления в социальном самочувствии создают атмосферу недоверия, ажиотажа, беспокойства и напряженности в обществе.

Совсем недавно многим казалось, что для правильного понимания текущей ситуации в обществе с точки зрения поддержания социального порядка и обеспечения безопасности вполне достаточно тех сведений, которые дает официальная статистика в области экономики (производство-потребление) и специальные службы по своим направлениям – от инспекций по технике безопасности, санэпидемнадзора, транспортного, финансового и других видов контроля до органов МЧС и государственной безопасности. Однако и повседневная практика и многие международные события современности показывают, что системное регулирование межличностных отношений, социальных процессов требуют дополнения «фактуальных» данных информацией о человеческих ожиданиях, мотивах, настроениях и самочувствии.

1) Общественная стабильность представляет собой форму, устройство общественной жизни, основанное на предсказуемости и воспроизводстве устойчивых и значимых форм повседневной деятельности и схем отношений (паттернов); это общество, приемлемое для жизни, в котором гарантируются безопасность и защищенность граждан, а также достойный уровень жизни.

К объективным факторам общественной стабильности относятся экономические, демографические, показатели социальной сферы (здравоохранение, образование, спорт и туризм и пр.) и др. Социальное самочувствие населения в целом и молодежи в частности выступает в качестве субъективного критерия обеспечения стабильности. Суть данного подхода в том, что негативные формы социального самочувствия – социальное беспокойство, напряженность, чувство незащищенности, протест-

ные и миграционные настроения – отражающие социально-психологическую разновидность социальных рисков, нарушают просоциальные поведенческие стратегии, способствуют ориентации (субъективной готовности) на протестные формы поведения в обществе.

2) Изучение ответов респондентов привело к выводу, что мужчины и женщины, сельская и городская молодежь, профессионально-статусные, возрастные группы молодежи и представители семи регионов РБ по-разному оценивают по некоторым показателям свое социальное самочувствие. В целом, индексы настроения, индивидуального самочувствия, удовлетворенности жизнью, материального положения страны и семьи далеки от критических значений и являются довольно высокими.

3) Сравнительный анализ молодежи и старшей когорты показал, что уровень социального самочувствия респондентов старше 31 года ниже, чем у молодых, за исключением индексов терпимости и материального положения страны.

4) При рассмотрении конативного компонента социального самочувствия выявлено, что в жизненных стратегиях молодежи в ситуации ухудшения благосостояния проявляются активные позиции, связанные с поиском дополнительных источников дохода, что отличает их от старшей когорты, которая ориентирована в первую очередь на экономию средств.

5) Индекс протестных настроений среди молодежи значительно выше, чем среди старших и составляет 10,9, по сравнению с 5,8 п.п., характерными для вторых. Выбирая протестные формы поведения в случае защиты собственных интересов, обе возрастные группы выбрали крайние способы, в том числе, и радикальные – 21,5 и 12,5, соответственно.

6) Молодые респонденты при оценке жизненной удовлетворенности отдали предпочтение счастью, собственным достижениям, материальному благополучию, образу жизни, семейным и личным отношениям, доверию, профессиональным успехам и престижу своей работы (службы, учебы). В пятерку критериального ряда удовлетворенности жизнью старшей когорты вошли экономическое благосостояние, счастье, образ

жизни, семейное благополучие, достижение целей. Обнаружена существенная разница по двум другим показателям эвалюативного компонента: индексу терпения и оптимизма. Так, при довольно высоком значении уровня терпения – 72,8 среди молодежи и 81,0 среди старшей когорты, - индекс оптимизма является существенно низким в обеих когортах – 24,7 у молодых и 13,7 у старшего поколения.

7) Изучение взаимозависимости компонентов социального самочувствия позволило прийти к следующим выводам. Во-первых, чем лучше оценивают респонденты свое жизненное благополучие и состояние социально-экономической, политической и духовной сфер общества (когнитивный уровень), тем меньше им свойственны отрицательные оценки удовлетворенности жизнью и индивидуального самочувствия, напряженность и опасения (эмотивный уровень). Во-вторых, высокие уровни жизненного оптимизма и терпения молодежи (эвалюативный уровень) определяют более частый ими выбор положительных ответов на вопрос о настроении, удовлетворенности жизнью, индивидуальном самочувствии, личном и общественном благополучии (эмотивный и когнитивный уровни). В-третьих, отрицательные оценки настроения, удовлетворенности жизнью, индивидуального самочувствия, личного и общественного благополучия, терпения и оптимизма (эмотивный, когнитивный и эвалюативный уровни) имеют высокую корреляцию с субъективной готовностью и настроенностью на протестные формы поведения в обществе и приводят к росту протестного потенциала в молодежной среде, являющегося угрозой общественной стабильности (конативный уровень).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость изучения социального самочувствия молодежи связана с тем, что, во-первых, данная категория позволяет диагностировать социально-психологическое состояние конкретных социумов и индивидов, определять их духовно-нравственное самочувствие; во-вторых, оценивать детерминирующие факторы (объективные условия, субъективные притязания и т.д.) подобных состояний; в-третьих, выявлять социальные причины девиантных сбоев, анонимных расстройств, нежелательных и неблагоприятных отклонений среди молодежи как социальной группы. Положительные формы социального самочувствия свидетельствуют об общественном и личном благополучии, негативные – о социальной напряженности, алармистских настроениях, неудовлетворенности жизнью, пессимистичном восприятии будущего. В свою очередь они способствуют формированию предрасположенности (готовности) к деструктивным формам поведения и их воплощению в обществе, что нарушает его стабильность. Таким образом, исследование влияния социального самочувствия молодежи на поддержание стабильности в обществе позволит отслеживать уровень протестного потенциала среди молодежи, являющегося угрозой общественной стабильности. Контроль за уровнем протестных настроений должен сопровождаться информационно-разъяснительной работой, направленной на выработку у молодежи иммунитета к воздействию манипулятивных технологий путем воспитания терпимого, ответственного, конструктивного подхода к жизни.

1. Разработаны методологические основания социологического изучения социального самочувствия. Социологический подход не сводит социальное самочувствие к реактивному образованию исключительно эмоциональной природы. Представляя собой интегральный социопсихологический феномен, социальное самочувствие является результатом синтеза представлений и знаний о текущих событиях с

прогнозом вероятности их изменения в ту или иную сторону (улучшения-ухудшения) и оценкой адаптационных и креативных возможностей субъекта в изменяющихся условиях. Праксиологический смысл субъективных показателей социального самочувствия, состоит в том, что они в совокупности определяют предрасположенность (готовность) людей к конкретным целенаправленным видам социального действия. Во-вторых, самочувствие *социальное*, предполагая в качестве своего носителя различного уровня общности, понимается как индивидуальное, групповое, коллективное образование, наиболее распространенные и типичные черты которого проявляются и в индивидуальном самочувствии, согласно диалектике общего и единичного. В-третьих, обусловленность социального самочувствия субъекта определяется не только внешними детерминантами (объективные условия жизни), но и внутренними, к которым относятся притязания и реальные возможности их воплощения (знания, умения, навыки, способности); достижения; рационализированные представления о благополучной жизни, нормативных стандартах поведения в обществе и идеалах счастья.

2. Социальное самочувствие с учетом его четырехсоставной модели представляет собой эмерджентный уровень индивидуального и общественного сознания, формирующийся в процессе восприятия и оценок состояния социума и разных сторон собственной жизни с точки зрения настроения, удовлетворенности жизнью, индивидуального самочувствия, материального благополучия, терпения и жизненных перспектив, который обуславливает активность его носителей, побуждая к целенаправленным форм социального действия. Будучи сложносоставным образованием, социальное самочувствие складывается из когнитивного, эмотивного, конативного и эвалюативного элементов. *Когнитивная сфера* в социальном самочувствии выражает мировоззрение, в котором отражаются представления о мире в целом и о собственном положении в нем, а также избирательное знание об окру-

жающей среде и обществе, информированность людей по проблемам общественной жизни в разных сферах социума; эти представления и знания, позволяют индивиду руководствоваться в повседневной жизни и влияют на принятие определенных жизненных решений и поведенческие акты. *Эмотивная область* социального самочувствия выражается через эмоциональные оценки жизненной ситуации. *Конативный компонент*, предполагающий субъективную настроенность и готовность действовать в определенной ситуации при определенных условиях, заключается в выборе тех или и поведенческих стратегий. Новизной в данной работе явилось то, что трехкомпонентная структура социального самочувствия дополнилась *эвалюативным элементом*. Он является смысловым, ориентационным основанием, который проецируется на трехмерную структуру социального самочувствия. В работе эвалюативный аспект социального самочувствия реализовался в критериях удовлетворенности жизнью, а также в качественных идентификациях, выраженных в индексах терпения и оптимизма.

3. Теоретически обосновано, что социальное самочувствие выступает в качестве субъективного фактора общественной стабильности. Это значит, что влияние социального самочувствия молодежи на поддержание стабильности в обществе выражается в двух формах: когда негативные его проявления – социальная напряженность и беспокойство, отрицательные оценки материального благополучия и жизненных перспектив, плохой эмоциональный тонус и неудовлетворенность жизнью – отражающие социально-психологическую разновидность социальных рисков, нарушают просоциальные поведенческие стратегии, приводящие к субъективной готовности и настроенности на протестные формы активности. Что касается позитивного социального самочувствия, то оно, как правило, реализуется в самоактуализации и альтруизме, терпимости и деятельностном оптимизме, удовлетворенности жизнью и к неприемлемости любых проявлений хаоса и экстре-

мизма, и способствует ориентации субъекта на адаптивные активные жизненные стратегии просоциальной направленности.

4. Результаты проведенного социологического исследования социального самочувствия молодежи позволили сделать вывод, что социальное самочувствие современной молодежи не является однородным и по некоторым показателям различается в зависимости от гендерной, возрастной, социально-профессиональной и региональной ее принадлежности. При сравнительном анализе социального самочувствия молодежи и старшего поколения выявлено, что негативные его формы более распространены среди респондентов старше 31 года, исключением являются индексы терпения и материального положения страны. Различны также и эвалюативные основания социального самочувствия, поскольку молодежь при характеристике жизненной удовлетворенности отдавала предпочтение оценкам общего состояния счастья, достижения поставленных целей, экономического положения, образа жизни и семейного благополучия; старшее поколение жизненную удовлетворенность оценивает в первую очередь с точки зрения материального благополучия.

5. Рассмотрение когнитивного компонента социального самочувствия позволило, во-первых, выявить преобладание активных жизненных стратегий в молодежной среде, состоящих в поиске дополнительных источников заработка в ситуации ухудшения жизненного благополучия. В старшей когорте доминирует ориентация на экономию средств. При защите собственных интересов обе когорты отдали предпочтение использованию различных средств противодействия, в том числе и крайних. Однако, индекс протестных настроений в два раза больше среди молодежи. Анализируя взаимообусловленность компонентов социального самочувствия, автор пришел к следующим выводам. 1) Положительные оценки ситуации в стране и собственного жизненного благополучия имеют высокую корреляцию с позитивными самооценками настроения, индивидуального самочувствия и удов-

летворенности жизнью. 2) Высокие индексы терпения и оптимизма обуславливают положительные значения настроения, удовлетворенности жизнью, индивидуального самочувствия и материального благополучия. 3) Протестные настроения вытекают из негативных форм социального самочувствия, выраженных в напряженности и опасениях, неудовлетворенности жизнью, плохом самочувствии и отрицательных оценках экономического благополучия и приводят к росту протестного потенциала среди молодежи.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Послание президента А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию // Сб. Беларусь сегодня. 22 апреля 2012 г.
2. Путин, В. Строительство справедливости. Социальная политика для России / В.В. Путин // Комс. Правда. 13.02.12.
3. Конфуций. Уроки мудрости / Конфуций - М., 2006. Мы привели этот отрывок в изложении Л.Н. Толстого в статье «Великая наука», которая включена как приложение в книгу Конфуция.
4. Сахаров, А.Д. Памятная записка генеральному Секретарю ЦК КПСС тов. Л.И. Брежневу / А.Д. Сахаров // Знамя. - 1990. - № 2. – С. 23-24.
5. Солженицын, А. Речь в Гарварде / А. Солженицын // Антология самиздата [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://states2008.russ.ru>. – 1978. – 8 июня. - Дата доступа: 01.04.2010.
6. Прусак, А.И. Теория действия С. Вивекананды / А.И. Прусак // Социс. - 2000. - №1. - С. 93-98.
7. Горбатков, А.А. Влияние «материального статуса» общества на его «эмоциональный статус». К интерпретации некоторых кросскультурных данных / А.А. Горбатков // Социс. - 2004. - № 10. - С. 99-105.
8. Шавель, С.А. Потребление и стабильность общества. / С.А. Шавель [и др.]. - Мн., 2010 г. – 314 с.
9. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин [Электронный ресурс]. - М., 1992. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin. - Дата доступа: 05.03.2010.

10. Парыгин, Б.Д. Общественное настроение / Б.Д. Парыгин. - М., 1966. – 328 с.
11. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. - М., 1996. – 375 с.
12. Шклярчук, В.Я. Сохранение здоровья, как фактор социального самочувствия производственного персонала / В.Я. Шклярчук // Социс. - 2009. - №12. - С. 139-141.
13. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 2002. – 720 с.
14. Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев [Электронный ресурс]. - М., 1979. – Режим доступа: http://www.politology.vuzlib.net/book_o164_page_1.html. - Дата доступа: 15.01. 2010.
15. Герасимова, И.В. Психические состояния как общепсихологическая проблема: Хрестоматия / И.В. Герасимова. – Владивосток, 2001. – 104 с.
16. Лебедев, В.И. Личность в экстремальных условиях / В.И. Лебедев. - М., 1989. - с. 88.
17. Головаха, Е.И. Человек в экстремальной производственной ситуации (опыт социологического исследования ликвидации последствий аварии на ЧАЭС) / Е.И. Головаха, В.Г. Котов, Н.Н. Чурилов. - Киев, 1990. – 144 с.
18. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М., 2011.
19. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Мн., 1992. – 253 с.
20. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. - М., 1996. – 195 с.
21. Платонов, К.К. Краткий словарь системы психологических понятий / К.К. Платонов. – М., 1981.
22. Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. - СПб., 2003. – 272 с.
23. Головаха, Е.И. Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции» / Е.И.

- Головаха, Н.В. Панина // Вестник общественного мнения. - 2005. - № 6. - С. 11-16.
24. Петрова, Л.Е. Социальное самочувствие молодежи / Л.Е. Петрова // Социс. - 2000. - № 12. - С. 50-55.
25. Хасбулатова, О.А. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России / О.А. Хасбулатова, Л.С. Егорова // Социс. - 2002. - № 11. - С. 48-54.
26. Душацкий, Л.Е. Материально-властные ресурсы россиян в самооценке и социальном самочувствии / Л.Е. Душацкий // Социс. - 2004. - № 4. - С. 64-70.
27. Соглаева, Л.А. Социальное самочувствие населения Республики Беларусь / Л.А. Соглаева, Л.В. Филинская // Выступление на 2 Всероссийском социологическом конгрессе [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/l/library>. - Дата доступа: 15.02.2009.
28. Седова, Н.Н. Оптимисты и пессимисты, надежды и опасения / Н.Н. Седова // Мониторинг общественного мнения. - 2009. - № 6 (94). - С. 171 – 172.
29. Шавель, С.А. Социальные реформы в Беларуси: социологический анализ / С.А. Шавель, В.Р. Шухатович, Г.П. Коршунов. - Мн., 2004.
30. Райгородский, Д.Я. Психология личности. Хрестоматия: в 2-х т / Д.Я. Райгородский. - Самара, 2008. – Т. 1. – с. 512.
31. Ильенков, Э. Единичное / Э. Ильенков // Философская энциклопедия: в 5 т. - М., 1970. - Т. 2. – 740 с.
32. Солженицын, А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Новый мир. 1991. № 5.
33. Осипов, В.Г. История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов / В.Г. Осипов. - М., 1999. – 576 с.

34. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана.— М., 1995.— 352 с.
35. Юнг, К. Архетип и символ / К. Юнг [Электронный ресурс]. – СПб., 1991. – Режим доступа: http://pryahi.indeep.ru/psychology/jungian/jung_01.html. Дата доступа: 10.05.2008.
36. Тексты по истории социологии XIX-XX веков. Хрестоматия / В.И. Добренев, Л.П. Беленкова - М., 1994. – 241 с.
37. Мещеряков, Б.Г. Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М., 2003. – 672 с.
38. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / Д. Карнеги. - Мн., - 1990.
39. Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов. - М., 1999. – с. 1138.
40. Карамзин, Н.М. Избранные сочинения. Том 1. Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин. – М., 1964.
41. MirSlovari.com. «Мир словарей» — коллекция словарей и энциклопедий. Психологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslovari.com/content_psi/Samochuvstvie-1575.html/ - Дата доступа: 4.05.2008.
42. Ожегов, С.И. Толковый словарь / С.И. Ожегов. – М., 1960.
43. Быков, С.В. Образование и здоровье / С.В.Быков // Социс. – 2000. - №1. - С. 125-129.
44. Штомпка, П. Социология социальных изменений/ Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. – М., 1996. – 416 с.
45. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. - СПб., 2001. – 752 с.
46. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. - Спб., 1999. – 464 с.
47. Гуревич, М.А. Социальное самочувствие и адаптация населения крупного промышленного региона в период перехода к рыноч-

- ным отношениям: на примере Челябинской области / М.А. Гуревич. - Челябинск. – 2001.
48. РССМ выявил ожидания, настроения и установки сельской молодежи // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=270&uid=13692>. – Дата доступа: 30.07.2010.
49. Хекхаузен, Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен. - СПб., 2001. – 423 с.
50. Митина, Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности / Л.М. Митина. - М., 2003. – 400 с.
51. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко. - М., 2008. – 543 с.
52. Плетнев, К. Экономика счастья / К. Плетнев [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.sb.by. - Дата доступа: 28.08.2009.
53. Джидарьян, И.А. Проблема счастья в русском менталитете / И.А. Джидарьян // Сознание личности в кризисном обществе: сб. ст. / под ред. А.А. Абульхановой-Славской. - М., 1995. - С. 34-48.
54. АиФ . №12. С. 26
55. Левитов, Н.Д. О психических состояниях человека / Н.Д. Левитов. - М., 1964. – 344 с.
56. Вишневский, Ю.Р. Парадоксальный молодой человек / Ю.Р. Вишневский, Шапко В.Т. // Социс. - 2006. - № 6. - С. 26-36.
57. Аверьянов, Л.Я. О проблемах молодежи и не только о них / Л.Я. Аверьянов // Социс. - №10. - 2008. - С. 155.
58. Шавель, С.А. Социальный порядок и жизнеспособность общества / С.А. Шавель., В.Р. Шухатович. [и др.]. - Мн., 2007. – 333 с.
59. Котляров, И.В. Политическая социология: В 2-х ч. / И.В. Котляров. - Мн., 2004. - ч. 2. - 287 с.
60. Чекмарев, Э.В. Молодежь как политический ресурс модернизации современной России / Э.В. Чекмарев // Известия Саратовского

университета. Сер. Социология. Политология. - 2008. - Вып. 2. - С. 81-85.

61. Российская молодежь – какая она? // Аргументы и факты. - 2004. - № 34.
62. Бабосов, Е.М. Прикладная социология: Учеб. пособие / Е.М. Бабосов. - Мн., 2001. – 496 с.
63. Муздыбаев, К. Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ / К. Муздыбаев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. - № 1. - Том VII. - С. 175-189.
64. Платон. Государство. V. 473 Д.
65. Титаренко, Л.Г. Беларусь и новые глобальные социокультурные вызовы и угрозы / Л.Г. Титаренко // Социология. - 2003. - № 1. - С. 25-33.
66. Штомпка, П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. - № 1. – С. 6-16
67. Блумер, Г. Коллективное поведение / Г. Блумер // Американская социологическая мысль. – М. 1994. - С. 535-588.
68. Ротман, Д.Г. Социальная напряженность в обществе: сущность и особенности социологического изучения / Д.Г. Ротман // Социология. – 2007. № 4. - С. 129 – 140.
69. Николаевский, В.В. Социальная защита населения: теория и практика / В.В. Николаевский // Социология. – 2004. № 3. С. 21-41.
70. Круглый стол: «Факторы стабильности и кризиса современного российского общества» [Электронный ресурс]. – М., 2010. 21 мая. – Режим доступа: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=342> – Дата доступа: 10.02.2011.
71. Шавель, С.А. Индекс человеческого развития: международный рейтинг / С.А. Шавель // АиФ.

72. Бурова, С.Н. Молодая столичная семья в начале XXI века: ценность и социальный потенциал / С.Н. Бурова // Социология. – 2004. № 2. – С. 54-61.
73. Шавель, С.А. Галич, Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ / Шавель С.А., Галич Л.П. // Социология. – 2012. - № 1. С.
74. Сб. Беларусь сегодня. 21.01.12.
75. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр А. – М. -1990.
76. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Мн. - 1999.
77. Плетнев К. «Экономика счастья» // Сб. Беларусь сегодня. 28.08.2009.
78. Проповедь о терпении. [Электронный ресурс]. – Символ. № 35. 1996. Режим доступа: www.alexandinen.ru/books/symbol/prpoterp. - Дата доступа: 25.03.2012]
79. Myers D., Diener E. Who is happy? // Psychological Science. 1995. P. 10-19.
80. Бойков, В.Э. Бумеранг социального самочувствия / В.Э. Бумеранг // Социс. -1998. - № 1. - С. 87-90.
81. Лисовский, В.Г. Социология молодежи: Учебник /Под ред. В.Т. Лисовского. – СПб, 1996. - 460 с.
82. Шавель, С.А. Социальные ожидания как исходная социологическая категория / С.А. Шавель // Социология. – 2006. - №3. – С. 63-72.
83. Севковская, З.А. Молодежь Беларуси на пороге третьего тысячелетия / З.А. Севковская. – Мн., 2002. – 128 с.
84. Шавель, С.А. Социальный порядок как объект социологического исследования / С.А. Шавель // Социология. - 2007. – №1. – С. 55-69.
85. Шавель, С.А. Социальные инновации в жизни общества / С.А. Шавель // Наука и инновации. – 2007. - № 4. - С. 10-12.

86. Шавель, С.А. Социальный капитал как источник инновационного развития / С.А. Шавель // Социология. – 2008. - № 1. – С. 16-35.
87. Шавель, С.А. Потребление и стабильность общества: к методологии социологического анализа / С.А. Шавель // Социология. - 2009. - № 3. - С.18-35.
88. Шавель, С.А. Парсонсовская модель устойчивости и воспроизводства социальных действий / С.А. Шавель // Социология. - 2009. - №1. – С. 36-49.
89. Шавель, С.А. Убеждения как мировоззренческое ядро личности: историко-социологический анализ / С.А. Шавель // Социология. - 2010. - №1. С. 42-55.
90. Кожина, Т.П., Шабунова А.А., Шухатович В.Р. Экономическое положение и социальное самочувствие населения регионов Северо-Западного федерального округа и Республики Беларусь / Т.П. Кожина, А.А. Шабунова, В.Р. Шухатович // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2010, Вологда. - Вып. 1. - С. 108-118.
91. Шавель, С.А. Общественная миссия социологии / С.А. Шавель. - Мн., 2010. – 404 с.
92. Бабосов, Е.М. Социально-стратификационные факторы обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь / Е.М. Бабосов. - Мн., 2008. - с. 156.
93. Бабосов, Е.М. Социология личности, социальной стратификации и управления / Е.М. Бабосов. - Мн., 2006.
94. Бабосов, Е.М. Молодежь города Минска: социальный портрет / Е.М. Бабосов, В.А. Бобков, А.В. Рубанов. - Мн., 2005.
95. Бабосов, Е.М. Социально-стратификационная панорама современной Беларуси / Е.М. Бабосов. - Мн., 2002. – 360 с.
96. Данилов, А.Н. Молодёжь кризисных лет: иллюзии и новые надежды / А.Н. Данилов. - Мн., 1999. – 317 с.

97. Данилов, А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации / А.Н. Данилов. - Мн., 1997. – 432 с.
98. Данилов, А.Н. Процессы социальной трансформации постсоветских обществ: опыт России, Беларуси, Казахстана / А.Н. Данилов, О.В. Нечипоренко // Социология. – 2008. - № 1. – С. 85-98.
99. Смирнова, Р.А. Факторы формирования адаптационных стратегий социально уязвимых слоев населения Беларуси / Р.А. Смирнова // Социс. – 2005. - № 10. - С. 26-35.
100. Русецкая, В.И. Динамика показателей качества жизни белорусов / В.И. Русецкая // Социологический альманах. – 2010. - Вып.1.
101. Русецкая, В.И. Трансформация ценностных ориентаций современной молодежи // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси. Сб. науч. тр. Редкол.: В.Л. Абушенко (гл. ред.) [и др.]. - Мн., 2003. – С. 228-231.
102. Сапелкин, Е.П. Молодежная политика в Республике Беларусь: Системный анализ: Монография / Е.П. Сапелкин. - Мн., 2004. – 286 с.
103. Соколова, Г.Н. Социально-экономическая ситуация в Беларуси с позиции "культурной травмы" / Г.Н. Соколова // Социология. – 2010. - №4. - С. 33-41.
104. Соколова, Г.Н. Социология труда: Учебник / Г.Н. Соколова. - Мн., 2002. – 316 с.
105. Джидарьян, И. А. Представление о счастье в русском менталитете / И.А. Джидарьян // Психол. журнал. - 1997. - № 3. – С. 13-25.
106. Кунгурова, Н.И. Экономика знаний: труд, занятость, экология, экономика в развитии, социальные препятствия развитию / Н.И. Кунгурова, В.К.Терехов. – Мн., 2010. – 1008 с.
107. Шейнов, В.П. Манипулирование сознанием / В.П. Шейнов. – Мн., 2010. 768 с.

108. Ротман, Д.Г. Белорусская молодежь на рубеже веков: штрихи к портрету: проблемы воспитания, формирование ценностных ориентаций и жизненных приоритетов, становления поведенческих установок белорусской молодёжи / Д.Г. Ротман // Социология. – 2004. - № 1. С. 50-55.
109. Гиппенрейтер, Ю.Б. Психология мотивации и эмоций. Хрестоматия по психологии / Ю.Б. Гиппенрейтер, Н.В. Фаликман. – М., 2009. - 704 с.
110. Манаев, О. Молодежь и гражданское общество: белорусский вариант / О. Манаев. – Мн., 1999. – 284 с.
111. Михайлова, Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами / Л.И. Михайлова // Социс. – 2010. - №3. – С.45-50.
112. Маслова, Т.Ф. Социальное самочувствие вынужденных переселенцев / Т.Ф. Маслова // Социс. – 2007. - №4. – С. 103-107.
113. Головаха, Е.И. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС / Е.И. Головаха, Н.В. Панича, А.П. Горбачик // Социология: 4М. – 1998. - №10. – С.45-72.
114. Тихомирова, В.В. Социальное самочувствие и ценностные ориентации молодой семьи / В.В. Тихомирова // Социс. – 2010. - №2. – С. 118-125.
115. Петрова, Л. Е. Социальное самочувствие молодежи / Л.Е. Петрова // Социс. – 2000. - № 12. – С. 50-55.
116. Орлова, Л. А. О социальном самочувствии учителей Московской области / Л.А. Орлова // Социс. – 1998. - № 8. – С. 89-94.
117. Сокурянская, Л.Г. Студенчество в условиях транзитивного общества: ценностный дискурс перехода / Л.Г. Сокурянская // Социология. – 2004. - № 1. – С. 60-71.
118. Наумова, Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / Н.Ф. Наумова. – М., 1988. - 200 с.

119. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М., 2002. – 880 с.
120. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. - СПб., 2001. – 478 с.
121. Шихирев, П.Н. Современная социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. / П.Н. Шихирев. - М., 1999. – 447 с.
122. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. - СПб., 2003. – 860 с.
123. Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем. /Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденоко. - М., 1990. - 808 с.
124. Ядов, В. А. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания / В.А. Ядов // Социологический журнал. - 1997. № 3.
125. Шубкин, В. Н., Иванова, В. А. Страхи, тревоги, способность противостоять им / Россия трансформирующееся общество / В.Н. Шубкин, В.А. Иванова. - М., 2001. - С. 348 – 358.
126. Витковская, М. И. Теоретико-методологические проблемы изучения страха в социологии / М.И. Витковская // Вестник РУДН. - 2003. № 4 - С. 86 – 91.
127. Шубкин, В. Н., Иванова, В. А. Страхи и тревоги россиян / В.Н. Шубкин, В.А. Иванова СПб., 2004.
128. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / Под ред. В. Шляпентоха. - М. 1999.
129. Горбунова, М.Ю., Фиглин, Л.А. Эмоции как объект социологических исследований: библиографический анализ / М.Ю. Горбунова, Л.А. Фиглин // Социс. – 2010. № 6. С.13-22.
130. Титаренко, Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л.Г. Титаренко. – Мн., 2004. – 250 с.
131. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. - М., 2002. - 390 с.

132. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М., - 2002.
133. Габасова, Л. Пилюли счастья лучше корвалола / Л. Габасова // СБ Беларусь сегодня. – 14.04.2012.
134. Кучерова, М. Подростки ищут свое место. Конференц-зал / М. Кучерова // СБ Беларусь сегодня. – 19.04. 2012.
135. Психологические тесты в 2-х томах / Под ред. А.А. Карелина. Т. 1 - М. 2001.
136. Галич, Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси: анализ региональных особенностей / Л.П. Галич // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2011.– № 3. – С. 29-33.
137. Шавель, С.А. Галич, Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ / Шавель С.А., Галич Л.П. // Социология. - 2012. - № 1. С. 76-95
138. Филинская, Л.В., Мартинкевич, А.В. Методологические и методические особенности изучения протестного потенциала молодежи / Л.В. Филинская, А.В. Мартинкевич // Социология. – 2012. - № 1. С. 104-114.

Научное издание

Галич Людмила Петровна

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
МОЛОДЕЖИ**

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 18.07.2012 Формат 60х84 1/16 Бумага офсетная

Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 16,0 Уч.изд.л. 16,2

Тираж 100 экз. Заказ № 1472

ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0494335 от 16.03.2009

220072 Минск Сурганова 1, корп. 2 Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tut.by Отпечатано на издательской системе KONICA MINOLTA
в ИООО «Право и экономика»